

Проф. Брюкнеръ.

Исторія
кой литературы.

Часть I.

891

То 891

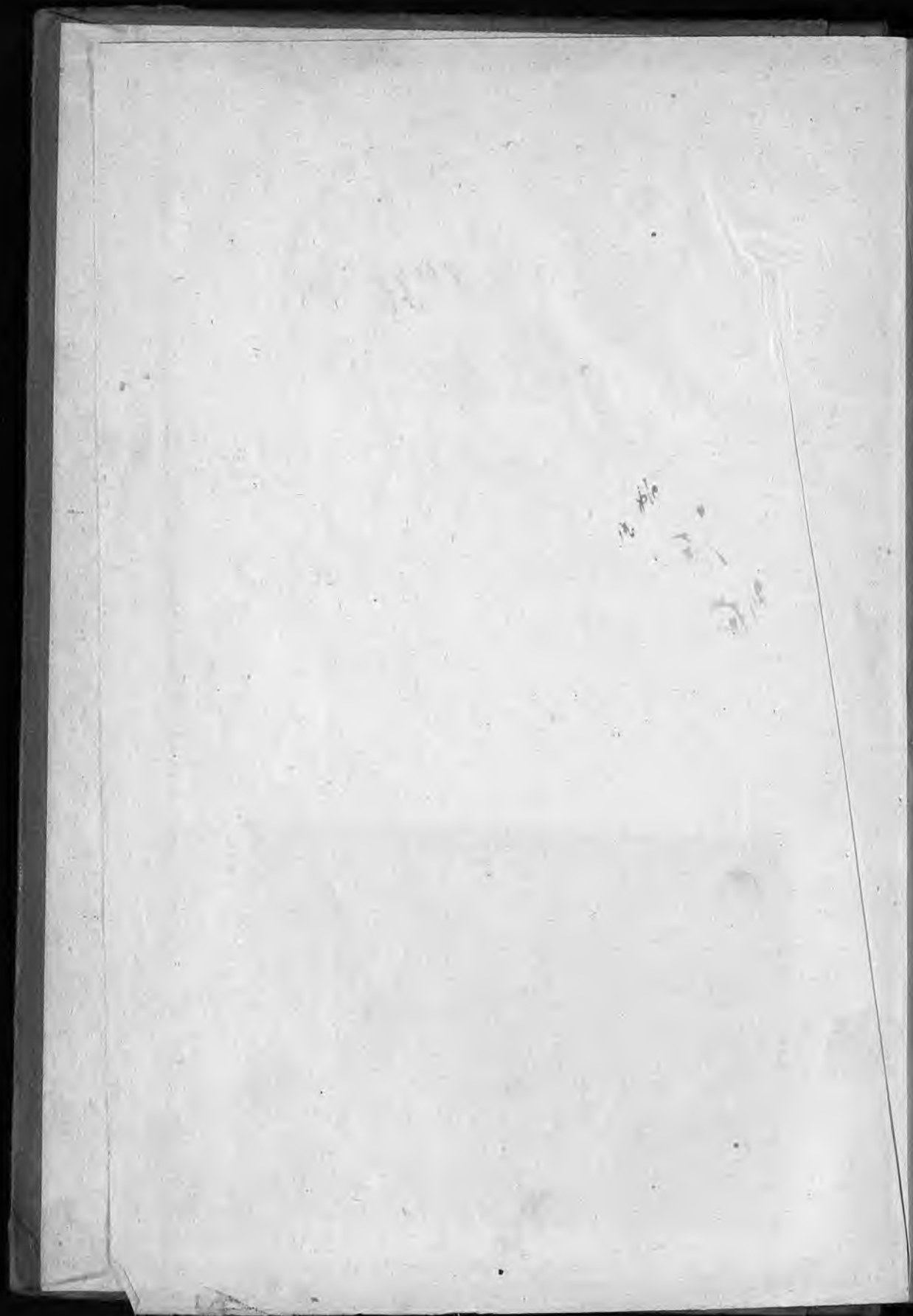
8(с)р
Б 89

Издание „Вѣстника Знанія“
(В. В. Битнера).

3576

✓

8/ср
589

ГЛАВНѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. Брюкнеръ.

891
75.89.

Русская литература
въ ея историческомъ развитіи.

ВЪ 2 ЧАСТЯХЪ.

5376
X 4 0 8

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Т. Саввинскаго,

подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

Часть I.

8434

СЪ ПОРТРЕТАМИ И СНИМКАМИ СЪ КАРТИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе «Вѣтника Знанія» (В. В. Битнера).

1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Часть первая.	
I. Введеніе	1
II. XVIII-е столѣтіе	25
III. «Преобразованная Русь»	39
IV. Екатерина II и ея время	57
V. Эпоха Александра I	87
VI. Пушкинъ	109
VII. Романтическіе поэты	127

Проф. Брюкжеръ.

Русская литература въ ея историческомъ развитіи.

Часть I.

В В Е Д Е Н І Е.

Страна и люди. Основаніе государства и церкви. Древне-русская жизнь; ея расцвѣтъ въ XI и XII вв. и упадокъ въ слѣдующихъ столѣтіяхъ; культурное состояніе общества. XVI-е столѣтіе; усвоеніе матеріальныхъ успѣховъ Европы; духовная некультурность.

Исторія русской литературы въ особенности должна привлекать вниманіе каждаго. И интересъ къ ней будетъ обусловливаться не древностью этой литературы—она самая молодая среди великихъ,—не законченностью ея—она часто лишена эстетическаго значенія, но ея особеннымъ характеромъ, гуманнымъ содержаніемъ, естественностью и чистотою, стремленіемъ къ идеальному, наконецъ, тѣмъ значеніемъ, какое она имѣла въ духовной жизни націи. У англичанъ и французовъ, у нѣмцевъ и итальянцевъ изящная литература есть выраженіе національнаго чувства на ряду съ другими, средствами; для мыслящаго русскаго, совѣтъ лишеннаго возможности пользоваться печатью, свободой собраній, правомъ открытаго выраженія своихъ мнѣній, литература была послѣднимъ убѣжищемъ его свободной мысли, единственнымъ средствомъ пропаганды соответствующихъ идей; онъ ожидалъ и требовалъ отъ литературы своей страны вовсе не эстетическаго наслажденія: проникнутая извѣстнымъ направленіемъ, она должна была служить всему благородному и хорошему, просвѣщенію и освобожденію духа. Отсюда поразительная односторонность, даже несправедливость, съ которыми русскіе относятся къ совершеннѣйшимъ произведеніямъ собственной литературы, если они не отвѣчаютъ тенденціи, ожиданіямъ партіи или дня. Очевидно, что чисто-эстетическое изслѣдованіе предмета не привело бы къ полной оцѣнкѣ его значенія.

Историческая точка зрѣнія уже по самому характеру этой литературы неизбежна. Этотъ характеръ коренится въ русской почвѣ, въ темпераментѣ ея жителей, во внѣшнихъ чужеземныхъ вліяніяхъ, которыя совершенно преобразовали національныя чувствованія.

Знаніе условий, среди которыхъ выросъ теперешній русскій, необходимо для правильной оцѣнки его литературы, самой полной и свободной выразительницы его самого.

Дѣйствіе этихъ условій простирается до отдаленнѣйшаго прошлаго,

идеть через столѣтїя, въ теченіе которыхъ нельзя говорить ни о какой литературѣ, развѣ только о зачаткахъ ея, и черезъ которыя историкъ литературы не можетъ все-таки перескочить, если онъ не хочетъ въ XIX вѣкѣ очутиться беспомощнымъ передъ загадками. Такъ какъ европейскій читатель врядъ ли хорошо знакомъ съ ходомъ русскаго развитїя—здѣсь дѣло идетъ вовсе не объ именахъ или датахъ,—то не мѣшаетъ отмѣтить нѣкоторые, наиболѣе характерные моменты этого процесса.

Теперешнему русскому многое чуждо, начиная съ его азбуки, которая предназначалась на мѣстѣ для иного языка, не для русскаго,—до его имени съ удвоенной формой: народное «Русь» и «Россь»—официальной, старой Россїи. Нѣкогда все было совершенно иначе. На родинѣ славянъ, между Одеромъ и Дономъ, отъ Карпатъ до Валдая и Балтїйскаго моря, расположились на востокъ этой области, отъ Буга и Саны, многочисленныя мелкія племена одного языка. Въ послѣднемъ позднѣе выдѣлились говоры южный, малорусскій, украинскій, сѣверо-западный, бѣлорусскій и сѣверный или великорусскій; великорусскій, всего болѣе выдвинутый къ востоку и сѣверу и нѣкогда самый ограниченный, изъ Великаго Новгорода и позднѣе изъ Москвы получилъ свое необыкновенное распространеніе и занялъ исключительное центральное положеніе; московскій говоръ сдѣлался потомъ и письменнымъ языкомъ, короче—русскимъ. Это русское, великорусское, въ свою очередь, дало діалектическія уклоненія, но ихъ въ сравненїи съ тѣми огромными площадями, которыми опредѣлялось «русское», слѣдуетъ считать ничтожными; различїи въ говорѣ, къ которымъ привыкли нѣмцы, французы или итальянцы, въ русскомъ совсѣмъ нѣтъ.

Русскій былъ славянинъ, т.-е. прирожденный анархистъ, ненавидящій всякое стѣсненіе своей свободы, incapable или нежелающій собственными средствами образовать болѣе стойкій государственный организмъ. Вѣрно говорить вѣрноподанническая поэзія съ давнихъ поръ о «храбромъ» и «вѣрномъ Россѣ», даже либеральные мыслители (Кавелинъ) надѣялись его «удивительнымъ государственнымъ умомъ»; настоящая исторія знаетъ, однако, славянъ, которые убивали собственныхъ выдающихся военачальниковъ, лишь бы освободиться отъ угрозы своей свободѣ: сравни при этомъ уваженіе къ счастливымъ предводителямъ у германцевъ. Въ постоянныхъ раздорахъ между собою, находясь въ нѣкоторой зависимости отъ хозарь, въ сущности вполнѣ свободныя, жили восточно-славянскія племена подъ различными названїями: на Днѣпрѣ, около бывшаго пробѣздного мѣстечка Кіева—Поляне, т.-е. полевые люди, на Сожѣ—Радимичи и на Окѣ—Вятичи, т.-е. сыновья Радима и Вятка, ближайшіе предки великороссовъ; у Великаго Новгорода—«словене». Около этихъ и другихъ, на востокъ и сѣверъ, помѣщались свободныя и вольныя финскія племена.

Сѣверные жители, называемые также варягами, двигаясь отъ шведскихъ береговъ и Ботническаго залива, покорили эти финскія и славянскія племена; потомки «Рюрика» властвовали отъ В.-Новгорода за Кіевъ до степи, отъ Саны и Буга до Оки. Фактъ покоренія преданіе облачило въ добровольное призваніе «варяговъ», норманновъ, что само по себѣ не имѣло значенія, если бы только этимъ не злоупотребляли въ XIX стол. славянофилы, да и не они одни, выводя отсюда свою догму о характерѣ русскаго государственнаго строя: въ то время, какъ въ Европѣ народъ и правительство, т.-е. покоренные (обитатели провинцій, напр.) и завоеватели (т.-е. франки или готы) должны торговаться и враждовать изъ-за конституцій,—въ Россїи народъ довѣрчиво передалъ всю власть въ руки правительства, которое за пользованіе этимъ правомъ было отвѣтственно только предъ самимъ собою. Одна изъ многочисленныхъ русскихъ сказокъ, которая дѣ-

ласть невозможнымъ всякое представленіе о безотрадныхъ, прямо невыносимыхъ условіяхъ.

Такъ какъ эти сѣверные жители административно объединили финскія и славянскія племена, то они и дали имъ впервые общее названіе «Русь», заимствованное отъ финскаго обозначенія шведовъ. Въ дальнѣйшемъ о распространеніи области наименованія позаботилось само небо, предоставившее этимъ восточнымъ славянамъ самое удобное мѣсто, какое только можно себѣ представить. Другіе славяне встрѣтили въ своемъ движеніи къ морю большія горы, свирѣпыхъ противниковъ,—однимъ только восточнымъ были противопоставлены слабые финны, уступавшіе малѣйшему ихъ натиску; такъ удалось великороссамъ безъ особенной борьбы достигнуть обладанія безконечными равнинными пространствами вплоть до Ледовитаго океана и до Урала; а когда въ XVI вѣкѣ они переступили эти низкія горныя цѣпи, для нихъ такимъ же образомъ, т.-е., почти безъ единого удара мечомъ, открылась вся Сибирь. Чужеземное завоеваніе и благопріятное географическое положеніе, а вовсе не мудрый государственный умъ или какая-нибудь особенная заслуга—создавали вмѣстѣ условія для существованія и возведенія Россіи.

Трижды совершалось передвиженіе центрального пункта русской державы. Теперешній Петербургъ насчитываетъ только двѣсти лѣтъ и находится на старой финской почвѣ. Но и предыдущій, Москва, лежалъ на вѣншей границѣ славянской земли, былъ недавнимъ поселеніемъ вятичей; только первый, Кіевъ, на югѣ, рядомъ съ которымъ В.-Новгородъ, на сѣверѣ, рано обезпечилъ себѣ автономію,—былъ древнимъ славянскимъ центромъ. Кіевъ одинъ поэтому—«мать» русскихъ городовъ; къ Кіеву и его великокняжескому престолу прикована древне-русская исторія, культура и литература; русскій сѣверъ и востокъ принимаютъ въ этомъ лишь пассивное участіе; лишь на югѣ, значить, у теперешнихъ малороссовъ творилась сущность всего старо-русскаго, московскаго, русскаго, имѣетъ только ту заслугу, что она сохранила созданное на югѣ въ XI—XIII ст.; собственный прикладъ можно считать весьма незначительнымъ; участіе даже В.-Новгорода, въ литературѣ по крайней мѣрѣ, было весьма скромно. Москва, позднѣе Петербургъ—просто пресмички кіевского наслѣдія.

Иноземцы образовали государство; они же основали въ Кіевѣ церковь. Съ рукою греческой царицы принялъ князь Владиміръ крещеніе и поналъ вмѣстѣ со своимъ народомъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго пеходъ былъ найденъ полтысячи лѣтъ спустя, благодаря русѣ опять греческой царицы. Введеніе греческой церкви и славянскаго богослуженія было самымъ роковымъ моментомъ въ ходѣ развитія Руси, которая промѣняла право европейскаго первородства на чевичную похлебку.

Однимъ изъ гениальнѣйшихъ ходовъ, которые когда-либо дѣлались на шахматной доскѣ міровой исторіи, было изобрѣтеніе славянскаго богослуженія двумя братьями изъ Салоникъ, Константиномъ или Кирилломъ и Меодіемъ. Не изъ любви или участія къ славянамъ, которыхъ они, истые греки, презирали, какъ собакъ, но исключительно изъ ненависти къ Риму создали братья говоръ, знакомство съ которымъ они вынесли изъ ближайшей къ нимъ мѣстной обстановки, изъ Салоникъ,—языкомъ церковнаго служенія и особеннаго письма,—примѣръ въ Европѣ неслыханный, поистинѣ даръ Данайцевъ для задумывавшихся надъ этимъ. То, къ чему тщетно стремятся теперь славяне, къ панславянскому языку, который, впрочемъ, совершенно бесполезенъ, ибо нѣтъ же ни пангерманскаго, ни панроманскаго,—это осуществили въ IX ст. братья; они просто предложили свой македонскій говоръ западнымъ славянамъ, ближайшимъ къ Моравіи, явно выразивъ намѣреніе навязать его постепенно и всѣмъ прочимъ въ одной и той-же формѣ; поэтому они не сдѣлали никакихъ уступокъ осо-

бенностямъ моравскаго языка и, переполнивъ всякую мѣру произвола, своего «быть по сему», они изобрѣли для своего языка особенное, чрезвычайно запутанное письмо. Приманкою этого «собственнаго» письменнаго и церковнаго языка славяне должны навсегда удерживаться вдали отъ всякаго сношенія съ Римомъ, который какъ разъ тогда на Балканскомъ полуостровѣ, въ Болгаріи, пытался взять верхъ надъ Византіей.

Кириллъ и Меодій проповѣдуютъ славянамъ язычникамъ.

Геніальный планъ, благодаря славянской наивности и тщеславію, по большей части удался. Правда, моравы, послѣ нѣкотораго колебанія, выпроводили подкидыша изъ своей страны; тѣмъ охотнѣе приняли его къ себѣ южные славяне, особенно болгары; уже въ чисто-языковомъ отношеніи, онъ былъ имъ роднѣе, македонскій говоръ ближе всего подходилъ къ болгарскому, — только отказались они въ концѣ концовъ отъ фокусовъ особеннаго, безобразнаго и труднаго письма въ пользу чисто-греческаго алфавита, увеличеннаго немногими знаками для славянскихъ звуковъ. Такъ пришли славяне къ тому, чѣмъ не обладали ни кельты, ни германцы, — къ одному славянскому церковному и письменному языку, и въ немногія десятилѣтія

положили достаточное основаніе литературѣ, хотя и состоящей въ большинствѣ и изъ переводныхъ съ греческаго произведеній, патристическихъ, энциклопедическихъ и лѣтописныхъ. Къ сожалѣнію, неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства скоро помѣшали дальнѣйшему развитію старославянской, т. е. старо-болгарской литературы.

Болгарія и болгары были хорошо знакомы русскимъ еще до 988 г.; несмотря на то, что они теперь были крещены греками и изъ Греціи въ теченіе пяти столѣтій получали въ большинствѣ случаевъ свою высшую іерархію, славянское богослуженіе болгаръ непремѣнно должно было перейти къ нимъ, какъ славянамъ же. Они сразу получили готовую литературу и письменный языкъ на болгаро-македонскомъ нарѣчій, орфографіи, фонетикѣ и лексиконѣ котораго они еще придерживаются и теперь. Русский Володимиръ сдѣлался нынѣ болгарскимъ Владимиромъ, русское «нужа» превратилось въ «нужда», будучи въ будущій и т. д.; весьма значительно было это вторженіе болгаризмовъ въ лексиконъ; русская орфографія, правильнѣе какографія, неизлѣчимо страдаетъ еще и доселѣ отъ системы, которая отчасти уже въ IX ст. устарѣла для самой Македоніи. Такъ, однимъ разомъ русскіе перебрали своихъ сосѣдей, поляковъ, богемцевъ, венгерцевъ, пользуясь письменнымъ языкомъ, въ цѣломъ для нихъ вполне понятнымъ, литературой, которая сразу расширила ихъ умственный горизонтъ; князь Владимиръ приказалъ учить молодежь письму, пусть оплакивали матери взятыхъ для этого дѣтей, какъ мертвецовъ. XI-е столѣтіе знаменовало тогда расцвѣтъ древне-русской жизни; возникли многочисленныя церкви и монастыри; Киевъ сіялъ прямо сказочнымъ блескомъ, по крайней мѣрѣ, судя по рассказамъ иностранцевъ; сынъ Владимира, Ярославъ, съ христіанскимъ именемъ Юрій, откуда Юрьевъ—Дерптъ, основанный имъ, выдалъ замужъ своихъ дочерей за королей французскаго, венгерскаго и норвежскаго; императоръ Генрихъ IV женился на русской княжнѣ. Востокъ и Западъ, казалось, были предназначены къ непосредственнымъ сношеніямъ; позднѣе, русскіе зодчіе или, по крайней мѣрѣ, живописцы находили дорогу до Бреславля. О самомъ Ярославі лѣтописецъ передаетъ, какъ онъ постоянно сидѣлъ за книгами, день и ночь читая ихъ, какъ онъ собиралъ многихъ писцовъ и заставлялъ ихъ переводить съ греческаго на славянской; еще и теперь у насъ сохранились рукописи XI ст., которыя были заказаны для великаго князя или для знатныхъ мужей его. Но блестящему началу не соответствовалъ дальнѣйшій ходъ.

Между Россіей и Европой природа не воздвигла никакихъ географическихъ границъ, даже этнографически не всегда легко удалось бы разграничить, напр., поляковъ и русскихъ. Зато непреодолимую, непроницаемую, китайскую стѣну медленно, но тѣмъ вѣрнѣе, строило вѣроисповѣданіе. Въ срединѣ того же XI вѣка произошелъ, окончательно проведенный папою Геруларіемъ, церковный расколъ, который былъ начать сотни лѣтъ тому назадъ и ускоренъ Фотіемъ и братьями изъ Салоникъ. Съ того времени ежегодно проклинали другъ-друга Римъ и Византія, и славяне должны были поплатиться въ спорѣ, который ихъ вовсе не касался. Славянѣ въ дѣлахъ вѣры были всегда крайне терпимы, отсюда легкость, съ которою онъ принялъ христіанство,—за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда оно было прикрытіемъ для политическаго притѣсненія; фанатизмъ, ненависть и презрѣніе къ язычникамъ, т. е. латинянамъ, привили русскимъ греки. Ревниво оберегали они своихъ новыхъ овецъ отъ зараженія римскою ересью, и наивные русскіе превзошли скоро своихъ учителей; они упрекали римлянъ за то, что тѣ матерію почитали, какъ свою мать, смѣшивая матерію съ русскимъ матеръ, что Псевдопетръ, будучи папою, уничтожилъ въ Римѣ старую святую вѣру и т. п. Такъ началось у русскихъ отвращеніе ко всему латинскому и европейскому.

Но при этомъ ухудшились и условія культурной жизни. Если бы, какъ у кельтовъ, германцевъ, богемцевъ совершенно чуждый имъ языкъ, такъ и у русскихъ греческій сдѣлался бы церковнымъ и богослужебнымъ языкомъ, необходимо должны были бы возникнуть школы для обученія неизвѣстному языку; а грамматическое образование было не только въ среднѣе вѣка началомъ всякаго ученія и знанія. Наоборотъ, славянскій богослужебный языкъ не требовалъ никакихъ трудовъ; достаточно было сыну священника усвоить грамоту чрезъ своего отца, чтобы затѣмъ быть посвященнымъ. Поэтому въ древней Руси не было школы; ученіе состояло только въ ознакомленіи съ необходимѣйшими началами чтенія, рѣдко и письма; отсюда все знаніе ограничивалось извѣстной начитанностью въ священномъ писаніи, особенно въ псалтыри, и, въ видѣ исключенія, начитанностію въ патристической литературѣ, даже знакомство съ греческимъ было чрезвычайно рѣдко.

При томъ, это знаніе касалось только христіанской литературы: если упоминалось имя Гомера или Демосфена, то знакомились съ нимъ изъ позднихъ и скудныхъ флорилегій; да кругъ и христіанской литературы былъ не особенно широкъ; исключительный подборъ проповѣдей и т. п. замѣнялъ, напр., хризостомъ. Разъ приобретенный въ Болгаріи матеріалъ на русской почвѣ не увеличивался. Къ тому же греки надѣлили русскихъ своимъ упорнымъ тяготѣніемъ къ буквѣ, нетерпимостью, односторонностью истощеннаго аскетическаго міросозерцанія, для котораго всякое мірское стремленіе было мерзостно, и этимъ медленно образовывался разладъ между юношески свѣжей, могуче бьющей жизнью народа и его мрачной литературой бѣгущихъ отъ міра, умерщвленіе плоти и лишенія проповѣдующихъ монаховъ; подготавливался рѣзкій расколъ между жизнью и ученіемъ, который влекъ за собою неестественныя, но необходимыя пустосвятство, лицемеріе, ложь. Въ XI, да и въ XII в. исторіи этого полного отчужденія Россіи отъ Европы, народной жизни отъ литературы были еще мало замѣтны. Народъ доживалъ свой героическій періодъ; норманскіе князья и ихъ свита давно уже ославянились, пусть они и почитали еще своего сѣвернаго Тора и носили пока свои сѣверныя имена, напр. Ольга—Helga, Олегъ—Helgi, Игорь—Ingvar и т. д. Великій князь и его наладины круглаго стола проводили свою жизнь, воодушевляемые борьбою съ дикими степными племенами, занятые попеченіями о вдовахъ и сиротахъ, о святыхъ церквахъ; простой образъ жизни не зналъ никакихъ рѣзкихъ социальных, социальныхъ перегородокъ, и отдаленный отзвукъ гомеровскихъ поэмъ чудится намъ въ пѣняхъ-сказаніяхъ, въ «былинахъ», которыя еще и донынѣ сохранились, хотя не безъ измѣненій, въ отдаленнѣйшихъ частяхъ государства, въ Олонецкой губ., на Онежскомъ озерѣ, въ Архангельской губ., даже въ Сибири. Имъ свойственны эпическая полнота, широта и повторенія; матеріалъ взятъ не только изъ пограничныхъ боевъ, но содержаніе полно и самыми различными мотивами повѣсти: борьба между отцомъ и сыномъ; умная жена помогаетъ своему мужу въ снаряженіи; предободѣянне и наказаніе обольстителя; разставаніе супруговъ, сцены признанія и т. д.; главные герои самой исторіи неизвѣстны. Ни щедрый, добродушный, немного безхарактерный Владимиръ и ни его болѣе злая, капризная половина не стоятъ въ центрѣ,—его занимаетъ національный герой Илья Муромецъ, извѣстный и нѣмецкому героическому эпосу. Сынъ крестьянина, непризнанный и отвергнутый, онъ въ моментъ величайшей опасности вступаетъ со своими нечеловѣческими силами—эти пѣсни превышаютъ всякую оцѣнку—не за князя или княгиню, къ которымъ онъ равнодушенъ, ибо онъ вовсе не вѣрноподанный, но за страну и ея бѣднѣйшихъ, побѣждаетъ противника и въ награду за это въ теченіе трехъ лѣтъ упивается въ цар-

сихъ кабакахъ зеленымъ виномъ. Этотъ человекъ, альтруистъ и демократъ, воплощаетъ въ себѣ русскіе идеалы, которые, будучи совершенно противоположны греческимъ и германскимъ, для насъ бесконечно симпатичнѣе и гуманнѣе. Другіе, — золотоопоясанный Добрыня, нѣчто, въ родѣ рыцаря Мёрингера; Донъ-Жуанъ—Чурило; Иванушка съ чудеснымъ конькомъ, который такъ же незамѣтенъ, какъ и большинство героевъ и т. д., — менѣе важны. Правда, нѣсколько рискованно говорить объ этихъ пѣсняхъ, которые, при своемъ движеніи съ юга (Кіевъ) на сѣверъ, въ теченіе многихъ столѣтій подъ рядъ, были значительно искажены, какъ объ относящихся къ XI и XII вв., но, несомнѣнно, корни ихъ въ этомъ времени и въ его отношеніяхъ; ихъ древнѣйшія указанія, которые отступаютъ только до 17 ст., проще, полнѣе, менѣе путаютъ разные мотивы. Славянамъ, какъ таковымъ, этого рода распосиди были неизвѣстны, у западныхъ славянъ, напр., онѣ никогда не встрѣчаются; здѣсь, быть можетъ, играло роль чужое вліяніе: степные народы, вѣдь, богаты пѣснями своихъ предковъ; и сѣверныхъ князей сопровождалъ скальдъ. Существуютъ специально новгородскія былины.

Смерть Владимира Мономаха.

Къ XII ст. относятся интереснѣйшіе памятники Кіевской литературы, рядомъ съ которыми позднѣйшая московская ничего не можетъ поставить, хотя она подражаетъ имъ или принимаетъ. На начало столѣтія падаетъ окончателъная редакція кіевской лѣтописи. Она возникла въ монастырѣ, проникнута строго аскетическимъ взглядомъ на ходъ міровыхъ событій, склонна къ обширнымъ религіознымъ наставленіямъ, съ охотою влетаетъ въ повѣствованіе молитвы и проповѣди морали, но естественный, свѣжій, пластическій разсказъ, эпическія остановки на подробностяхъ, такой же демократическій духъ, какъ и въ былинахъ, правдолюбіе, полнота и точность передачи—все это заставляетъ каждый народъ позавидовать русскимъ въ ихъ лѣтописи. Южные славяне, вообще, не могутъ указать ничего подобнаго, но и хроники сѣверныхъ странъ далеко уступаютъ, несмотря на ихъ лучшія композиціи, ихъ искусственный стиль и большую ученость

ихъ составителей. И особенно отчетливо кидается представлѣніе о сосредоточеніи и распространѣніи всего славянскаго міра, которое было только въ Кіевѣ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Эта лѣтопись, т. н. Несторова, лежитъ въ основаніи всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ продолженій и компиляцій; среди нихъ выдается произведеніе XIII ст., западно-русская, галицко-волынская хроника, эпическою полнотой и обстоятельностью своего изложенія. Достаточно изъ нея небольшой выдержки: «Когда князь Мономахъ пилъ изъ Дону своимъ золотымъ шеломомъ, одинъ изъ половецкихъ князей убѣжалъ къ Кавказу; по смерти Мономаха посылаетъ другой князь своего пѣвца къ нему: «онъ долженъ теперь возвратиться въ нашу страну, передай ему мои слова, спой ему пѣсни половецвъ, а не захочетъ онъ и тогда, дай ему понюхать степной травы евшану». Когда ханъ не захотѣлъ вернуться и не внялъ пѣснямъ, подалъ ему пѣвецъ евшанъ; понюхалъ его ханъ, пролилъ слезы и воскликнулъ: «лучше потерять кости на собственной землѣ, чѣмъ быть въ славѣ на чужой» и возвратился» (тема извѣстной баллады Майкова). Какъ бы на пересказанную прозой прекрасную эпическую пѣснь похоже ея описаніе похода князя Данила противъ язычниковъ, восточныхъ пруссовъ, и т. п. Сравнительно съ этой наглядной полнотой совсѣмъ невыгодно отличаются сѣверныя лѣтописи (не исключая и новгородскихъ) своею сухостью и сжатостью; московскія имѣютъ явную официальную окраску, т. е. онѣ предусмотрительно уклоняются отъ всякой непріятной истины.

Около 1110 г. игуменъ Данилъ описалъ свое паломничество ко святому Гробу и этимъ открылъ богатый родъ литературы, который тянулся вплоть до 18 ст. и далъ много собственныхъ и греческихъ разсказовъ, во множествѣ списковъ—нѣкоторые тексты существуютъ въ сотняхъ копій,—что доказывало необыкновенный интересъ старой Руси къ этой литературѣ. Старѣйшій изъ этихъ паломниковъ—вмѣстѣ съ тѣмъ интереснѣйшій; наивность южно-русса, вѣрная привязанность къ родинѣ очень привлекаютъ къ нему; собственно, описаніе путешествія у него на второмъ планѣ; набожный человекъ повѣствуетъ благочестивымъ людямъ дома, въ Россіи, о всѣхъ чудесахъ, про какія ему говорилъ проводникъ; онъ разсказываетъ, что можно видѣть, будто Господь еще пребывалъ на землѣ со своими учениками, что у него чуть не вырвался вздохъ о разбойничьихъ сыновьяхъ Агари. У дальнѣйшихъ повѣствователей только увеличивается количество чудесъ; перечисляются невѣроятнѣйшія святыни, дощечки отъ Ноева ковчега, посаженные Христомъ пальмы и т. д.; еще позднѣйшіе разсказываютъ о золотѣ, которое стекаетъ съ горъ Аравіи, объ Іорданѣ, вода котораго идетъ вверхъ и внизъ, о городѣ Египтъ (разумѣется Аль-Каиръ) съ его 14000 царевыми кабаками, 14000 улицами, съ 10000 дворовъ; въ Іерусалимѣ у нихъ пупъ земли, входъ въ преисподнюю; въ Константинополь виденъ крестъ, висящій на воздухѣ; намѣренно избѣгаютъ они латинскихъ реликвій.

Къ концу XII вѣка относится еще сказаніе о походѣ Игоря на половецвъ въ 1185 г. Фактъ самъ по себѣ былъ незначителенъ, хотя не безъ романтическаго привкуса: честолюбивые молодые князья рѣшаются на предпріятіе противъ степныхъ разбойниковъ и одерживаютъ побѣду; но ихъ оружіяютъ превосходными силами и перебиваютъ; одинъ изъ нихъ, кн. Игорь, взятъ въ плѣнъ, откуда счастливо бѣжитъ къ своимъ. Разсказъ нѣсколько неровенъ, выдвигаетъ только главные моменты; тутъ выражаются лирическія чувства, описывается возмущающій несчаствіе мрачный сонъ великаго князя; приводится жалобный плачъ жены Игоря, несомый вѣтромъ съ Путивльскаго башни въ степь: кукушкой хочетъ она летѣть вдоль по Дону, омочить бобровый рукавъ во Каялѣ рѣкѣ, обереть

имъ кровавыя раны князя: она умоляетъ и Вѣтеръ, который развѣялъ по степи ея радости, и Днѣпръ, чтобы онъ возвратилъ ей на волнахъ ея мужа, и Солнце, которое своимъ жаромъ опалаетъ милыхъ ей. За унылыми жалобами на раздоры удѣльныхъ князей, — какъ должна стонать Русь, вспоминая первыя времена и первыхъ князей, — пробивается затѣмъ къ концу вдвойнѣ бодрый тонъ: тяжело головѣ безъ плечъ, плохо тѣлу безъ головы, Руси безъ Игоря, но теперь веселы страны, ликуютъ города, въ пѣсняхъ воспѣвая сначала старыхъ князей, потомъ молодыхъ. Это мѣстами написанное ритмической прозой слово объ Игорѣ, тономъ и содержаніемъ далеко выдвигается въ ряду произведеній прежней аскетической литературы; благодаря своей уединенности, равно какъ и дурной передачѣ, оно представляетъ для пониманія трудности, увеличиваемыя изысканными, искусственными выраженіями, намеками на отдаленныя обстоятельства, сплетеніемъ темныхъ, мнѳо-эпическихъ именъ. Сѣверная Русь позднѣе подражала чистовѣщине, безъ пониманія и этому ю.-русскому кievскому продукту, составитель этихъ подражаній принадлежашій къ свитѣ князя, постоянно обращается къ Сѣверной Руси. Зато послѣдней принадлежитъ заслуга сохранить намъ въ одномъ позднемъ сборникѣ, который погибъ при московскомъ пожарѣ, это характерное произведеніе, звучащее, быть можетъ, оборотами современной народной эпикки; при первомъ опубликованіи (1800 г.) современники сочли сказаніе за оссіановскую пѣснь славянскаго барда. Заслуга с.-русской литературы была, главнымъ образомъ, въ храненіи продуктовъ болѣе богатой и разнообразной кievской эпохи; для самого юга настала эпоха ужаса, междоусобій и раздоровъ, окончательнаго ослабленія.

До XIII столѣтія протекаетъ древне-русская жизнь цѣльнымъ потокомъ; сконцентрированная на югѣ, она пускаетъ слабыя ростки на сѣверъ и востокъ. Но въ безпрерывныхъ раздорахъ удѣльныхъ князей падаетъ значеніе стараго центра Кіева; переходя съ руки на руку, онъ наконецъ перестаетъ быть предметомъ стремленій, и возникаетъ новая группировка областей, чему способствовали внѣшнія обстоятельства. Страшные татарскіе набѣги, завоеваніе и разрушеніе Кіева около 1240 г. обезлюдили городъ и страну; церковь считается съ измѣнившимися отношеніями и въ 1299 г. кievскій митрополитъ переселяется на сѣверъ, во Владимиръ. Такъ югъ покидается; но и на с.-западѣ приходятъ въ движеніе бѣдные жители лѣсовъ. Литовцы выступаютъ изъ своихъ лѣсовъ и болотъ и на счетъ з.-русскихъ областей основываютъ собственное государство, въ которомъ, однако, литовскій элементъ культурно и количественно совсѣмъ уступаетъ русскому; они вступаютъ въ борьбу съ поляками изъ-за наслѣдства вымершихъ галицко-волынскихъ князей, пока въ 1386 г. между Литвой и Польшей не была заключена унія. Такъ политически совершенно отдѣляется эта литовско-польская Русь отъ востока и добивается скоро и своей церковной независимости, учрежденія новой кievской митрополіи.

Въ противобѣсъ этой меньшей западно-русской, къ Польшѣ и Литвѣ тяготящейся области, возникаетъ группировка в.-русскихъ удѣльныхъ княжествъ вокругъ новаго центра.

Они были въ XI в. основаны и въ XIII расширены отчасти на не-славянскій, финской землѣ Муромы, Мордвы и т. д.; почва не имѣла никакой исторической традиціи, могущество новыхъ князей было неограничено. Важнѣйшимъ изъ этихъ княжествъ было Владимиро-Суздальское, центръ котораго былъ перенесенъ въ Москву и, когда въ 1328 г. бывшій кievскій митрополитъ перенесъ свое мѣстопребываніе въ Москву, московскіе князья окончательно приобрѣтаютъ верхъ надъ князьями Рязани, Твери и т. д. Если греческая церковь со своимъ цезаропапизмомъ уже ступила ногою на спину княжеской власти, то теперь она, благодаря татарскимъ

набѣгамъ, приобрѣла чрезвычайное значеніе. Государственная и общественная жизнь на югѣ была окончательно разрушена, русскіе князья были обязаны признать власть орды и платить ей дань; только русская церковь вслѣдствіе вѣротерпимости татаръ вышла свободною, увеличивала свои богатства, укрѣпляла свое вліяніе и бросила его, наконецъ, на чашу московскихъ вѣсовъ. Такимъ образомъ, Москва сдѣлалась уже съ XIV в. руководящимъ государствомъ на востокѣ, политическимъ и духовнымъ преемникомъ Кіева.

Рядъ суровыхъ и хитрыхъ князей, которые намъ напоминаютъ настоящихъ деспотовъ, безпощадно эгоистическихъ, коварныхъ и недовѣрчивыхъ, жадныхъ и скрытныхъ, жестокихъ и свирѣпыхъ, положили основаніе могуществу Москвы; трусливо ползали они предъ ордой, въ рабской подчиненности лизали они съ земли и съ гривы лошади молочныя капли, которыя уполномоченные татарскаго хана нарочно проливали изъ привѣтвеннаго бокала; такъ стремились московскіе князья обезпечить себѣ тылъ, получали свободу дѣйствій противъ братьевъ и старались использовать это право, дѣйствуя съ жестокою энергіей, местию и подкупами, наушничествомъ въ ордѣ. Если церковь никогда не покидала мысли объ единствѣ, если митрополитъ въ Москвѣ такъ же претендовалъ на руководство южными епархіями, то и московскіе великіе князья восприняли тенденцію церкви и начали значиться преемниками и наследниками кievскихъ князей и выставляли лозунгомъ: «собираніе земли Русской». Поднявшіеся въ татарскихъ ордахъ усобицы облегчали ихъ работу, и къ концу этого періода, около 1480 г., было очевидно, что противъ московской державы не могли уже идти ни татары, ни литово-поляки; восточныя княжества были все истощены, ихъ князья сдѣлались слугами Москвы; объ торговли республики, В.-Новгородъ и Псковъ, обязаны были признать ея верховенство. Литва болѣе не могла предъявлять никакихъ притязаній, и скоро потеряла собственную область; древне-русской свободѣ и независимости давно уже была приготовлена могила; наступила новая эра свирѣпаго произвола и тиранніи, духовной узости и нетерпимости, ненависти и страха предъ новшествомъ, предъ мыслию, эра византійской косности на проторенныхъ путяхъ. Теперь только созрѣлъ драконовый посьвъ Кирилла и Меодія.

Катастрофы XIII ст. снова пробудили аскетическій духъ, совѣмъ было исчезнувшій въ старой Руси; связь съ Греціею, которая сама скоро (послѣ латинянъ) не могла защищаться противъ османовъ, была порвана; Русь представлялась собственнымъ духовнымъ силамъ; ихъ скудная наличность становится хилой еще болѣе; онѣ скоро начали читаться почти только традиціонной, религіозной литературой. Эта послѣдняя состояла по большей части изъ дурныхъ, потому что дословныхъ, рабски точныхъ переводовъ св. Писанія (полный кругъ которыхъ, впрочемъ, былъ заказанъ только въ 1499 г.), и избранныхъ твореній отцовъ церкви; изъ нѣсколькихъ каноническихъ и историческихъ компиляцій, изъ нѣкоторыхъ полемическихъ трактатовъ противъ латинянъ и іудеевъ, отчасти собственного производства. Равнымъ образомъ, существовала исторія только «благочестивая», такъ какъ она состояла изъ библейской исторіи и ея византійскихъ продолженій, съ отдѣльными вставками нѣкоторыхъ эпизодовъ анекдотическаго или скорѣе романическаго оттѣнка, о грузинской королевѣ Тамарѣ и т. п. Беллетристика ограничивалась исторіей объ Александрѣ Великомъ, о войнахъ за Троию, о Варлаамѣ и Юсафатѣ (буддійская легенда), о мудромъ Акирѣ, баснями (изъ «Физиолога», природовѣдѣнія) и собраніемъ восточныхъ сказокъ (Ихнилата); недостатокъ въ беллетристикѣ возмѣщался апокрифической литературой, которая гораздо сильнѣе, чѣмъ каноническая, захватывала сердце и мысль.

Изъ ветхо-и новозавѣтныхъ апокрифовъ узнаваль русскій объ участіи сатаны въ твореніи міра, о его соперничествѣ съ Богомъ; число падшихъ ангеловъ должны возмѣстить люди, отсюда ярость и зависть сатаны, поэтому Сатанаилъ выманиваетъ у Адама письменное обязательство за его родъ; рай не исчезъ, тамъ пребываютъ взятые съ земли Энохъ и Илья и разбойникъ съ креста; къ нему однажды совсѣмъ близко подходилъ новгородскій Моиславъ со своими спутниками. Сатана противился всѣми силами постройкѣ ковчега Ноемъ; тогда онъ соблазнилъ его напитокомъ пьянымъ; сдѣлались врагами кошка и мышь. Густая сказочная чаща окружала имя Соломона: уже дитятею обнаруживается онъ свою мудрость и тиетно преслѣдуетъ его мачеха, злая намѣренія которой онъ скрываетъ; увеличивается число его приговоровъ. Интереснѣйшій, однако, апокрифъ рассказываетъ о построеніи храма съ помощью Китовраса (Кентавра), какъ Китоврасъ увелъ у него жену, какъ уже, стоя подъ висѣлицей, Соломонъ отмстилъ за себя; затѣмъ о немъ и о Сивиллѣ Савской.

Несравненно большія и важнѣйшія свѣдѣнія передавались о Спасителѣ и Маріи; какъ Марія была предсказана ея матери, какъ она служила въ храмѣ, какъ ей былъ найденъ женихъ благодаря чуду съ жезломъ, какъ ея дѣвственность выдержала всѣ испытанія и т. д.; какъ рожденіе Спасителя въ Персіи было возвѣщено чудесами. Изъ апокрифовъ о Христѣ особенное вниманіе останавливается на относящіяся къ его дѣтству, съ безчисленными чудесами сначала на пути въ Египетъ, потомъ въ Назаретъ; какъ онъ былъ избранъ среди священниковъ, какъ онъ сносился съ Авгаремъ, княземъ Едессы, вошелъ въ братство съ Провомъ, какъ онъ пахаль. То, о чемъ каноническіе евангелисты трактуютъ распространено, остается неприкосновеннымъ, только въ пробѣлы вторгается фантазія, и тѣмъ точнѣе докладывается о схожденіи во адъ, о сковываніи сатаны, объ освобожденіи праотцевъ; Эдишъ-Иуда, который убиваетъ своего отца и живетъ въ кровномъ грѣхѣ съ матерью, равно какъ нѣмецкій Пилатъ—два суздальскихъ попа во время своего флорентинскаго путешествія въ 1439 г. были въ его родномъ городкѣ у Бамберга,—дополняютъ новыми частностями сказанія о Страстяхъ. Потомъ интересъ снова переходитъ къ Дѣвѣ, ея дальнѣйшей жизни въ Іерусалимѣ, ея усенію, къ которому нисходитъ Сынъ и собираются всѣ апостолы; рассказывается, какъ іудеи были наказаны за нарушеніе порядка похороннаго шествія.

Менѣе плотна была легендарная ткань объ апостолахъ, объ ихъ соперничествѣ между собою и съ Симономъ-волхвомъ, объ ихъ полныхъ чудесъ путешествіяхъ, разлукахъ, свиданіяхъ (совсѣмъ въ стилѣ древнегреческаго романа). На ряду съ апокрифами объ апостолахъ, частію касающимися церковнаго права, были распространены легенды о святыхъ, особенно о самомъ дѣйствительномъ защитникѣ отъ золь на сушѣ и на морѣ, Николаѣ,—когда Богъ умретъ, онъ будетъ Богомъ; о змѣѣ-борцѣ Георгіи, изображеніе котораго помѣщено въ государственномъ гербѣ Россіи, котораго особенно почитали именно князья, основатели Москвы; объ Андрѣѣ, апостолѣ славянъ, который доходилъ до Новгорода и много дивился устройству русской бани. Рядъ заключали апокрифы о появленіи антихриста, его побѣдѣ и паденіи; хожденія Дѣвы и апостола Павла по аду, ихъ видѣнія будущихъ мукъ, заступничество Маріи. Большою популярностью пользовались «Бесѣды Святителей», особенно Василя, Григорія и «Хризостомъ», походившіе просто на благочестивую игру въ загадки: какое рукодѣлье было первымъ на землѣ? (шитье, вспомни Адама и Еву); какаѣ мать осетъ собственныхъ дѣтей? (море—рыби); когда вымерла четвертая часть свѣта? (когда Каинъ убилъ Авеля); когда ликоваль весь міръ? (когда Ной вышелъ изъ ковчега); какиихъ животныхъ не доставало въ ковчегѣ? (рыбъ);

кто до Адама родился съ бородой? (козелъ) и т. д. Все эти произведенія, дающія намъ прямое свидѣтельство о томъ, что всего болѣе интересовало набожнаго читателя, вовсе не были продуктами русской фантазіи; это— вмѣстѣ и въ отдѣльности—переводы съ греческаго, отчасти замѣнявшіе утерянные оригиналы, какъ книга объ Енохѣ, составленная еще у южныхъ славянъ, въ Россіи только дополненная. Представители самой церкви часто не могли правильно опредѣлить границы между истинными и «ложными» книгами, и только, когда содержаніе апокрифовъ давно уже закрѣпилось въ памяти народа, они начали усердствовать противъ лжеученій, приписывая ихъ богомилскому (богомилы были отцами вальденсовъ) болгарскому попу Іереміи, тогда какъ они были именно греческими продуктами. Вмѣстѣ съ возрастающей въ русской жизни аскезой, проникаютъ теперь стихи, духовныя пѣсни. Распѣваемые нищими и каліками, онѣ постепенно отбрасываютъ національныя, эпическія быліны, заимствуя, впрочемъ, кое-что изъ ихъ тона и способа выраженія. Стихи поютъ еще и теперь: такъ, объ Іосифѣ Прекрасномъ, о Голубиной, вмѣсто глубинной, книгѣ, т. е. о загадочномъ разговорѣ трехъ Святителей, и др.

Эта только что приведенная литература, къ которой примыкали еще фларилегіи, сборники сентенцій, какъ «Золотой источникъ», «Цѣль» и т. п., составляли все русское знаніе. Наукъ астрономическихъ, математическихъ, географическихъ и медицинскихъ не было даже и въ зачаточномъ видѣ: плоская земля покоилась у русскихъ на четырехъ китахъ; небесный сводъ поддерживался ангелами; грозами дѣйствовалъ Богъ; знали четыре райскихъ рѣки; вмѣсто Европы и европейцевъ были франки; поляки и литовцы сливались вмѣстѣ, какъ язычники. Физиологія была столь же мало сложна: Адама Богъ составилъ изъ восьми частей, изъ камня—кости, изъ земли—тѣло, изъ солнца—глаза и т. д.; въ приготовленное тѣло, благодаря недосмотру собаки, дьяволу удалось вложить 70 болѣзней; 12 лихорадокъ усердно посѣщаютъ человека. Лѣкарственными средствами были молитва, заговоры для отвода дурного взгляда и слова, травы и бани; медицины чурался русскій еще въ XVII ст., какъ вражескаго изобрѣтенія. Въ качествѣ астрономіи выступали различныя мѣсячники и громовники, въ которыхъ разъяснялось, что должно значить, если лунныя фазы падаютъ на такіе-то и такіе дни, если въ понедѣльникъ и т. д. гремитъ громъ. Начальныя основы грамматикъ были нѣкоторымъ образомъ извѣстны изъ «Дамаскина»; однако, никакого обученія церковно-славянскому языку не было и онъ самъ все болѣе терялъ русскія звуковыя и формальныя особенности; тексты становились все запутаннѣе, каждый новый списыватель только умножалъ ошибки своихъ предшественниковъ, и духовенство вскорѣ увидѣло себя вынужденнымъ вмѣшаться сюда. Выгоняли чорта Вельзевуломъ. Южные славяне, которыхъ въ XIV и XV ст. призвали въ Россію для провѣрки богослужебныхъ книгъ, (знали, что культура была занесена изъ Болгаріи), принесли съ собою исправленные кодексы, но, устранивъ проникнувшія въ письменный языкъ народныя выраженія, очистили, такимъ образомъ, и съ своей стороны замѣнили невѣроятно искусственнымъ, вычурнымъ языкомъ, за которымъ терялся дѣйствительный, наконецъ, даже и всякій смыслъ. Суть пѣсма заключалась въ «хитрыхъ сплетеніяхъ» словъ, за которыми даже самъ составитель не чувствовалъ никакого содержанія. Всякаго рода обходами, скрываніемъ истиннаго значенія страдаетъ письменный языкъ до 17 ст.; часто съ трудомъ только добиваешься смысла въ описаніи интереснѣйшихъ событій, напр. изъ эпохи «Смуты», т. е. борьбы противъ Лжедмитрія. Тогда мнимыми поправками исказили даже выраженіе для собственнаго народа и церкви: до сихъ поръ назывались они правильно «правовѣрными», теперь

стали зваться «православными»—официальный терминъ, безмыслица, неправильно переведенный orthodoxos, doxa=слава, вмѣсто вѣра.

Такъ же, какъ съ образованіемъ, дѣло обстояло и съ искусствомъ. Болѣе крупныя зданія возводили только чужеземные архитекторы, греки или «франки», такъ какъ то, что строилъ русскій, обрушивалось; исключительно религіозная живопись робко держалась оригиналовъ, писали все одни и тѣ же смуглые, узкіе овалы, длинныя руки, старо-римское, византійское одѣяніе; искусство ваия, какъ языческое, было неизвѣстно, не было также и чеканниковъ монетъ. Церковной музыки не существовало; было въ употребленіи только протяжное пѣніе въ хорѣ. Для мрачнаго, коснаго, все настойчивѣе проповѣдуемаго духовенствомъ аскетизма всякое обнаруженіе общественной жизнерадостности было порочной, дьявольской скверной: противъ «мірскаго» пѣнія, танцевъ, игръ выступали эти судьи совѣсти со всеми мыслимыми угрозами; еще въ 1647 году все игры, пѣсни, обряды были воспрещены государствомъ; еще въ 17 ст. смѣялся русскій надъ европейскими танцами, надъ этимъ отыскиваніемъ угловъ, гдѣ ничего не было потеряно (какъ называлъ онъ это); только шуты могли забавлять такими прыжками своихъ господъ. Несмотря на будущія адскія муки, усердно занимались игрою въ кости и шахматы, даже въ экипажѣ на пути. Молодыя дѣвушки забавлялись хороводными пѣснями и танцами съ тѣмъ стариннымъ прихлопываніемъ рукъ въ тактъ, которое одному уже духовному казалось порожденіемъ ада; особенно любили онѣ качаться въ одиночныхъ и въ большихъ колесныхъ качеляхъ, которымъ такъ удивлялся баронъ Герберштейнъ (1518 г.). Усиливающееся проникновеніе восточнаго вмѣсто европейскаго все болѣе обособляло женщину отъ какого-бы то ни было вѣшняго общенія и, несмотря на моногамію, ей приходилось вести жизнь вродѣ гаремной: еще въ 17 ст., когда французскій посоль хотѣлъ засвидѣтельствовать и царицѣ свое почтеніе, ему, къ его сожалѣнію, было отказано подъ предлогомъ значительнаго нездоровья. Наивный французъ и не предполагалъ, что царицу, какъ и, вообще, знатную россиянку, не могъ видѣть ни одинъ посторонній мужчина, а еще позднѣе были предприняты особыя мѣры предосторожности, дабы и царица могла смотрѣть «комедію». Единственными средствами проявленія общности у простаго народа были кулачные или медвѣжьи бои; безсовѣстные скоморохи-вожаки медвѣдей предлагали ему единственное развлеченіе, кромѣ того, онъ могъ въ иные дни въ году напиться вѣласть. Уже въ 16 в. «зелено вино» было бичомъ Руси, не падившимъ ни духовенства, ни женщинъ; нѣмецкимъ ландскнехтамъ въ Вильнѣ доставляло особенное удовольствіе облегчать себя на валавшихся у сточныхъ желобовъ пьяныхъ полахъ.

Зато тѣмъ рѣзче и непримиримѣе было московское православіе особенно по отношенію къ Риму. Въ 13 ст. отдѣльные зап.-русскіе князья, конечно, изъ политическихъ соображеній (чтобы получить отъ папы королевскую корону), еще дѣлали попытки сближенія съ Римомъ; наконецъ опасность со стороны турокъ принудила самихъ грековъ пожертвовать ортодоксальной душой, лишь бы спасти тѣло: императоръ, патріархъ и епископы начали переговоры объ уніи, и уже во Флоренціи пришли было къ соглашенію, но все дѣло потомъ разстроилось, благодаря единодушному сопротивленію черни и низшаго духовенства. Московскій митрополитъ, который принималъ участіе въ этихъ переговорахъ и успокаивалъ папу, что русскіе епископы были мужи въ писаніи не гораздые, при возвращеніи въ Россію былъ лишенъ мѣста и свободы. Въ паденіи Константинополя Москва сейчасъ-же признала справедливую кару неба за то, что греки измѣнили правой вѣрѣ; когда же теперь Св. Софія превратилась въ мечеть и константинопольскій патріархъ сдѣлался турецкимъ рабомъ, Москва провозгласила

себя третьимъ и послѣднимъ Римомъ, единственнымъ и могущественнѣйшимъ оплотомъ правосвѣрія, и скоро въ этомъ убѣжденіи была подкрѣплена самими греками. Зап.-русская церковь въ силу политическихъ обстоятельствъ не столь рѣшительно порвала съ Римомъ и Западомъ. Когда великій князь литовскій поставилъ въ Кіевѣ новаго митрополита (независимаго отъ московскаго), тотъ скоро явился въ Констанць предъ папой Мартиномъ V: южный славянинъ, окруженный русскими монахами, предшествуемый польскими епископами, предложилъ богемицу прочесть латинскій переводъ его рѣчи; такъ прошелъ первый и до-нынѣ единственный дѣйствительно панславянскій съѣздъ въ 1418 году.

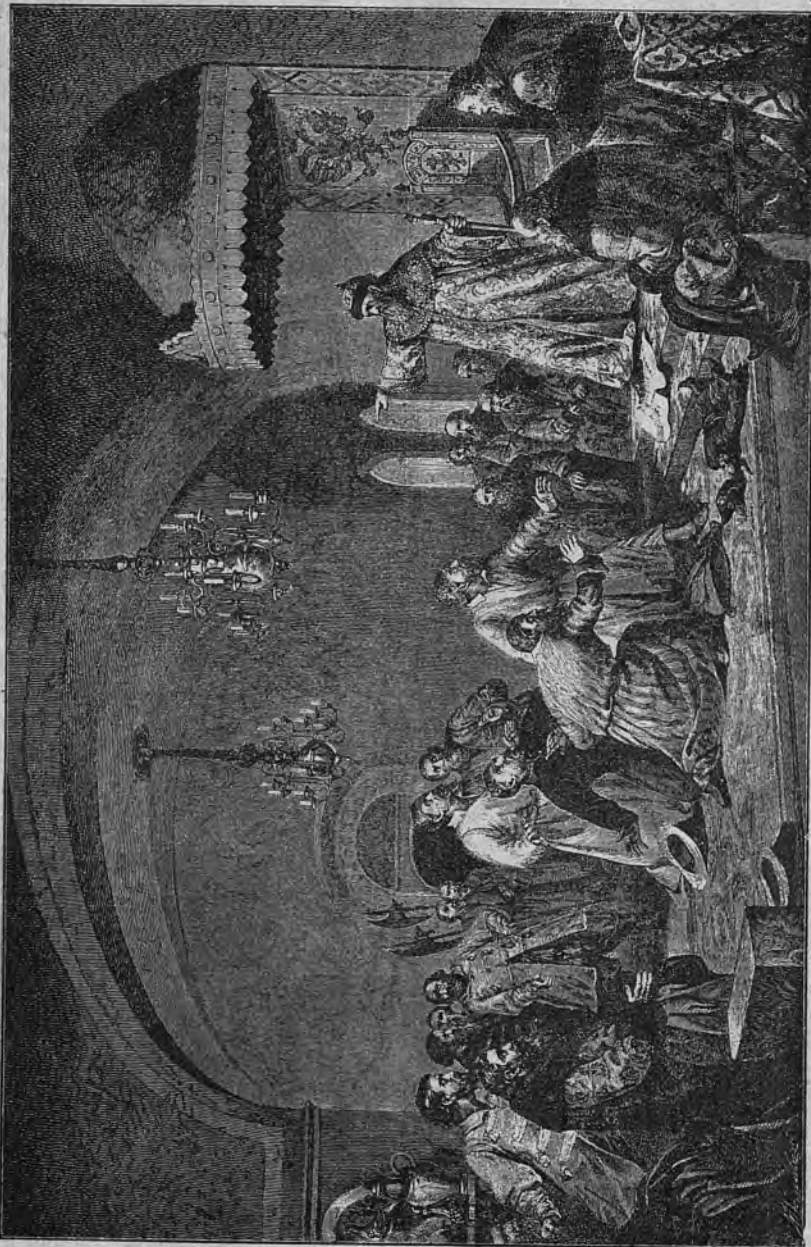
Болѣе свободному и прогрессивному югу пришлось горько заплатить за разладъ со своими политическими традиціями; ничего нельзя было болѣе поставить въ противовѣсъ непрерывно растущему московскому деспотизму. Этотъ образовывался совершенно по татаро-монгольскому образцу; онъ заимствовалъ у татаръ не только внѣшность, выраженія (напр. для лошадей и др.); обычай, учрежденія (почта, таможня и т. п.), но главное духъ; постепенно весь народъ падалъ въ пропасть рабской низости; созрѣвая въ татарской суровой школѣ, онъ требовалъ слѣпой подчиненности, и тутъ безусловная поддержка была оказана ему цезаро-папистскими притязаніями духовенства. Въ этомъ состояли единственные осязательные результаты татарскаго ига; правда, о немъ говорили еще и совершенно другое. Прежде всего его дѣлали отвѣтственнымъ за почти абсолютное отсутствіе древнихъ ю.-русскихъ, кіевскихъ рукописей, дошедшихъ до насъ только въ с.-русскихъ спискахъ, что давало поводъ оплакивать потерю невѣдомыхъ литературныхъ сокровищъ. Мнимость такого предположенія легко доказать; татарскіе набѣги опустошали и разрушали литературную наличность только количественно, никакъ не качественно; у насъ по крайней мѣрѣ на лицо все болѣе или менѣе заслуживающее вниманія, все, кажется, сохранилъ воспримчивый, впрочемъ, совершенно пассивный сѣверъ. Менѣе распространено другое, глубже захватывающее положеніе: московское чувство въ 19 ст. задѣвало то, что фундаментъ литературы былъ заложенъ на югѣ, въ малорусскомъ «хохлацкомъ» Кіевѣ, что лѣтописецъ Нестора, пѣснь объ Игорѣ и т. д., т. е. почти вся древнерусская литература возникла безъ всякаго соучастія «бородатого» великоросса; и вотъ, чтобы удовлетворить оскорбленный патріотизмъ, изобрѣли сказку, будто татарскіе набѣги совершенно измѣнили старый этнографическій типъ; до 1240 г. были кіевляне, малоруссы, великороссами и только тѣснимые татарами эти великороссы со своей литературой, своими эпическими пѣснями (былинами) и т. д. отодвинулись на сѣверъ; ихъ мѣсто будто заняли только позднѣе вновь переселившіеся изъ Полѣся, Волыни и т. д. малороссы. Въ защиту этого положенія преимущественно ссылались на тотъ фактъ, что только на крайнемъ сѣверѣ, Олонецкой губ. и др., сохранились старыя былины въ то время, какъ кіевскіе малороссы уже съ 17 стол. пользуются исключительно своими особенными «думами», пѣснями о борьбѣ съ поляками и татарами, которыя по содержанию и даже по стилю рѣшительно отличаются отъ былинъ. Забывали при этомъ, что Москва и центральныя губерніи не знаютъ никакихъ былинъ, слѣдовательно, переживаніе ихъ на сѣверѣ должно имѣть другое, спеціальное основаніе, что исторія подобныхъ массовыхъ переселеній совѣмъ не знаетъ, что позднѣйшія изслѣдованія (Кіевъ къ концу XV ст. терпѣлъ отъ татаръ временами еще болѣе) говорятъ противъ такого рода предположеній: массы на мгновеніе разсыпались передъ татарами, чтобы только по минованіи удара опять сомкнуться. Такимъ образомъ, попытка въ 19 ст. лишить малороссовъ ихъ стараго литературнаго обладанія, какъ въ 17 ст. у нихъ отняли свободу политическую и въ 18 ст. — социальную ихъ кре-

891

5-89

стьянъ,—не удалось; древне-русскую литературу въ существенномъ создали «малоруссы».—это имя появилось въ 14 ст. въ противоположность московской Великорусси,—но она сдѣлалась общимъ основаніемъ для всѣхъ русскихъ; великоруссы только дальше строили на ней.

На одно мгновение,—и это мгновение тянулось столѣтія — дальнѣшее

Иоаннъ, III толчетъ грамоту хана Ахмата.

5276

строительство было весьма проблематично, оно состояло даже скорѣе въ оставленіи однажды занятыхъ высотъ; въ 14 и 15 в. создалось непоколебимое политическое преобладаніе Москвы; но культурно страна рѣшительно падаетъ, и за это ответственны не татары, такъ какъ имъ было совер-

ицено чуждо всякое вмѣшательство во внутренне бытъ и жизнь народа, — единственное разумное, гуманное свойство татаръ, въ чемъ самодержавный строй Россіи понятно имъ не подражалъ; за этотъ упадокъ отвѣтственны единственно великоруссы и ихъ «національная» церковь. Оказывалось, что національная церковь не была въ состояніи разрѣшить свои простѣйшія задачи: народъ, въ сущности, оставался чуждъ христіанству; соблюдались, пожалуй, строгія предписанія относительно постовъ и праздновались жалкіе праздники; чужая, латинская церковь могла все-таки указать еще на совѣтъ другіе результаты; у русскихъ не существовало ни проповѣди, ни пѣнія; его богослуженіемъ, какъ говорить превосходная поговорка, былъ колоколь, его молитвой — поклонъ; онъ былъ «двоевѣрецъ», противъ чего официальная церковь должна была выступать не только на окраинахъ, крѣпко держался своихъ суевѣрныхъ обычаевъ и принадлежалъ къ христіанству чисто-внѣшне.

Съ этимъ духовнымъ и культурнымъ наслѣдіемъ вступила Русь въ новое время. Оно начинается тутъ не съ 1501 г., а уже съ 1472 г., съ того дня, когда новая царица, Зоя (Софія) Палеологъ, торжественно вступила въ Москву. Союзъ устроили грекъ, кардиналъ Виссаріонъ, и папа, съ опредѣленной цѣлью способствовать этимъ дѣлу религіозной унии: они не предчувствовали, что сдѣлали ее навсегда невозможною. Ибо теперь Иванъ III открыто выступилъ наслѣдникомъ православнаго, византійскаго императора; принявъ въ «государственный гербъ» греческаго двуглаваго орла, великій князь сдѣлался царемъ и скоро заявилъ притязаніе на титулъ Императора; окончательное посвященіе получила Москва, когда ея митрополитъ сдѣлался патріархомъ; византійскіе патріархи своими нищенствующими посольствами питали невыносимую московскую спесь. Но вмѣстѣ съ Софіей перешли по наслѣдству не только византійскія вождѣнія и традиции (новая вода на мельницѣ самодержавія); съ ней же пришли въ страну итальянскіе архитекторы, строители Кремля, ремесленники, векоръ и другіе чужеземцы. Теперь уже начался процессъ, который долженъ былъ заключить Петръ Великій.

Отнынѣ Москва стремится принять участіе въ матеріальныхъ благодѣяхъ европейской культуры: врачи и аптекари, конечно, предварительно только для царской фамиліи, литейщики колоколовъ и пушекъ, ружейные мастера, ремесленники всякаго рода прибывали въ страну. Дальше не дозволялись старымъ вооруженіемъ, которымъ можно было еще хорошо сражаться съ татарами, но уже никакъ не съ рыцарями Лифляндіи и Литвы, а это послѣ распадѣнія орды были единственные противники. Съ одной стороны выступилъ тогда «Господинъ всея Руси», какъ собиратель «отцовскихъ» наслѣдій, и выставилъ притязанія на Кіевъ, чтобы окончательно вытребовать также Вильну и Галицію; съ другой — онъ долженъ былъ добиться себѣ выхода къ морю, ибо сосѣди угрожали смертною казнью тому, кто захотѣлъ бы сухою пройти въ Москву. Такъ какъ Черное море еще столѣтія оставалось замкнутымъ, то уже въ 16 в. началось стремленіе къ Балтій; раньше приходилось довольствоваться смѣлыми англичанами, которые разыскали въ Архангельскѣ трудный путь вокругъ Норвегіи. Они объѣзжали страну, захватывали въ свои руки торговлю, и, пріѣзжая домой, рассказывали о тѣхъ весьма замѣчательныхъ нравахъ и обычаяхъ, на которые имъ приходилось наталкиваться.

Чѣмъ сильнѣе Москва желала воспользоваться матеріальнымъ прогрессомъ Европы, тѣмъ боязливѣе оберегала она свою восточно-ортодоксальную исключительность отъ всякаго посягательства. Теперь достигло это своего развѣта. Подъ игомъ восточной деспотіи рабскій народъ утерять всѣ понятія о чести и человѣческомъ достоинствѣ; ношеніе оружія было воспрещено;

оскорбленія отомщались донесеніемъ въ продажный судъ. Первый вельможа въ государствѣ не осмѣливался свое письмо къ царю подписывать собственнымъ христіанскимъ именемъ Иванъ, онъ «билъ предъ нимъ челомъ» собачьей кличкой Ивашка, что было отмѣнено только въ 18 ст. Сановники въ любое время могли быть подвергнуты сѣченію: при переговорахъ съ иностранными послами одинъ какъ-то началъ хвалиться самымъ вздорнымъ образомъ, что въ Москвѣ водится все, пальмы, тигры и т. д., другой оставилъ его на этомъ; обоихъ ихъ выпороли и оправдывали ихъ отсутствіе предъ послами тѣмъ, что они будто-бы вывалились изъ саней. Ложь и извѣсты сдѣлались насущною потребностью; какъ развращающе по восточному деспотическая Москва дѣйствовала на всю страну, описываетъ посолъ императора Максимилиана, баронъ Герберштейнъ: согласно его извѣстіямъ, обѣ прежнія великія торговыя республики, Новгородъ и Псковъ, отличались деликатностью и человѣчностью, необыкновенною открытостью и искренностью; при покушкѣ, напр., здѣсь никого не обманывали и держали всегда разъ данное слово; но теперь (1518 г.) все это измѣнила до неузнаваемости московская язва, и народъ испорченъ въ корнѣ; въ Москвѣ, какъ только начнутъ увѣрять и божиться, гляди: это вѣрный признакъ готовящейся измѣны и обмана. Относительно этой недобросовѣтности всегда сходились въ одинъ голосъ и за границей, и въ самой странѣ. Около 1630 г. составилъ въ Москвѣ князь Хворостининъ первые русскіе стихи о томъ, что московскіе люди сѣютъ хлѣбъ и живутъ только обманомъ и ложью; еще Тургеневъ и Писемскій писали на ту же тему: «Русскій вретъ».

Послѣдніе остатки самоуваженія вытравило въ народѣ правленіе Ивана IV, Грознаго; что еще казалось способнымъ измѣнить самодержавнымъ вождельніямъ, потоплено было въ собственной крови. Достоинство и богатства Новгорода, символы которыхъ уже въ XV в. были отосланы въ Москву, канули тамъ навсегда; честолюбіе старыхъ боярскихъ родовъ, въ составъ которыхъ вошли также и послѣдніе потомки прежнихъ удѣльныхъ князей, вращалось исключительно на томъ, чтобы не потерять мѣста въ войскѣ, у царскаго стола и т. д.; и эти споры о мѣстахъ заразили, наконецъ, и купечество, такъ что еще въ XIX в. московскій губернаторъ при приглашеніяхъ долженъ былъ поступать съ большою осмотрительностью, ибо гость скорѣе залѣзъ бы подъ столъ, чѣмъ занялъ бы мѣсто ниже того, которое ему досталось отъ отца. Зато всѣ были обязаны повиноваться царю безвольнымъ и безсмысленнымъ собачьимъ повиновеніемъ, всѣ одинаково были его мужиками, т. е. лично собственностью, и теперь русскій упражнялся вмѣсто всѣхъ другихъ добродѣтелей въ одной,—героизмѣ рабства.

Этой моральной соотвѣтствовала и духовная культура. Всѣ русскіе казались иностранцамъ людьми одинаковаго духовнаго развитія, и чѣмъ больше ихъ невѣжество, тѣмъ заносчивѣе становились они со своею правотворностью. Зато въ 1580 г. въ Москвѣ никто изъ сыновъ греческой церкви не могъ прочесть на греческомъ напечатаннаго Новаго Завѣта; въ Вологдѣ епископъ (игумень) не зналъ числа евангелистовъ, и когда англичане дали ему прочесть начало евангелія отъ Матвея, онъ не могъ отгадать, что за текстъ имѣетъ передъ собой. Не было свѣдѣній о протѣйшихъ религіозныхъ основахъ; развѣ только могли отвѣтить на такіе вопросы: почему Марія Магдалина была такъ почитаема?—такъ какъ она однажды даромъ подарила свою любовь тому, кто еѣ попросилъ объ этомъ во имя Христа. Въ то время, какъ Виклефъ и гуситы боролись за свободу совѣсти, а Лютеръ и Кальвинъ потрясали догмы, русскіе церковные люди безпокоились о томъ, два раза или три надо повторять «Аллилуйя», при освященіи церкви ходъ процессіи направлять «посолонь» или наобо-

ротъ, пѣть ли «Осподи» или «О, Господи» и т. д.; такимъ же образомъ нестриженіе бороды приняло догматическій характеръ. Находились монастырскіе игумены, которые непонятныя названія изъ Евангелія, напр., Баріона, замѣняли славянскими словами («говори о нихъ»). Къ концу XV ст. по крайней мѣрѣ была сдѣлана попытка образованія секты; іудействующіе въ Новгородѣ, нашедшіе доступъ къ митрополиту и въ царскій дворъ, кажется, положили начало рационалистической сектѣ: они отрицали даже воскресеніе; послѣ нѣкотораго недоумѣнія ортодоксія все-таки оправилась и подавила движеніе насильственными мѣрами. Направленіе, которое одержало верхъ надъ этимъ лжеученіемъ, примыкало къ тѣмъ одинаково гуманнымъ и благочестивымъ воззрѣніямъ, которыя ожидали обращенія еретиковъ отъ дѣйствія убѣжденія, а не меча, которыя требовали отъ задыхающагося подъ тягостью своихъ богатствъ монашества бѣдности и труда не на всѣ слова «Писанія» (т. е. всей патристической литературы), какъ на равно обязательныя. Но это слишкомъ свободное направленіе было подавлено, и если дѣло не дошло до инквизиціонныхъ трибуналовъ, такъ причина этому лежала не въ недостаткѣ судей для еретиковъ, но въ отсутствіи самихъ еретиковъ.

Невѣжество было самое полное и отупляющее. Тщетно звали отдѣльные духовные владыки въ школы; русскій боялся всякаго знанія, опасаясь, какъ бы чрезъ это не сдѣлаться еретикомъ. Чтобы положить конецъ возрастающей порчѣ рукописей, митрополитъ Макарій устроилъ типографію, но послѣ его смерти толпа напала на дьявольское изобрѣтеніе, разрушила и сожгла его, и оба великорусскіе печатники должны были бѣжать въ Литву: тутъ, конечно, игралъ роль и страхъ переписчиковъ, что у нихъ будетъ отнято доходное ремесло. Такъ огораживался русскій отъ язычества, т. е., отъ Европы; въ собственной темнотѣ онъ мнилъ себя одного только «право вѣрующимъ», смотря недовѣрчиво даже на грековъ, вслѣдствіе ихъ сношеній съ агарянами; царь сейчасъ же послѣ аудіенціи мылъ себѣ руку, которую цѣловалъ иностранный посолъ, и русская церковь считалась оскверненной, если въ нее какъ-нибудь попадалъ латинянинъ или собака. Сама страна тщательно оберегалась; никого не впускали, никого не выпускали; съ иноземными книгами поступали по примѣру Омара; тотъ, кто желалъ изучить латынь, брался за это, принявъ чрезвычайныя мѣры предосторожности, какъ будто онъ подготовлялъ заговоръ на жизнь царя. Добровольно не ѣхалъ за границу ни одинъ русскій, убѣжденный, что отъ этого пострадаетъ спасеніе его души; зато изъ молодыхъ людей, которыхъ Борисъ Годуновъ послалъ за границу, никого не удалось вернуть въ Москву.

Несмотря на эту самонадѣянность, возникало не мало сомнѣній. Слѣпо вѣрившіе въ букву почувствовали подъ собою колебаніе почвы, такъ какъ эта буква становилась все ненадежнѣе, усиливалось искаженіе писанія; при полномъ отсутствіи знанія языка и текста нельзя было предпринимать никакого исправленія. Къ тому же, знали, какъ была распространена апокрифическая литература, какъ деревенскій попъ читалъ и распространялъ суевѣрнѣйшіе молитвы и исторіи о томъ, какъ Марія, напр., напрасно молила у Христа денегъ и т. п. И вотъ тутъ обратились на св. Аeonъ съ настойчивою просьбой о надежномъ переводчикѣ книгъ. Однако, надъ самыми ортодоксальными Балканами тяготѣла уже черная туча, Сербія и Болгарія впали въ вѣковой сонъ; аeonскіе братья послали посему только трехъ грековъ. Съ именемъ одного изъ нихъ, извѣстнаго Максима, начинается мартирологъ русской литературы.

Максимъ былъ превосходно образованный человѣкъ, воспитанный греческихъ и итальянскихъ школъ, знавшій и почитавшій Савонароллу,

что, однако, не помѣшало ему, какъ истому греку, одинаково презирать все «латинское», папу такъ же какъ и Лютера. Онъ обладалъ, какъ никто въ Россіи, богословскими и филологическими знаніями, свободнымъ и сильнымъ характеромъ, ревностной вѣрой, горячей любовью къ своей Греціи, которая могла надѣяться на освобожденіе только въ случаѣ помощи православной Руси; на автокефалію московской церкви онъ смотрѣлъ косо. Для Максима его образованіе, характеръ и любовь сдѣлались гибелью.

Сначала, конечно, его редакторскую дѣятельность приняли съ радостью; такъ какъ онъ еще не зналъ церковно-славянскаго языка, то ему приходилось прибѣгать къ посредничеству лицъ (дьяковъ), знающихъ латинскій, а эти въ свою очередь дѣловали переводъ уже по-русски писцу. Однако, его положеніе скоро ухудшилось. На грека начали всюду роптать: что онъ безцеремонно измѣнялъ текстъ, по которому наши святые владыки спасли свою душу, что онъ этимъ оскорбляетъ ихъ; при допросѣ одинъ писецъ повѣдалъ, какой трепетъ и ужасъ объялъ его, когда Максимъ приказалъ ему прямо вычеркнуть нѣсколько неправильныхъ строкъ въ священномъ текстѣ. Присоединились и другія обвиненія: онъ позволялъ себѣ порицать различныя злоупотребленія, онъ стоялъ на сторонѣ тѣхъ, которые отрицали монастырскія владѣнія, онъ велъ знакомства съ подозрительными людьми. Обезпокоенный Максимъ сталъ просить позволенія возвратиться на Аѳонъ; тогда его бросаютъ въ тюрьму; восточные патріархи пытались ходатайствовать и просить объ его освобожденіи; его только крѣпче сковываютъ; Максимъ обратился къ московскому митрополиту: «мы лобзаемъ твои оковы, какъ святого», писалъ этотъ въ отвѣтъ, «но помочь тебѣ не можемъ». Только послѣ 30-лѣтняго заключенія, — Герберштейнъ думалъ, что грека утопили, — уже къ концу его жизни, его участь была нѣсколько смягчена; отпущеннымъ на волю онъ быть не могъ, однако, знаніе Россіи онъ приобрѣлъ слишкомъ основательное.

И все же, томясь въ темницѣ, Максимъ-грекъ пользовался такимъ моральнымъ авторитетомъ въ Россіи, какого никто кромѣ его не имѣлъ; онъ былъ судьей въ дѣлахъ совѣсти, составлялъ многочисленныя записки, полемизировалъ съ латинянами, лютеранами, іудеями, армянами, магометанами, греками (т. е. съ ихъ языческой мудростью); выступалъ противъ внѣшней суеты, обрядовой вѣры, которая могла сочетаться со всякою низостью, лихоимствомъ и т. д.; сражался съ суевѣріемъ, боролся за исправленіе текста, за необходимость школь, при чемъ ссылался на примѣры Парижа, объяснял молитвы и т. д. Онъ не пренебрегалъ риторическими украшеніями, пользовался аллегоріей, но стиль его нѣсколько суровъ, угловатъ и натянутъ: окаменѣвшій языкъ воздерживается отъ всякой уступки живому народному слову, которое онъ ставитъ себѣ задачею «облагородить», вмѣсто того, чтобы самому черезъ него очиститься и оживиться.

Его мысли пали на благодарную почву; онъ нашелъ безусловныхъ почитателей, изъ которыхъ одного также похоронили стѣны монастыря, другой былъ кн. Курбскій; кое съ чѣмъ была согласна и вся церковь. Какъ трудно было, однако, въ это время сломить косное тяготѣніе къ старинѣ, доказываютъ «100 главъ» 1551 г., которыя санкціонировали даже ошибки, напр. крестное знаменіе двумя, а не тремя перстами; это доказываютъ и попытки собрать все русское преданіе и, такимъ образомъ, навсегда обезпечить твердыя основы духовной культуры. Последнее предпринялъ митрополитъ Макарій, который на 11000 листахъ своихъ «четыре—миней» для церковнаго года приказалъ помѣстить все жизнеописанія святыхъ, проповѣди, писанія отцовъ и пр.; нѣкоторые памятники онъ, такимъ образомъ, сберегъ отъ гибели; къ его времени относится историческая компиляція «Степенной книги», въ которой хроника событій, составленная

весьма изысканнымъ языкомъ, въ лицемѣрномъ, святошескомъ тонѣ, съ аскетическими вставками, была расположена по порядку 17 родовъ, отъ Владимира до Ивана IV; трудъ пользовался въ теченіе цѣлаго столѣтія величайшимъ уваженіемъ, его нѣсколько разъ продолжали, сокращали и т. д. Изображеніе современныхъ историческихъ событій нашло себѣ особенную форму, такъ, напр., повѣствованіе о покореніи казанскаго царства описанное какимъ-то духовнымъ, который годъ провелъ въ татарскомъ плѣну, мѣстами выдержано имъ въ эпическомъ тонѣ; напоминаетъ псаломъ печальный рассказъ очевидца о паденіи Пскова около 1510 г., о гибели его «старинны», о его свободѣ, съ заключеніемъ: «О прекрасный городъ, великій Псковъ, о чемъ жалуешься и плачешь ты?»; и отвѣчалъ этотъ дивно красивый городъ Псковъ: «Какъ мнѣ не жаловаться и не плакать и не печаловаться о моемъ разореніи. Налетѣлъ на меня многокрылый орелъ со львиными когтями, отнялъ у меня три кедра моего Ливана, мою красоту, мое богатство, мой родъ» и т. д. Такъ навсегда была погребена древне-русская свобода. Скоро, однако, вполнѣ примирились съ новыми условиями жизни, съ равнымъ для всѣхъ давленіемъ московскаго ига; «Домострой» точно опредѣлялъ, съ выдержками изъ патристической литературы, сущность и обязанность господина дома, пользованія плетью для жены дѣтей и слугъ; низкопоклонничество предъ могущественными; возможнѣйшая предусмотрительность всюду; самая строгая экономія; величайшая набожность, только ее необходимо проявлять предъ всѣми,—вотъ основные принципы этой, по нашимъ понятіямъ, безнравственной книги; и здѣсь такъ же запрещается всякое самое невинное удовольствіе; въ одинъ рядъ поставлены и осуждены обжорство, прелюбодѣяніе, волшебство, правдивость, охота съ собакою и птицей, скачки, танцы и прыжки, барабаны и трубы, игра въ шахматы и домино, все это является одинаково ненавистнымъ Богу дѣломъ и служеніемъ дьяволу. Дѣйствительно, дѣлается жаль связывать со всѣми этими проявленіями лицемѣрія и фарисейства имена Адашева, кроткаго совѣтника Ивана IV, и гордаго, свободнаго, богатаго Новгорода.

Самымъ характернымъ памятникомъ эпохи, уникомъ въ своемъ родѣ, является переписка Ивана съ Курбскимъ. Способный, дѣльный и храбрый полководецъ во время ливонской войны подвергся доносу; спасаясь отъ ярости царя, онъ бѣжалъ въ 1564 г. въ Литву; Иванъ приглашалъ его возвратиться, Курбскій напалъ на его безчеловѣчность; слугѣ, принесшему это письмо, Иванъ при чтеніи пригвоздилъ своимъ острымъ желѣзнымъ костылемъ ногу къ полу. Ироніей и сарказмомъ—главное орудіе русской литературы,—проникнуты письма Ивана, его въ яростной злобѣ подысканныя цитаты изъ Библии, его темные и бушующіе потоки краснорѣчія. Отвѣты Курбскаго полнѣе, сдержаннѣе; личные счеты съ царемъ имѣетъ въ виду его нѣсколько рѣзкая, написанная по образцу «Хризостома», «Лѣтопись Великаго княжества», простирающаяся отъ юности Ивана до 1578 г.; первое прагматическое, тенденціозное и вмѣстѣ съ тѣмъ планомѣрное произведеніе русское исторіографіи, столь же далекое отъ отсутствія плана и только кажущейся объективности прежнихъ хроникъ, какъ и подвижная жизнь самого бѣглеца отъ созерцанія и лицемѣрія монаха-лѣтописца. Иванъ и Курбскій были образованнѣйшими людьми своего времени; царь могъ и евангелическому пастору держать рѣчь и отвѣтъ; въ другихъ его письмахъ говоритъ тотъ же самый безпокойный, страстный духъ, то же исключительное знаніе Писанія и Отцовъ, то же недовѣріе и высокоуміе. И Курбскій держится одного основнаго положенія: равнодушіе или прямо отвращеніе ко всякому другому, свѣтскому знанію, къ Аристотелю и Платону; самъ онъ, впрочемъ, на старости изучилъ латынь, но затѣмъ только, чтобы облегчить себѣ доступъ къ твореніямъ греческихъ Отцовъ церкви, которыхъ

одни лишь латиняне умѣли теперь хорошо издавать, и чтобы vybraty негодныя «болгарскія сказки», т. е. апокрифы, какъ Никодимово Евангеліе, сошествіе Господа во адъ и т. п., которые вносили смуту въ религиозныя понятія русскихъ. Курбскій—первое индивидуальное и протестующее явленіе въ литературѣ, и этимъ онъ интересенъ.

Іоаннъ Грозный за письмомъ Курбскому.

Что, собственно, въ душѣ думали царь и опальный бояринъ, открыто и смѣло выразилъ одинъ малорусскій монахъ на Афонѣ, Иванъ Вышненскій, проявляя въ своей дѣятельности горячую преданность отечеству и его православію, правой вѣрѣ, ведя страстную борьбу противъ Рима и его искусства; по его убѣжденію чортъ особенно мѣтитъ на славянскій, т. е. церковный языкъ, такъ какъ это самый лучший и угодный Богу; онъ безъ всякаго языческаго мудрствованія, какъ грамматика, реторика, діалектика и другія пустыя чертовщины, ведетъ чрезъ простое чтеніе прямо къ Богу. Его программа образованія юношества обнимала, вмѣсто ложной діалектики, правдивый молитвенникъ, вмѣсто хитроумныхъ силлогизмовъ и многословной реторики, псалтирь; вмѣсто философіи—блаженную и святую книгу пѣсней, а хочешь ты познать хитрость и придворную мудрость, кто мѣшаетъ

тебѣ читать Сираха и Соломона: только не предавайся языческимъ учителямъ и латинской хитросплетенной жи, иначе ты потеряешь вѣру. Составитель хвалится, что онъ никогда не упражнялся въ риторическомъ искусствѣ, не занимался мастерствомъ греческихъ или латинскихъ мудрецовъ и не учился хитрымъ диалектическимъ силлогизмамъ. Непоколебимымъ казался авторитетъ ортодоксальной церкви и навсегда загнутой за эти китайскія стѣны представлялась духовная жизнь, задушенная варварствомъ глубокаго средневѣковья, а все-таки уже новое время вѣщали какъ разъ тѣ, кому патриотъ и демократъ, монахъ съ далекаго Аеопа направлялъ свои столь страстные посланія.

Въ польской и литовской Руси, въ Лембергѣ, Кіевѣ и Вильнѣ было то же самое или собственно еще хуже, такъ какъ духовенство, особенно высшее, было тамъ совершенно разнузданно: мерзавцы и негодяи, назначаемые къ тому же волею короля; низшій клиръ, совсѣмъ омужичившійся, былъ глубоко презираемъ всѣми; положеніе православной церкви, особенно въ сравненіи съ блескомъ и значеніемъ польской, латинской, было совсѣмъ незавидное. Авторитетъ, знаніе, могущество польскаго клира должны были побуждать православныхъ къ мысли, не черезъ присоединеніе-ли къ Риму—объ униі здѣсь всегда думали и потомъ—добиться улучшенія условий, духовнаго подъема школъ и учителей, поднятія дисциплины и уваженія. Съ другой стороны, Римъ и его органъ, іезуиты, почти сами собой приходили къ мысли, нельзя ли прямо присоединить эту православную церковь къ Польшѣ: это могло бы проложить мостъ для дальнѣйшихъ шаговъ къ достиженію утопіи, пріобрѣтенію самой Москвы и Константинополя. Православной церкви въ Польшѣ—Литвѣ нельзя было больше медлить; массовыя отпаденія знати, Радзивилловъ, Сапѣгъ и т. п. и переходъ въ католицизмъ (или протестантизмъ) приносили уже огромный убытокъ. И вотъ, іезуиты и православные епископы сошлись на половинѣ дороги: православіе въ Польшѣ за сохраненіе своего языка, богослуженія и брака священниковъ, признавало римское папство и догму. Однако, униа не встрѣтила безусловнаго признанія; отдѣльные лица и народъ, особенно въ городахъ, боролись противъ нея самымъ рѣшительнымъ образомъ,—но борьбу приходилось вести духовнымъ оружіемъ; для этого необходимы были знаніе, необходимы школы.

Связи съ польско-литовской литературой и школой начались давно; уже королевскій дворъ Ягеллоновъ (только первый Ягеллонъ любилъ все русское: языкъ, бани, живопись; остальные всѣ были поляками съ головы до ногъ, а королямъ подражали и магнаты) способствовалъ распространенію западнаго образованія. Русскіе и литовцы учили латынь и польскій; переводы съ польскаго дѣлались еще съ конца XV ст.; сначала это опять интересные апокрифы; книга трехъ королей, Іоанна Гильдесгеймскаго, Тундаловы видѣнія мукъ въ чистилищѣ, хотя православная церковь не знаетъ никакого чистилища и т. п., легенды о святыхъ (Алексѣй, напр.), аскетическія сочиненія (разговоръ о смерти и др.)—вся эта литература нашла доступъ и къ русскимъ; Францъ Скорина изъ Полоцка, православный, принимавшій католицизмъ, чтобы имѣть возможность учиться, первый изъ русскихъ получившій степень доктора медицины въ Италіи, уже въ 1516—25 г. сталъ печатать въ Прагѣ, потомъ въ Вильнѣ книги Св. Писанія, молитвенники и пр., чтобы пойти на встрѣчу потребностямъ своихъ соотечественниковъ; языкъ его текста нѣсколько приспособлялся къ западно-русскому говору. Протестанты въ дѣлѣ пропаганды среди русскихъ тоже хотѣли было воспользоваться обстоятельствами, но вскорѣ отказались отъ своего намѣренія, издавъ катехизисъ и др., такъ какъ масса, благодаря своей некультурности и косности, была недоступна для ихъ воздѣйствія, а

знать, которую легко можно было привлечь къ себѣ, читала и писала только по-польски. Православныя братства, учрежденныя по образцу западныхъ для благочестивыхъ и благотворительныхъ цѣлей, во Львовѣ и въ Вильнѣ и отдѣльные дѣятели, какъ Константинъ Острожскій, одинъ изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ тогдашнихъ князей, стали прилагать теперь заботы къ устройству школъ, отысканію учителей, вспомогательныхъ средствъ, и такъ какъ съ однимъ греко-славянскимъ ничего нельзя было сдѣлать, то они въ основаніе своей школьной программы и положили латынь польскихъ школъ; и, такимъ образомъ, послѣ цѣлыхъ шести столѣтій Русь получила первыя учрежденія, которыя заслуживали названіе настоящихъ школъ. Самъ князь содержалъ типографію (первая славянская Библия въ вполнѣ законченномъ видѣ появилась въ Острогѣ въ 1581 г.) и школы, строилъ монастыри и храмы, и заказывалъ польскимъ протестантамъ, такъ какъ у самыхъ русскихъ для этого еще не хватало силъ, полемическія статьи въ защиту православія отъ іезуитовъ и униі; потомъ эти статьи переводились на русскій языкъ. Скоро, однако, его школы дали прекрасные результаты; изъ нихъ вышли блестящіе полемисты, первые грамматикѣ и лексикографы. Столь же успѣшно дѣйствовали и школы братствъ. Но польская и латинская основа образованія совершенно удаляла ихъ отъ древнерусской почвы, съ которой они были связаны только вѣроисповѣданіемъ; они писали между тѣмъ почти исключительно по-польски, какъ напр. Смотрицкій, самый блестящій среди нихъ, составитель грамматикѣ, которая еще полтора столѣтія спустя опредѣляла законы церковно-славянскаго языка; ихъ русскія сочиненія продуманы по-польски и до того наполнены полонизмами, что кажется, будто имѣешь предъ собою польскую книгу, напечатанную кириллицей (по русски). Изъ Лемберга, Острога и Вильны распространилось это религіозно-культурное движеніе дальше и перешло, наконецъ, въ Кіевъ, который снова началъ оправляться послѣ столѣтняго запустѣнія; ему суждено и еще разъ возвыситься до исключительной руководящей роли въ русской духовной жизни; ибо Кіевъ былъ посредникомъ при вступленіи латино-польской школы и ея схоластическаго метода въ самое Москову.

ВТОРАЯ ГЛАВА.—XVII СТОЛѢТІЕ.

Слишкомъ раннее движеніе въ пользу реформы при Димитріи. Косность московской реакціи. Русскій расколъ. Польскія вліянія и кіевское посредничество. Школа и литература, печатная и письменная. Непосредственное вліяніе Запада. Окончаніе русскаго средневѣковья, его итогъ.

Къ началу XVII ст. можно было думать, что кіевское посредничество совсѣмъ не нужно, чтобы ввести въ Москву западную жизнь, искусство, образованіе. Династія вымерла, и потомокъ татаръ, Борисъ, устранивъ послѣдняго престолонаслѣдника (Димитрія), заставилъ избрать и помазать себя царемъ; хотя онъ пошелъ совершенно по стопамъ прежнихъ правителей, такъ же благочестиво и такъ же жестоко выступилъ противъ всѣхъ «подозрительныхъ», честно радѣлъ о преуспѣяніи Руси, въ угоду дворянству лишилъ крестьянъ права свободнаго перехода, однако, кажется, предвидя нужды новаго времени, онъ былъ болѣе склоненъ къ уступкамъ. Но ему не дали времени для этого; заговоръ выставилъ противъ него мнимаго сына Ивана, того Димитрія, котораго онъ приказалъ убить въ Угличѣ; и опираясь на поляковъ, казаковъ и недовольныхъ крестьянъ, подъ именемъ царя Димитрія, въ Москву вступилъ Гришка Отрепьевъ.

Бывшій питомецъ московской монастырской школы, онъ провелъ

главные годы своей юности въ Кіевѣ и Волыни, вращаясь среди религиозныхъ вольнодумцевъ-аріанъ; вліяніе блеска польской жизни и обычаевъ сильно отразилось на немъ; что въ Польшѣ Григорій перешелъ въ католицизмъ, объ этомъ въ Москвѣ, конечно, не знали ничего; совсѣмъ недавно появилось на свѣтъ изъ ватиканскихъ архивовъ его собственноручное письмо къ папѣ. То, что столѣтіе спустя Петръ Великій долженъ былъ проводить мѣрами желѣзнаго терѣнія и страшной жестокости, это думалъ легкомысленный юноша сдѣлать играючи. Онъ былъ сверженъ; подлинность его рода имѣла тутъ второстепенное значеніе, и не соответствуетъ истинѣ выдвигать эту причину на передній планъ, какъ сдѣлано было, напр., Шиллеромъ; самый настоящій потомокъ Рюрика неизбѣжно погибъ бы за телячье жаркое, обѣденную музыку, за то, что не парился въ банѣ передъ посѣщеніемъ церкви. Несмотря на свое тщеславіе, Димитрій былъ дѣйствительно любознательнъ, жаждалъ европейскаго образованія, а сопровождавшіе его іезуиты не могли удовлетворить его въ этомъ отношеніи; онъ думалъ о немедленномъ открытіи въ Москвѣ высшихъ школъ и долженъ былъ на первый разъ учениковъ (!) доставить изъ-заграницы. Этой опрометчивой посѣпшностью въ стремленіяхъ къ новому, которая не шла рука въ руку съ необходимой строгостью и серьезностью, онъ готовилъ самъ себѣ могилу, оскорблялъ религиозныя чувства своихъ подданныхъ, единственныхъ, которыя они имѣли, и давалъ поводъ къ бунтамъ, которые при его кротости и недостаткѣ предусмотрительности могли только легко развиваться. Попытка пропустить чрезъ широко раскрытыя двери западную культуру и образованіе на этотъ разъ должна была кончиться неудачею. Какъ результатъ борьбы, въ защиту русской самостоятельности отъ угрозы польскаго владычества, борьбы, потребовавшей напряженія всѣхъ силъ народа,—развилась ортодоксальная реакція, которая, казалось, готова была отбросить націю совершенно къ временамъ Стоглава и Домостроя; необыкновенное оживленіе 1603—1613 годовъ вызвало цѣлый потокъ грамотъ и отвѣтныхъ возраженій, въ которыхъ за лживыми риторическими украшеніями должна была скрываться истинная сущность дѣла, но скоро, казалось, все опять должно было войти въ старую мертвую колею. Какая фанатическая нетерпимость и невѣжество все еще господствовали и теперь, доказываетъ Московскій синодъ 1618 г. Игумену Троицкаго монастыря, Діонисію, было поручено «очищеніе» текста одной обрядовой книги; послѣ полуторагодовой работы вручилъ онъ свой трудъ заступающему мѣсто митрополита; на основаніи древнихъ рукописей и греческаго текста онъ кое-что исправилъ, между прочимъ въ молитвѣ на освященіе воды: «освятити воду сію духомъ твоимъ святымъ»—слова «и огнемъ» онъ выкинулъ, такъ какъ этого не было ни въ греческомъ оригиналѣ, ни въ хорошихъ славянскихъ текстахъ. За это его обвинили въ ереси, предали анаѣмѣ, держали въ голодѣ и холодѣ, бичевали; по праздничнымъ днямъ его приводили въ цѣняхъ къ митрополиту, потомъ привязывали на дворѣ и отдавали на жертву глумленіямъ и побоямъ черни; только энергичное ходатайство іерусалимскаго патріарха спасло несчастнаго, котораго векорѣ же заставили заплатить за другой, конечно, столь же незначительный проступокъ.

Понятно, что съ такимъ же недоувѣріемъ московское православіе встрѣтило и кіевскихъ людей: когда одинъ изъ нихъ—предложилъ москвичамъ свой вновь обработанный катехизисъ, его трудъ былъ отвергнутъ; онъ принималъ между прочимъ объясненіе облаковъ, грозы и т. п., которое москвичи отбросили, какъ «эллинское», языческое Аристотелево мудрованіе; на возраженіе: такъ какъ же иначе понимать дѣло? ему было указано на работу восходящихъ и нисходящихъ ангеловъ. Эта отсталость духовенства

и народа еще донинѣ должна была сказываться самымъ чувствительнымъ образомъ.

Еще послѣдніе годы столѣтія Москва не разъ представляла картину Константинополя или одного изъ малоазіатскихъ городовъ IV вѣка, гдѣ храмы и базары оглашались богословскими спорами, гдѣ народъ въ ужасѣ выбѣгалъ изъ храма, если патріархъ не хотѣлъ употреблять титула *θεοτοκος*, гдѣ торговки овощами вмѣсто того, чтобы продавать, вцѣплялись другъ-другу въ волосы изъ-за двухъ естествъ Христа. Споры о томъ, при какихъ словахъ священниковъ наступаетъ моментъ превращенія хлѣба и вина, когда нужно звонить, толпа выслушивала съ захватывающимъ вниманіемъ:— результатъ движенія, которое еще и теперь миллионы русскихъ держитъ вдали отъ общей жизни націи, т. наз. старовѣры, раскольники, въ то же время первые противники официального притѣсненія совѣсти.

Жгучій вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ настойчиво требовалъ своего разрѣшенія; властолюбивый и самовольный патріархъ Никонъ, въ заключеніе окончательнаго поссорившійся съ царемъ, твердо стоялъ за рѣшительныя и быстрыя дѣйствія. Когда по принятіи энергичныхъ мѣръ (1653—1657), тексты были исправлены по греческимъ оригиналамъ вплоть до правописанія именъ, часть духовенства и масса народа вступила въ самую рѣзкую оппозицію; приверженцы старины видѣли просто печать антихриста въ новомъ написаніи Иисусъ вмѣсто прежняго Исусъ, Николай вмѣсто Никола, Параскева вмѣсто Прасковья; страхомъ исполняли ихъ сердца гербовыя изображенія и посвященія въ началѣ книгъ; въ ужасѣ приводили ихъ жестокія преслѣдованія людей, которые крестились двумя, а не тремя перстами, какъ требовалъ Никонъ «по еретичеству папы Формозы»; введеніе новаго мелодическаго кіевского гѣнія по ихъ мнѣнію оскверняло церкви. При нѣкоторой уступчивости и осмотрительности можно было бы уладить споръ, но въ самодержавной Руси съ ея единственною мудростью: «быть по сему» это—вещи неизвѣстныя; такъ дѣло дошло до катастрофы.

Самымъ виднымъ изъ противниковъ никоновской реформы былъ протопопъ Аввакумъ, который самъ рассказываетъ намъ о своей жизни, и, кромѣ того, въ болѣе чѣмъ тридцати челобитныхъ и пр. выясняетъ свои основныя взгляды. Это первый образецъ сильнаго и выразительнаго великорусскаго языка; мѣстами изложено необыкновенно грубое. Съ неумолимою яростью преслѣдовалъ онъ патріарха и его дѣло. То, что онъ претерпѣваетъ за это, голодъ, плети, годовыя заключенія, муки Сибири сломали бы и самый желѣзный организмъ; онъ вышелъ непоколебимымъ изъ этихъ невѣроятныхъ мученій и таковымъ остался до конца, пока не зарыли его жену и дѣтей и самого его не сожгли: еще у огненнаго столба крестился онъ двуперстнымъ знаменіемъ и этимъ выказалъ свое презрѣніе врагамъ. Господствующая церковь безжалостно поступала со старовѣрами, съ тѣми, которые хотѣли остаться при старыхъ книгахъ: висѣлицы, отсѣченія членовъ, вырваніе языковъ, сожиганіе живымъ были испытанными средствами официального рвенія; къ чему идти въ Персію, добиваясь мученическаго вѣнца, пронизировавъ Аввакумъ, перекрестись только въ Москвѣ двуперстіемъ, сейчасъ тебѣ откроется царство небесное. И результатъ этихъ казней и сожиганій?—Тотъ, что теперь еще миллионы русскихъ стоятъ внѣ официальной церкви и вдали отъ національной жизни, что они отъ простѣйшихъ уклоненій отъ основаній вѣры въ заключеніе впали въ самыя дикія заблужденія вплоть до кастраціи скопцовъ и безумствованій духоборовъ*); цвѣтъ русскаго народа, его самыя серьезныя

*) Авторъ вѣроятно, имѣетъ въ виду хлыстовъ и совершенно неправильно называетъ ихъ духоборами, составляющими одну изъ наиболѣе почтенныхъ рационалистическихъ сектъ.

и степенные представители, благодаря узкой нетерпимости церкви, были доведены до такого фанатизма, который проявлялся, напр., въ безчисленныхъ самоожиганіяхъ (лишь бы избѣжать всякаго общенія съ антихристомъ); выгоду получали только духовенство и чиновники, для которыхъ «расколъ» всегда входилъ въ рубрику «дохода».

Рѣшительнѣйшимъ преслѣдователемъ раскольниковъ былъ предпослѣдній московскій патриархъ Іоакимъ (1674—1690), въ сущности самъ наихудшій раскольникъ, образецъ невѣжества и фанатизма, въ которомъ въ послѣдній разъ воплотилась древнерусская предубѣжденность ко всему гуманному и разумному. Онъ не хотѣлъ садиться за столъ, за которымъ сидѣлъ иновѣрецъ (царскій генераль Гордонъ); при болѣзни онъ не допускалъ къ себѣ врача (иностранца, русскіе еще долго не было); въ своемъ завѣщаніи Іоакимъ заклиналъ Петра Великаго, чтобы тотъ не разрѣшалъ никакого общенія православныхъ съ осужденными церковью латинянами, лютеранами, кальвинистами и татарами, «какъ врагами Бога и презирающими церковь», чтобы тотъ запретилъ иностранныя одежды. Стриженіе бороды дѣлаетъ богоподобное лицо человѣка обезьяней рожей, думалъ русскій, и носить неприкрытыми вырѣзанное платье, т.-е. брюки, казалось ему верхомъ безнравственности. Въ Іоакимѣ, какъ и въ его преемникѣ Адріанѣ, еще разъ воплотилось русское, мрачное, суевѣрное, невѣжественное, нетерпимое, фанатичное средневѣковое, которое, въ противоположность Европѣ, тянется до 1700 г.; когда Адріанъ умеръ въ 1700 г., Петръ Великій оставилъ патриаршій престолъ навсегда незанятымъ; въ Петербургѣ съ такимъ ничемъ нельзя было бы предпринимать, въ Москвѣ онъ сдѣлался бы невольнымъ средоточіемъ оппозиціи противъ новаго порядка, въ томъ случаѣ, если бы застѣнокъ допустилъ это; только спустя двѣсти лѣтъ (1905) могло русское духовенство, самое запуганное изъ всѣхъ сословій, серьезно добиваться новаго патриарха. Односторонне-ортодоксальное, дѣтски-неразумное представленіе о мірѣ и ходѣ мировыхъ событій въ 17 столѣтіи было все-таки не единственно господствующимъ, въ отличіе отъ предшествующихъ вѣковъ; китайская стѣна начала уже давать мѣстами просвѣты; медленно приобрѣталъ русскій первое знакомство съ чуждой, высшей, не исключительно аскетическо-богословскою духовною жизнью; онъ знакомился съ другими людьми, иными нравами, находилъ ихъ лучшими, даже подражалъ имъ, къ ужасу закоренѣлыхъ реакціонеровъ, которымъ уже греки и малороссы казались ненадежными, недостаточно чистыми.

Во всякомъ случаѣ, легче было удалить польскій гарнизонъ изъ Кремля, гдѣ онъ, уничтоживъ всѣхъ крысъ и трупы, началъ варить кашу изъ греческихъ рукописей,—чѣмъ изгнать польскій духъ изъ Руси. Непосредственное знакомство научало русскихъ знать и цѣнить польскіе нравы и образованіе; съ каждымъ десятилѣтіемъ возрастало польское вліяніе въ свѣтскихъ кругахъ, при дворѣ и у знати, и достигло своего высшаго расцвѣта при царѣ Ѳедорѣ. Когда этотъ былъ еще наслѣдникомъ, одинъ кіевлянинъ посвятилъ его отцу, царю Алексѣю, книгу на польскомъ языкѣ: «Я выпустилъ книгу по-польски, такъ какъ знаю, что царевичъ читаетъ книги не только на нашемъ родномъ, но и на польскомъ языкѣ... да и Дума Вашего Величества не презираетъ этого языка, но они тоже читаютъ польскія книги и исторіи съ удовольствіемъ». Царица, жена Ѳеодора, была дочерью польскаго дворянина изъ Смоленска; о ней мы читаемъ, что она принесла много добра Москвѣ; во-первыхъ, убѣдила бояръ снать некрасивыя женскія, широкія одежды, которыя заставилъ ихъ носить царскій тираннъ въ наказаніе за трусливое бѣгство изъ войска,—сказочный мотивъ, извѣстный у многихъ народовъ, обосновалъ старорус-

ское восточное одѣяніе; потомъ, стричь волосы и бороду,—это дѣлалъ уже отецъ Ивана IV въ угоду своей полячкѣ, но тогда не нашелъ никого изъ подражателей; затѣмъ, носить сабли на боку; одѣвать польскій плащъ, кунтушъ и др.; въ Москвѣ начали учреждать польскія и латинскія школы; одни хвалили это; другіе считали заслуживающимъ порицанія: скоро введутъ пожалуй и польскую вѣру. Важное значеніе имѣло личное вліяніе знатныхъ польскихъ плѣнниковъ, которымъ приходилось жить въ Москвѣ годами, какъ, напр., писатель и воевода Павелъ Потоцкій и др. Особенно были склонны ко всему польскому правительница Софія и ея любимецъ, высоко образованный князь Голицынъ. Во вторую половину столѣтія произошло также форменное вторженіе польскихъ книгъ, которыя распространились въ оригиналахъ или переводахъ.

Кто, впрочемъ, захотѣлъ бы отыскать слѣды этого въ русскихъ библиографіяхъ, сильно былъ бы разочарованъ. Въ теченіе всего 17 ст. печатаніе было исключительно дѣломъ духовенства; Москва имѣетъ единственную типографію при дворѣ патріарха, и здѣсь печатаются религиозныя книги на строжайшемъ церковномъ языкѣ, все свѣтское рѣшительно устраняется. Мы все еще находимся въ средневѣковьи; рукописная литература идетъ на ряду съ печатной, какъ будто книгопечатаніе не было изобрѣтено (число читателей было, конечно, весьма незначительно); эта литература даетъ намъ свѣдѣнія о томъ, что больше всего читалось. Мы, впрочемъ, узнаемъ объ этомъ и изъ другихъ источниковъ; прекрасное переложеніе въ стихи всего псалтиря поляка Кохановскаго въ Москвѣ было настолько излюблено даже людьми, которые плохо понимали по-польски, что Симеонъ Полоцкій, придворный поэтъ царя, въ 1674 г. предпринялъ собственное переложеніе, дабы вытѣснить польскій текстъ.

Сначала беллетристика пополнялась изъ польскаго. До сихъ поръ она была представлена крайне скудно: къ старой наличности духовныхъ и нѣсколькихъ классическихъ романовъ и повѣстей, Александриады и т. д., басенъ, нѣкотораго восточнаго матеріала: загадки купца Бассара съ заключеніемъ à la Семирамида и Нина, Шемякина суда и др., въ 16 ст. были присоединены чрезъ южн.-слав.-бѣлорусское посредство изъ Ломбардіи сказка о Бовѣ-королевичѣ, сдѣлавшаяся любимой книгой русскаго народа, Буво д'Анкона, изъ каролингскихъ пѣсенъ de geste, между тѣмъ какъ «Тристанъ» вовсе не пользовался симпатіей. Теперь наводнили Русь старыя народныя книги въ польской реакціи; кое-какія изъ нихъ переведены съ богемскаго: «Прекрасная Магеллона и ея вѣрный рыцарь», «Женщина—змѣя Желузина», «Императоръ Оттонъ и его невинная жена», «Семь мастеровъ», «Дѣянія римлянъ», собраніе восточныхъ средневѣковыхъ сказаній и анекдотовъ, иногда исключительно назидательнаго содержанія, всегда съ поучительнымъ, аллегорическимъ толкованіемъ; выборъ шутовскихъ повѣстей изъ польскаго сборника; только какъ разъ весьма популярное въ Польшѣ «Совиное зеркало» вовсе не было принято; очевидно, не нравились темы городского и крестьянскаго быта. Русь только знакомялась съ этими предшественниками романа въ то время, какъ въ Европѣ романъ уже давно достигъ высшей ступени своего развитія. Къ поэзіи, въ собственномъ смыслѣ, русскіе были еще совершенно невосприимчивы, они выбирали поучительное, переводили скучныя басни Папроцкаго изъ «Диалога тварей», нравственныя изреченія, апофтегмы, анекдоты, большею частью изъ классической древности и т. д. Нисколько не опасались католической аскетической литературы; такъ, переводили съ сокращеніями «Великое зеркало примѣровъ», большею частью исторіи о чудесахъ, еще со временъ средневѣковья по редакціи польскихъ иезуитовъ; Подражаніе Христу—Оомы

Кемпійскаго; сочиненія іезуитовъ Беллармина и Дрекслея; аллегоріи Августина и папы Иннокентія и т. д., вплоть до простыхъ молитвъ.

Требовали также и болѣе существеннаго содержанія; историческая литература была въ особомъ почетѣ; такъ, охотно читали: всемірную хронику Бѣльскаго, литовскую Стрыйковскаго и другія въ этомъ родѣ; интересовались политическими сочиненіями и переводили Экономіку Аристотеля съ польскаго распространеннаго изложенія и книги Мадрневскаго о государственной реформѣ; особенною любовью пользовались польскія описанія путешествій въ Святую Землю, описаніе турецкихъ порядковъ Старовольскаго. Переводили календари, медицинскіе труды, старыя книги о травахъ, физиологическія и сказочныя «Проблемы» Аристотеля, книгу Е. Сикета о теплыхъ источникахъ и т. д., книги математическія и грамматическія. На ряду съ этимъ существовали кое-какіе переводы прямо съ латинскаго, даже съ голландскаго, напр., большое средневѣковое собраніе проповѣдей венгерца Меффрета, переведенное по желанію царя Алексѣя, но рядомъ была и прекрасная селенографія дѣйствовавшего въ Польшѣ астронома Гевелія и др. Старое и новое, наука и сказки, ученые труды и повѣсти Боккаччо соединялись вмѣстѣ, образуя уметвенный репертуаръ такого объема и многосторонности, о какомъ и не помышляла прежняя Русь. Если прежде боялся русскій подступить къ исписанному кусочку пергамента, ибо содержаніе навѣрно было изъ Св. Писанія, то теперь впервые писанная, не печатная, литература освобождалась отъ этихъ помочей церкви.

Церковь сама предложила здѣсь руку, конечно, не церковь патріарховъ Іоакима и Адріана. И это движеніе прямо вело къ Польшѣ. Тамъ православной церкви, въ ея борьбѣ съ православной унией, приходилось образованіемъ и школой преодолѣвать прежнее состояніе духовной безпомощности, когда она не была въ состояніи дать отчетъ даже въ собственной вѣрѣ. Могиланская коллегія, расширенная по образцу польскихъ изъ монастырской школы, киевскимъ митрополитомъ Могилой, скоро превзошла всѣ русскія школы. Программа обученія въ ней отчасти соответствовала іезуитскимъ школамъ; латынь съ поэтикой и риторикой, схоластическая философія и богословскій курсъ—были главными предметами преподаванія; подражали не только панегирическимъ стихамъ и пышнымъ рѣчамъ, для величанія всѣхъ покровителей и справленія праздниковъ, но даже іезуитскимъ школьнымъ драмамъ, хотя ограничивали ихъ исключительно темами Писанія, драма рождественская и др. Въ школѣ дѣйствовали и изъ нея шли всѣ тѣ богословы, т. е. и, вообще, писатели Западной Руси, которые скоро должны были задавать тонъ въ самой Москвѣ. Наука и методы были средневѣковые, латино-схоластическіе; преимущественно занимались проповѣдью, которая была не просто поучительнымъ словомъ, но изысканной аллегоріей, заключавшей въ себѣ самый разнообразный матеріалъ изъ старыхъ исторій, изъ міра сказочной природы и т. п.; имѣлось въ виду ослѣпить чѣмъ-нибудь новымъ, дать необычайныя толкованія, возбудить интересъ слушателей искусными сопоставленіями. Младшее поколѣніе знало и читало предпочтительно классиковъ, писало по-латыни, печатало по-польски и русски; оно принадлежитъ обѣимъ литературамъ.

Это западно-русское образованіе, выработанное у киевлянъ, не минуло и Москвы; но сначала смотрѣли на него съ большимъ недовѣріемъ, видѣли въ этой латыни, риторикѣ и схоластикѣ измѣну истинному православію, не признавали этихъ людей, которые, быть можетъ, были крещены чрезъ простое обливаніе, а не погруженіе,—въ Москвѣ такихъ людей, какъ язычниковъ, позволяли крестить еще разъ! И все же, однако, было совершенно невозможно безъ помощи этихъ «обливанцевъ», «черкасовъ»,—такъ

называли малороссовъ по днѣпровскому городу, провести въ Москвѣ простѣйшее новое учрежденіе.

Греческіе бѣглецы и нищенствующіе посланцы восточнаго патріарха открыли русскимъ глаза на ихъ невѣроятную отсталость. Эти греки на себѣ самихъ испытали разницу между Кіевомъ и Москвою; въ Кіевѣ они чувствовали себя свободно, въ Москвѣ, какъ въ какой—то клѣткѣ, за ними смотрѣли даже сквозь замочныя скважины; на Украинѣ казаки съ охотою посѣщали школы, въ Москвѣ школы не было совсѣмъ. И все настоятельно раздавался зовъ этихъ грековъ въ школу. Когда въ Москвѣ, наконецъ, рѣшились на это, когда реформа богослужебныхъ книгъ становилась все необходимѣе, не нашлось никого, кромѣ малороссовъ, кто бы могъ руководить школой, могъ исправить тексты для напечатанія; и съ середины столѣтія начинается сильное движеніе кіевскихъ ученыхъ въ Москву. Пусть ихъ наука и показалась бы западному человѣку односторонней и устарѣвшей, но въ сравненіи съ московскимъ невѣжествомъ она означала конечное освобожденіе духа отъ голой вѣры въ букву, она впервые работала съ логическими категоріями, располагала богатымъ знаніемъ литературы, пересаживала польско-латинскіе образцы въ Москву.

Духовная жизнь и литература второй половины столѣтія существенно опредѣляется дѣятельностью этихъ кіевлянъ. Выдающимися изъ нихъ были, Е. Славинецкій, который, впрочемъ, лично выступалъ мало, тихо и скромно работалъ по школѣ и печатанію, исправляя богослужебный текстъ; особенно же, Симеонъ Полоцкій, ловкій придворный, сумѣвшій войти въ особое довѣріе къ царю Алексѣю, чѣмъ чтецомъ онъ былъ, и къ правительницѣ Софіи, и прочно утвердившій себя въ этомъ положеніи. Полоцкій—первый русскій стихотворецъ, придворный и религіозный въ одно и то же время; его стихи своимъ ритмическимъ строеніемъ примыкаютъ къ польскому, т. е. ритмически совершенно иначе построенному языку, и грѣшатъ противъ русскаго; это такъ наз. силлабическіе стихи, въ основѣ которыхъ лежитъ вмѣсто всякаго ритма (созвучія) только количество слоговъ и совершенно неправильныя рѣзмы, по большей части просто грамматическія; эти чудовищные, деревянные, неблагозвучные стихи утвердились въ литературѣ до 30 и 40 гг. 18 столѣтія.

Въ нравственномъ отношеніи наибольшимъ значеніемъ пользовался кроткій христіанинъ, блаженный и святой Димитрій, послѣ епископъ Ростовскій, неутомимый труженикъ, который оказалъ великія услуги Россіи особенно назидательной литературой, своими Минеями, житіями святыхъ, составленными частью по жизнеописаніямъ знаменитаго польскаго іезуита Скарги, которая дѣйствительно могли сдѣлаться народною книгой, своими проповѣдями, своими заботами о школѣ въ Ростовѣ; онъ боролся, но письменю, съ расколомъ. Другой кіевлянинъ, Гизель, составилъ русскую хронику, которая, несмотря на сухой, строго церковно-славянскій языкъ и другіе значительные недостатки, цѣлое столѣтіе пользовалась незаслуженнымъ авторитетомъ. Иные, не покидая своей милой Украины, содѣйствовали созданію первой литературы, пусть она и была еще такъ одностороння,—проповѣдникъ Радивиловскій, полемистъ (понятно, въ богословскихъ вещахъ) Галатовскій, поэтъ архіепископъ Барановичъ, который вплоть до 90-го года своей жизни рѣшительно все: легенды, догматическіе споры, аскетіку; эту стихоманію превзошелъ только другой митрополитъ, Максимовичъ, который воспѣлъ хвалу Маріи въ 25000 самыхъ невозможныхъ стиховъ.

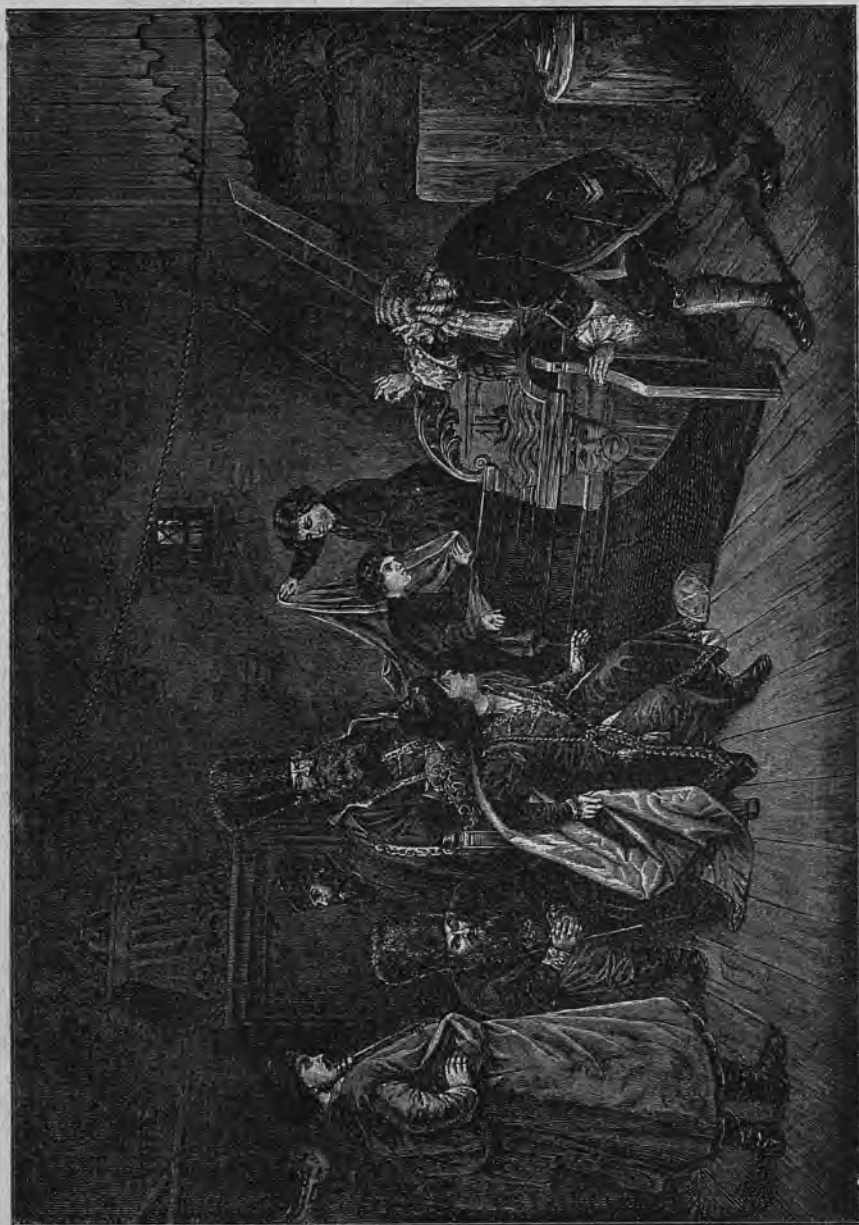
На уметвенное преобладаніе кіевлянъ въ Москвѣ смотрѣли косымъ взглядомъ. Старовѣры были заклятыми врагами тѣхъ, въ комъ они видѣли только вѣроотступниковъ; но и съ патріархомъ имъ было плохо. Ихъ

упрекали въ стремленіи къ церковной независимости; подозрѣвали въ латинскихъ симпатіяхъ; обвиняли въ лжеученіяхъ: такъ, относительно момента наступленія превращенія, въ чемъ киевляне просто держались болѣе стараго взгляда. На Симеона Полоцкаго, впрочемъ, не отваживались, слишкомъ велико было къ нему царское благоволеніе, но зато вымещали свой гнѣвъ на его преданномъ ученикѣ Медвѣдѣвѣ, первомъ великорусскомъ ученомъ, хотя и киевской выковки; за свою образованность и привязанность къ своему учителю ему пришлось заплатить жизнью на эшафотѣ; мнимые важные политическіе проступки были придуманы, чтобы прикрыть личную и фанатическую религіозную злобу изъ-за вопроса о «превращеніи». Казалось, послѣ экзекуціи киевское направленіе было подавлено; въ извѣстную противоположность ему и его тяготѣніямъ къ латинскому пытались въ Москвѣ, при содѣйствіи грека Лихуды, вызвать къ жизни греко-славянскія школы; но такъ какъ экспериментъ не удался, возвратились снова къ латино-славянскому типу киевлянъ. Петръ Великій, у котораго добились казни Медвѣдева, опирался какъ-разъ на киевлянъ въ борьбѣ съ расколомъ, суевѣріемъ, теократическими вождельніями московскаго духовенства; ими онъ пользовался для того, чтобы православную церковь въ государствѣ свести къ простому полицейскому органу, лишить ея всякой самостоятельности, значенія и авторитета.

Не только жизнь и церковь, литература и мысль, даже самый языкъ благодаря переводамъ и киевлянамъ впервые былъ глубоко захваченъ иностранной волной. До сихъ поръ письменный языкъ оставался въ сторонѣ отъ жизни; говорили по-русски между собою, передъ судомъ, въ мѣстахъ посольскаго приказа, своего рода министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ выработывались инструкціи для пословъ и принимались ихъ доклады; но писали только церковно-славянскимъ языкомъ, который, слѣдую традиціи, произносился по малорусскому выговору, h вмѣсто г (g) и т. д. Различія между двумя языками были столь значительны, что, напр., уже въ 1683 г. Фурзовъ переводилъ псалтырь съ церковно-славянскаго на русскій «ради общей пользы», однако, патріархъ запретилъ печатаніе; еще и понынѣ пользуется русскій священникъ писаніемъ не на своемъ языкѣ, но на чуждомъ, церковно-славянскомъ, который, впрочемъ, ему кажется только устарѣлымъ, а вовсе не чужимъ, до того столѣтній навѣкъ измѣнилъ слухъ народа. А различія между тѣмъ весьма значительны, такъ напр. заглавіе извѣстнаго романа Сенкевича «*quo vadis*», въ переводѣ «Камо грядеши», по-русски должно было бы звучать: «Куда идешь» и т. д.; идущія еще отъ 16 вѣка попытки сдѣлать Священное Писаніе понятнымъ для народа, малорусскія рукописныя книги, печатныя изданія Скорины, изданія протестанта Тяпинскаго для бѣлоруссовъ и т. д. не имѣли успѣха.

Это раздвоеніе языковъ проникаетъ всю старую литературу и по временамъ колебанія тутъ весьма значительны: такъ, Синописиъ Гизеля написанъ болѣе исключительнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, чѣмъ 600-лѣтняя киевская лѣтопись. Прежняя практика оставалась, и такъ въ сущности была два языка, письменный и разговорный. Этотъ письменный и обиходный языкъ подвергся сильному польскому вліянію, которое оставило на себѣ въ русскомъ глубокіе слѣды, несмотря на то, что скоро уступило мѣсто другимъ, болѣе высшимъ. Въ терминологіи для сословій, городовъ, гербовъ и т. п., для войска, ранга и оружія, для грамматики и философіи, для предметовъ болѣе тонкой культуры отъ парадныхъ покоевъ до названій предметовъ первой необходимости въ одеждѣ и пищѣ, даже въ фразахъ учтиваго обхожденія—во всемъ этомъ польскій элементъ, часто незамѣтный для самихъ русскихъ, остается въ прежней силѣ еще отъ 17 столѣтія; даже для иностранцевъ столь странныя, заимствованныя съ

латинскаго, слова: спина, луна и др., вошли въ русскій чрезъ польское посредничество, равно какъ и многія нѣмецкія, напр., тюрьма=turm, пушка=Büchse, чрезъ польское turma, puszka; какъ кievляне ни старались, они никогда не могли вполне отдѣлаться отъ польскаго, къ которому привыкли на своей родинѣ. Только въ 18 столѣтіи постепенно исчезаютъ нѣкоторыя польскія слова, которыя еще такъ кидаются на глаза въ письмахъ Петра В., когда самое польское вліяніе уже давно прекратилось.

Юлий Метръ. I у корабельнаго мастера. (Съ картины Н. Масовдова)

Наступилъ третій моментъ, непосредственное вліяніе Запада. Исходною точкою его отправленія были подмосковная Слобода, выдвинувшаяся къ

концу 17 ст., и чужеземные полки царя. Уже въ 1472 г. западные люди вступили на русскую почву; ихъ притокъ никогда не прекращался въ 16 ст., вызываемый потребностью въ иностранныхъ солдатахъ и офицерахъ (генераль Гордонъ, напр., или извѣстный изъ истории юношескихъ годовъ Петра швейцарецъ Лефортъ и др.). Они селились въ Слободѣ, къ которой истинно-православные относились съ ужасомъ; здѣсь началъ рано враждовать и Петръ, за которымъ смотрѣли столь мало; здѣсь научился онъ цѣнить все западное и презирать русское; какъ жестоко насмѣхался, напр., Петръ надъ русскимъ духовенствомъ, что за кощунствованія позволялъ онъ себѣ, правда, въ тѣсномъ кругу, надъ священнѣйшими для русскаго вещами.

Понятно, въ 17 ст. Слобода еще не выступаетъ въ литературѣ, если не говорить о написанныхъ на иностранномъ языкѣ произведеніяхъ, какъ, напр., интересный дневникъ Гордона; однако, и здѣсь уже она занимаетъ извѣстное положеніе. Такъ, ей не мало обязанъ русскій театръ. Русскіе посланники, отправляемые въ Европу, присутствовали тамъ при представленіяхъ мистерій, позднѣе, напр., въ Варшавѣ, оперъ, комедій, драмъ и послѣ съ удовольствіемъ вспоминали о видѣнномъ; но на этомъ и оставалось дѣло. Правда, Лжедмитрій попытался ввести маскарадъ и театръ, но итальянскимъ маскамъ пришлось только прикрыть его трупъ; маскированье для православнаго было грѣховною мерзостью. Его богослуженіе, впрочемъ, давало нѣкоторое начало къ изобрѣтенію мистерій (въѣздъ на ослѣ въ Вербное воскресенье), но при косности православной церкви каждое дальнѣйшее движеніе было невозможнымъ. Только кievская школьная драма сломала ледъ; царь Алексѣй уже требовалъ правильной комедіи съ профессиональными игроками. Къ счастью для него византійскіе императоры посѣщали церковныя игры, и этимъ былъ созданъ нужный прецедентъ; тогда можно было думать о приглашеніи къ себѣ актеровъ изъ-за границы. Въ 1672 г. полковникъ Штаденъ завербовалъ въ Ригѣ труппу Паульсена, но дѣло не вышло, и ограничилось только тѣмъ, что дозволили протестантскому пастору Слободы, Грегору, обучать «комедійному дѣйствию» сначала нѣмцевъ, а потомъ и русскихъ. Главными пьесами репертуара Грегора были духовныя вещи: Юдифь и Есфирь, рядомъ съ операми и балетами; современная замѣтка говоритъ, что въ 1674 г. была у Его Величества, въ селѣ Преображенскомъ, комедія и увеселяли Его Величество иностранцы, какъ царица Алаферра (!) отрубилъ царю голову; драмы написаны прозой, въ пяти дѣйствіяхъ, съ отдѣльными аріями. Послѣ Грегора выступилъ другой руководитель театра, полякъ Чижинскій, но относительно его репертуара ближе ничего не извѣстно. Смерть царя задержала дальнѣйшее развитіе этого начинанія.

Такъ шла борьба стараго съ новымъ, то издавались строгіе указы противъ польской одежды, то приказывалось являться ко двору только въ короткомъ платьѣ; это колебаніе знаменательно для времени. Въ 1649 г., благодаря стараніемъ Ртищева, основывается монастырская школа въ Москвѣ съ кievскими монахами-наставниками, и въ 1650 г. пишетъ одинъ изъ ея учениковъ: «изъ боязни передъ Ртищевымъ я обманываю его, но въ будущемъ я ни за что не стану учиться: кто учить латынь, для того дѣло спасенія погибло» и т. д. Однако, число тѣхъ, у кого стали открываться глаза, росло замѣтно; такъ, среди вельможныхъ людей встрѣчаются отдѣльныя личности высокаго образованія, какъ Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ, воспитывавшій своего сына при помощи польскихъ учителей, А. Матвѣевъ, сочувствовавшій между прочимъ театральнымъ симпатіямъ царя, Голицынъ. Другіе отваживались даже, конечно, только чувствуя подъ собой твердую почву заграницы, говорить правду о Руси. П. Котошихинъ, дьякъ, писецъ,

уже однажды высѣченный за то, что онъ въ титулѣ царя пропустилъ одно слово, опасаясь при новомъ проступкѣ еще большаго, предпочелъ гораздо охотнѣе бѣжать чрезъ Польшу въ Швецію, гдѣ судьба все-таки настигла его: онъ былъ казненъ за убійство. Въ Стокгольмѣ Котошихинъ написалъ сочиненіе о Россіи, какъ бы для наставленія иностранцевъ, въ 13 главахъ трактующаго обо всемъ, о дворѣ, судѣ, войскахъ и т. д. вплоть до вопросовъ частной жизни. До Котошихина существовали только безчисленные иностранныя описанія Россіи, гдѣ смѣшивались истина и ложь, неизбѣжныя ошибки и недоразумѣнія, ненависть и презрѣніе, удивленіе и сожалѣніе. Все это давало часто совершенно извращенную картину этого «варварства», этой «Персіи» или «Абиссиніи» — такъ еще по представленію Лейбница. Эти сочиненія шли, начиная отъ обстоятельнаго повѣствованія Герберштейна, извѣстій англичанина Флетчера, книги ихъ еще XIX стол. не могли пройти черезъ русскую цензуру, французскихъ, голландскихъ и польскимъ «путешествій», опять вплоть до нѣмецкаго Оларія и т. д. Теперь впервые компетентный судья присоединилъ свое слово къ «*La verité sur la Russie*», и его сочиненіе могло бы выставить извѣстный эпиграфъ гоголевскаго «Ревизора»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Это скатая, но краснорѣчивыя главы о безграничномъ невѣжествѣ и невыносимомъ высокомеріи русскихъ, объ умнѣніи бояръ въ «государственной думѣ» выставить только бороды, о всепроникающей лжи и обманѣ, о глупости женщинъ, о заключеніи браковъ безъ вѣдома молодыхъ, о мошенничествахъ, совершавшихся при этомъ. Другіе русскіе, еще до Котошихина убѣжавшіе изъ своего милаго отечества, раздѣляли съ нимъ тѣ же самыя взгляды. Котошихинъ, предшественникъ Герцена, впервые закрѣпилъ ихъ письменно, однако, его сочиненіе вышло въ свѣтъ только въ XIX ст. Хотѣли унизить его, обвиняли его въ преувеличеніяхъ, въ предвзятости, но въ сущности то же самое читаешь и въ писаніяхъ самаго горячаго поклонника русскихъ, кроата Юрія Крыжанича. Судьба этого человѣка напоминаетъ нѣсколько мученическую участь Максима Грека; и онъ заплатилъ, теперь Сибирью, за не совершенныя преступленія, за то, что казался опаснымъ. Его пристрастіе къ Россіи объясняется, какъ у богемцевъ въ XIX ст., стѣсненными обстоятельствами родины, зависимою славянъ отъ нѣмцевъ, грековъ и турокъ; только вмѣшательство могущественнѣйшаго изъ всѣхъ государствъ могло служить ручательствомъ перемѣны положенія, освобожденія. Крыжаничъ ратовалъ за объединеніе всѣхъ славянъ, особенно русскихъ и поляковъ; вѣроисповѣдныя противоположности только ввели Римъ и Грецію въ славянскій міръ; онъ выступалъ даже за общеславянскій языкъ, смѣшанный діалектъ на почвѣ церковно-славянской, и самымъ страстнымъ образомъ боролся противъ ксенomanіи славянъ, ихъ страсти подражать чужому, цѣнить и ставить его выше своего. Но это не мѣшаетъ ему, признавая другія недостатки русскихъ, ихъ отсталость, даже необходимость для нихъ учиться какъ разъ у самыхъ ненавистныхъ иностранцевъ, и самому строить проекты къ поднятію благосостоянія, земледѣлія. У него уже знаніе — сила не вызываетъ еретичества, а устраняетъ таковыя; всячески слѣдуетъ стремиться къ пріобрѣтенію его; рядомъ съ этимъ онъ проповѣдуетъ самопознаніе и недоувѣріе къ иноземцамъ.

И въ изящной литературѣ, если можно употребить это выраженіе, идетъ рядомъ старое и новое, но оригинальныхъ выполненій здѣсь поразительно мало. Въ тонѣ духовной народной пѣсни, стиха, находимъ мы аллегорію, какъ одного молодца преслѣдуетъ Горе-Злосчастье за то, что онъ легкомысленно не уважилъ родительскихъ приказаній, подвергаетъ его искушеніямъ, лишаетъ всего, — на Западѣ обыкновенно такія аллегоріи заключались гибелью героя, «благочестивому» русскому всегда остается от-

крытая дорога, монастырь, предъ воротами котораго Горе безсильно должно отступить и выпустить вѣрную добычу; характерныя черты этого стиха весьма замѣчательны. Нѣтъ недостатка въ легендахъ, которыя бросаются своимъ историко-фантастическимъ фономъ: такъ, о Саввѣ Грузинѣ и договорѣ съ чортомъ, который заключаетъ одинъ «благочестивый», понятно не знаа его настоящаго значенія — и опять чортъ долженъ смотрѣть, какъ монастырскія ворота замыкаются, спасая его вѣрную жертву; упоминаніе о борьбѣ съ поляками, объ осадѣ Смоленска придаетъ легендѣ псевдо-актуальный видъ. Совершенно въ русскомъ духѣ излагается «Исторія о русскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и Аннушкѣ, дочери стольника Нардинъ-Нашокина»; съ послѣднимъ именемъ мы встрѣчались раньше; мотивъ «Донъ Жуана» — юноша, переодѣтый дѣвушкой, добивается соединенія со своей милой, — довольно удачно перемѣненъ въ Москву и не безъ юмора разсказывается, какъ хитрецъ, наконецъ, примиряетъ возмущенныхъ мезальянсомъ родителей невѣсты: предвѣстникъ позднѣйшей русской реалистики.

Главна масса литературнаго производства была богословско-полюемическаго содержанія; боролись за и противъ раскола; заклинали въ діалогѣ архимандрита Игнатія, Голицына, не позволяя нѣмцамъ строить въ ихъ предмѣстьѣ каменной церкви, — вертепа разбойниковъ, «мечети», въ противномъ случаѣ угрожая ему всѣми муками. Даже и такія сочиненія незначительны по числу и объему, и вся московская литература не выдерживаетъ ни малѣйшаго сравненія съ кievской; вѣдь, эта воплощала въ себѣ всю полноту знанія и трудолюбія, ума и метода, старалась усвоить европейскія формы, пусть нѣсколько и устарѣлыя (какъ мистеріи объ «Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ» и мн. др.), не ограничивалась простымъ переписываніемъ старой, благочестивой литературы, не пренебрегала сущностью дѣла; даже проявляла историческій интересъ. Лучшее и важнѣйшее изъ того, что было создано въ Москвѣ, это какъ разъ произведенія кievлянъ.

Такъ доживала старая Русь. Конецъ столѣтія начинаетъ освобождаться отъ тяготѣвшаго надъ нимъ давленія; мы стоимъ передъ быстрой и основной ликвидаціей всего прошлаго, полнаго разрыва съ нимъ. Какое значеніе имѣетъ теперь это прошлое?

Его политическое значеніе внѣ всякаго сомнѣнія; Россія стала великимъ славянскимъ государствомъ; другого не было. Польша должна вскорѣ впасть въ русскую зависимость, и Петръ былъ въ этомъ такъ увѣренъ, что въ противоположность своему отцу свои главныя усилія могъ направить уже къ другому, къ пріобрѣтенію береговъ и уничтоженію турокъ. Теперь Россія начала пользоваться выгодами своего благопріятнаго географическаго положенія; въ теченіе полутора вѣковъ она увеличилась въ шесть разъ и до послѣдняго времени держалась стремленія къ дальнѣйшему расширенію. Этому внѣшнему исполнскому росту вовсе не соответствовали культурный. Первый большею частью совершался на счетъ Востока; происходилъ непосредственный пріемъ многочисленныхъ татарскихъ мурзь въ ряды русскаго дворянства (Салтыковъ, Тургеневъ, Аксаковъ, Державинъ и др.); Россія подвергалась сильному восточному вліянію, начиная съ одежды до образа жизни, скудости духовныхъ интересовъ и равнодушія къ нимъ, тяготѣнія къ насилію, пристрастія къ собакамъ, соколамъ и лошадямъ; русскіе къ XVII столѣтію производили на европейцевъ такое же впечатлѣніе, какое теперь на насъ персы; русскіе послы, напр., въ теченіе цѣлаго столѣтія вели себя въ большинствѣ случаевъ какъ достойной памяти персы въ XIX ст., такъ что имъ скорѣе всего можно было бы указать жилища въ свиномъ хлѣву; безмѣрное пьянство, безчинство, безобразнѣйшая руготня была среди посольскаго персонала обычнымъ порядкомъ дня; ихъ невѣжество превосходила только ихъ спесь.

Городовъ въ обширномъ крестьянскомъ государствѣ почти не существовало, кромѣ Москвы, а то все деревни или укрѣпленія; понятно, не было вовсе городского сословія; купечество, мужицкое по своему образу жизни, по восточному хитрое и безсовѣстное, грабимое царскими воеводами и дьяками, или воплощало идеалы Домостроя въ качествѣ богатѣя-самодура, или смертно пило. Ремесломъ занимались преимущественно крестьяне; этимъ было исключено всякое совершенствованіе. Города, Москва первая, имѣли деревянные строснія; въ Москвѣ только Кремль и церкви были изъ камня и окружены стѣной; въ другихъ мѣстахъ укрѣпленія зачастую состояли просто изъ деревянныхъ палисадовъ.

Въ деревнѣ, понятно, были только деревянные постройки, начиная съ церквей; впрочемъ, въ нихъ хорошо можно было проводить суровыя зимы. Въ своихъ имѣніяхъ жило дворянство, окруженное безчисленной дворней, презирая всякую дѣятельность, какъ нѣчто унижительное для себя. Ихъ потомки еще въ XIX ст. гордились тѣмъ, что они никогда въ жизни и носковъ не натягивали себѣ сами (см. Обломовъ); они были служилыми льдми царя, и свои старанія направляли къ тому только, чтобы сдѣлать помѣстья наслѣдственными, что имъ и удавалось; собственно аристократическія традиціи и притязанія отсутствовали; бояриномъ (въ думѣ) дѣлала его должность, не родъ, и на ряду съ этимъ быть титулованнымъ княземъ ему казалось простымъ оскорбленіемъ; не было ранговъ (графа и т. п.) гербовъ, майоратовъ,—все, что свойственно европейской знати. Ради содержанія этого дворянства страдалъ мужикъ; свободный человѣкъ давно уже сдѣлался рабомъ; за попытку избавиться отъ невыносимаго ига бѣгствомъ или исканіемъ другой службы его приковали къ землѣ, и теперь давленіе дѣлалось съ каждымъ десятилѣтіемъ все сильнѣе, пока человѣкъ не былъ униженъ до простого вьючнаго животнаго; все послѣдовательнѣе правительство становилось на сторону дворянства. Духовенство огрубѣло; только монахи, изъ которыхъ выходили епископы, сохранили за собой имѣнія и извѣстный образовательный цензъ. О заграничѣ никто ничего не зналъ; путешествія ограничивались служебными поѣздками, да паломничествомъ монаховъ на Афонъ или въ Иерусалимъ; всякое другое, какъ и сама наука, вредило дѣлу спасенія православной души, которую чортъ подстерегалъ во всѣхъ углахъ и концахъ—за исключеніемъ святыхъ храмовъ и монастырей.

Науку, кромѣ зачаточной богословской, и искусствъ, кромѣ традиціоннаго византійскаго богомазанія и иллюстрацій рукописей, не существовало. Такъ, русскіе посланники удивились театральнымъ пьесамъ, т. е. отдѣльнымъ сценамъ, не чувствуя связи ихъ; скульптуры совершенно не понимали. Зато вся страна была благочестива, но набожность самая фанатическая и совершенно внѣшняя; и за границей русскій интересовался больше всего реликвіями, но иностранцамъ бросалось въ глаза, какъ онъ былъ разсѣянъ во время молитвы; только внѣшность, пустяки отчуждали представителей раскола отъ официальной церкви. Каждая книга заранѣе считалась священной, поэтому ни одну книгу нельзя было носить глубже, чѣмъ въ запашномъ карманѣ. Всякая перемѣна безпокоила, все непривычное устрашало; наука иностранцевъ считалась дьявольской; знакомство съ ними было опаснымъ и подозрительнымъ; одно присутствіе иноземныхъ офицеровъ объясняло православнымъ неудачу русскаго оружія.

Общественность, болѣе свободныя отношенія были неизвѣстны: женщины проводили время взаперти въ своемъ теремѣ, ключи отъ котораго хозяинъ дома носилъ постоянно въ карманѣ. Наказывался уже тотъ, кто только случайно увидѣлъ царицу; было много придворныхъ, которые никогда не видѣли ни одного женскаго лица изъ царской фамиліи; такъ

«слабая» женщина, сосудъ дѣвола, боязливо держалась въ заключеніи, вдали отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Въ воспитаніи дѣтей побой играли главную роль. И взрослые никогда не были свободны отъ чувства страха: русскій посланникъ обратилъ особенное вниманіе на то, что, напр., въ Венеціи люди живутъ безъ «боязни», каждый дѣлаетъ, что хочетъ, о другихъ не заботится. Весь смыслъ полагался во внѣшностяхъ, посоль цѣлые дни изучалъ поклоны и запоминалъ титулы, но часто онъ и не подозрѣвалъ, что ему давали въ письменномъ отвѣтѣ, зато онъ лгалъ въ своихъ донесеніяхъ или отмѣчалъ одни имена и разстоянія. Византійскій формализмъ въ религіи и наукѣ, слѣпое, бездушное повиновеніе каждому указанію произвола, подавленіе всякой гордости, высшаго чувства, запрещеніе всякой мысли—все это было знаменіемъ людей и времени.

И все—таки уже въ 17 столѣтіи была пробита глубокая брешь въ китайской стѣнѣ, за которой созерцательно прозябала Русь. Не помогли ни «ахи» патріарховъ и игуменовъ, ни бунты ненавидящихъ яростно все иностранное стрѣльцовъ, которые своею конечною участію такъ напоминали янычаръ, только въ Россіи съ ними раздѣлялись 110 годами раньше; ничего не сдѣлали даже временные успѣхи реакціи, весьма мало имѣлъ значенія тотъ фактъ, что иностранцевъ, напр., изъ Москвы выслали въ подгородную Слободу; пусть вліяніе киевлянъ на время было сломлено и пусть настаивали на томъ, чтобы русскіе учились у грековъ, если ужъ имъ, вообще, необходимо это дѣлать. Разъ принуждены были уступить матеріальнымъ требованіямъ вѣва, то же самое должно было случиться и относительно духовныхъ. Форма для арміи и обученіе ея по европейскому образцу было только предвѣстникомъ того же самага и для умовъ; конечно, послѣднее можно было провести не такъ быстро, не столь основательно, и отчасти еще вполнѣ не достигнуто и донинѣ.

Уже все говорило о приближающейся революціи; царевна вмѣсто того, чтобы идти въ монастырь, участь всѣхъ царскихъ дочерей—за своего вельможу онъ не могли быть выданы, это было бы безчестіемъ, а путь въ чужія страны для нихъ былъ запертъ,—годами держала въ своихъ рукахъ бразды правленія, хотя бы только въ качествѣ регентши; ея любимецъ думалъ уже объ освобожденіи крестьянъ съ надѣломъ. Противъ угрожающаго переворота выступила реакція съ патріархомъ во главѣ, примкнувъ къ Петру, но попала изъ огня да въ полымя. Уже родители Петра, кроткій Алексѣй и его жизнерадостная супруга, не были больше тупыми идолами стараго времени, и въ сынѣ, о которомъ долгое время никто какъ слѣдуетъ не заботился, который росъ среди конюшихъ мальчиковъ, прорвалась жизненная энергія самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ не былъ домохозяиномъ и понурой; вмѣсто благочестивыхъ книгъ и богословскихъ наукъ его интересовали дѣйствительность, міръ, о которыхъ прежде въ Кремлѣ никто и не думалъ; вмѣсто набожныхъ монаховъ онъ охотнѣе проводилъ время съ голландцами и возился со старымъ англійскимъ ботомъ, ѣздилъ на немъ по Яузѣ: это должно было стать началомъ русскаго флота! Русскіе послы видѣли до Петра глобусъ и въ своей наивности называли его «яблокомъ»; Петра интересовали глобусъ, астролябія, циркуль и другіе предметы техники, пусть сначала это и было забавой. Игра перешла въ серьезное дѣло, когда онъ встрѣтился съ шотландцемъ Гордономъ, старымъ, опытнымъ, весьма знающимъ человѣкомъ, и швейцарцемъ Лефортомъ, вѣтреннымъ малымъ, когда онъ началъ съ ними обучать своихъ солдатъ въ Преображенскомъ Селѣ (названіе знаменательное), тогда чрезъ нихъ онъ сталъ знакомиться съ европейскимъ образомъ жизни въ Слободѣ. Православный царь, входящій въ общеніе съ «язычниками», идущій въ крестные отцы къ ихъ дѣтямъ, разводящійся со своею законною женой нѣсколько недѣль

спустя послѣ свадьбы и имѣющей любовницами язычницъ, среди нихъ Анну Монсъ! И все пренебрежительнѣе думалъ и говорилъ Петръ о своемъ патриархѣ и все болѣе тянуло его самому побывать за границей, увидѣть страну чудесъ, ученыхъ и цивилизованныхъ людей, которые должны были доставить ему средства къ выполнению его честолюбивыхъ плановъ. Наконецъ, въ 1697 г. было отправлено посольство во главѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, покровителемъ наукъ и искусствъ; политическая задача этого посольства была незначительна и результатъ нулевой; къ нему прикомандированы 35 добровольцевъ для изученія за границей «навигации». Петръ набралъ ихъ изъ молодыхъ «придворныхъ», стольниковъ и спальниковъ; они были раздѣлены на десятки, во главѣ одного изъ нихъ былъ и самъ молодой царь.

И все-таки Петръ былъ только Иваномъ IV въ новой одеждѣ; тотъ же самый варваръ, столь же чувственный и жестокий, какъ Иванъ, такой же безсердечный и насильникъ, такъ же отождествляющій себя съ государствомъ и отъ всѣхъ подданныхъ требующій обязательной службы, даващій и разрушающій все, что противилось гдѣ-нибудь проводимой имъ нивелировке; такъ, всѣхъ крестьянъ безъ различія онъ превратилъ въ личную собственность и обложилъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же подушнымъ налогомъ; такъ, все «дворянство», которое должно было служить въ военной, придворной или штатской службѣ, онъ превратилъ въ толпу чиновниковъ, раздѣленныхъ на 14 классовъ,—всюду вѣетъ византійскимъ (или китайскимъ?) духомъ. И если богослуженія Ивана граничили очень близко съ богохульствомъ, то «всешутѣйшій соборъ» Петра съ его папами, кардиналами и епископами,—самое явное высмѣиваніе всякой религіи. Различіе между Иваномъ и Петромъ касалось только мелочей: такъ, Петръ сбросилъ тартюфство Ивана, отцы церкви и ладонь были для него ужасомъ, табачный дымъ онъ ставилъ куда выше, и мудрость Слободы превосходила для него всю глубину Хризостома. Въ отдѣльныхъ случаяхъ сравненіе будетъ даже въ пользу Ивана, по крайней мѣрѣ, тотъ не убивалъ своего сына и наследника престола намѣренно, какъ сдѣлалъ это Петръ; къ морю Петръ стремился не болѣе, чѣмъ Иванъ, только тотъ встрѣтился съ болѣе сильными препятствіями: Польша Баторія не была еще такимъ трупомъ, какъ Польша Августа II; для русскаго самодержавія оба сдѣлали одинаково. Правда, разница между ними вотъ въ чемъ: Иванъ, въ противность всякимъ церковнымъ канонамъ, вѣнчался со всѣми женщинами, которыхъ онъ любилъ,—если, вообще, можно говорить о «любви» у него; а Петръ отказывался отъ этого.

Не людьми, ихъ характеромъ, или темпераментомъ обуславливались различія, но главное—временемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Преобразованная» Русь

Реформы Петра и ихъ значеніе. Вліяніе на литературу. Сотрудники Петра; Георгій Прокоповичъ. Посошковъ. Вторая треть семилѣтія; возникновеніе свѣтской литературы: ея французское направленіе: Кантемиръ, Тредьяковскій, Сумароковъ; нѣмецкое: Татищевъ, Ломоносовъ. Заслуги послѣдняго передъ наукой и языкомъ.

Мнѣніе о томъ, будто Петръ В. былъ Юпитеромъ, изъ головы котораго Минерва-реформа вышла совсѣмъ готовою, давно уже оставлено. Не Петръ ея создатель; онъ только подвигалъ впередъ дѣло предыдущихъ дней. Его собственное значеніе основано на другомъ: неутомимо ускорялъ

онъ ходъ реформы, временами съ совершенно безумною, нечеловѣческою энергіей, онъ же существа видоизмѣнялъ ея направленіе.

При Алексѣѣ, Ѳеодорѣ, Софіи не было никакого рѣзкаго порыва со старой московской традиціей; правда, сравнительно съ колеблющимся, мучающимся всякаго рода мелочами отцомъ старшій сынъ и дочь подвинулись значительно дальше; однако, только Петръ развилъ такой темпъ, что старовѣры съ правомъ могли думать о неистовствѣ самого антихриста. Конечно, дѣло велось не сразу. Сначала Петръ менѣе заботился о правленіи, оставилъ все по—старому, думалъ только о созданіи флота и объ обученіи своего войска,—послѣ Полтавской побѣды онъ шлъ за здоровье своихъ учителей, побѣжденныхъ шведовъ. Но какъ это въ Россіи обыкновенно случается, въ результатѣ матеріально-эгоистическихъ плановъ выдвину-

Петръ I.

лись сами собою задачи высшаго порядка. То, чему онъ научился въ первомъ заграничномъ путешествіи (1697—1699), на что за границей смотрѣли, какъ на прихоть и капризъ, чужіе нравы и учрежденія, все что практически казалось достойнымъ подражанія, теперь однимъ разомъ хотѣлъ пересадить на Русь; отъ покроя платья и стриженія бороды, что онъ или его шуты подъ рукою и проводили на вельможахъ, вплоть до основанія музеевъ и академій, созданія литературы, преобразованій въ свѣтскомъ и самомъ церковномъ управленіи.

Этотъ переворотъ былъ исполненнымъ, количество времени и вспомогательныхъ средствъ было весьма ограничено, слишкомъ много отнимали продолжительныя, мало счастливыя войны,—что удивительнаго тутъ, если реформа осталась частичной, если внѣшность выиграла на счетъ самой сущности. Важнѣе былъ другой результатъ: до 1700 г. національная жизнь была проникнута цѣлостностью, даже расколъ едва могъ поколебать это единство; подчиненный велъ ту же самую жизнь, что и его господинъ, говорилъ тѣмъ же языкомъ и думалъ одинаково, или вѣрнѣе сказать, вообще, ничего не думалъ. Эта одинаковость образа жизни и возрѣній, грубости и некультурности перестала существовать почти сразу. Дворянство, которое должно было теперь оставить созерцательную жизнь деревень и поступить на службу,—служебныя ступени, ранги стояли выше всѣхъ при-

вилегій рода,—сняло свой туземный костюмъ, бросило прежнія привычки и перемѣнило языкъ, вступило въ сношенія съ иностранцами, годами разбѣжало по чужимъ краямъ, курило, читало, дѣлалось вольнодумнымъ; женщина покинула душныя келіи, надѣла французское платье, училась танцевать и играть и была обязана посѣщать «ассамблеи». Офицеры и чиновники, т. е. дворянство и многочисленные иностранцы: шведы, балтійцы, нѣмцы теперь своимъ образомъ жизни, образованіемъ, чувствами и мыслями совершенно становятся въ сторонѣ отъ «презрѣнныхъ людей»; началось съ каждымъ десятилѣтіемъ все возрастающее отчужденіе между тонкимъ слоемъ интеллигенціи и бродящими въ прежней темнотѣ милліонами народа. Сумма, которою приходилось оплатить цѣну культуры и государства, была слишкомъ высока.

Съ быстротою вихря думалъ Петръ нагнать то, что было упущено въ XVI и XVII ст. и съ достойною удивленія послѣдовательностью отовсюду старался извлечь пользу для достиженія своихъ цѣлей. Старая континентальная столица была формально разжалована и ея мѣсто занялъ новый приморскій городъ; церковь была лишена своего главы—и руководство надъ ней было довѣренно створчивой коллегіи—Святѣйшему Синоду. Всякое участіе народа или его избранныхъ (Земскій Соборъ) въ правленіи коллегіи было исключено. Малѣйшее противленіе, даже по самому неосновательному подозрѣнію такового, преслѣдовалось страшнѣйшимъ образомъ; царь не боялся высочайше собственоручно разыгрывать палача и отрубать головы своимъ подданнымъ; «юстиція» его времени—это обагренный кровью звѣрь, совершенныя имъ преступленія безчисленны. Ведомому на казнь простому убійцѣ или разбойнику стоило только произнести одинъ страшный лозингъ: онъ вѣдалъ царское, т. е. политическое слово и дѣло, чтобы добиться отсрочки экзекуціи, и обвинить какого-нибудь невиннаго, послѣ чего сейчасъ же вступалъ въ дѣйствіе застѣнокъ и разражалась катастрофа надъ неповиннымъ, ничего не подозрѣвавшимъ человѣкомъ. Даже когда Петръ увидѣлъ, что его единственный сынъ пошелъ по стопамъ благочестія прежнихъ царей и что отъ него нельзя уже было ожидать какого-либо содѣянія дѣлу его жизни, онъ не поколебался назначить надъ сыномъ процессъ, приговорить его къ смерти и еще раньше объявленія смертнаго приговора фактически привести его въ исполненіе, замучивъ пытками. Что царь, который спокойно приказалъ казнить собственного сына и престолонаслѣдника, не шадилъ добра и крови своихъ подданныхъ, само собою понятно: въ петербургскихъ болотахъ цѣлыхъ сто тысячъ русскихъ крестьянъ оставили свои кости. Сопровиженіе, вообще, не могло быть болѣе, Россія снова лишилась собственной воли, какъ въ 862 г., предалась связанной по рукамъ и ногамъ новому завоевателю, культурѣ. Положительнѣе, чѣмъ страшная рѣзкость реформы, было измѣненіе ея направленія; Петръ оставался чуждымъ польско-киевской духовной дѣятельности съ ея схоластикой, богословіемъ, латынью, ея отвращеніемъ отъ дѣйствительности, которая одна его интересовала. Несмотря на свою свободную жизнь внѣ политики, Польша сравнительно съ остальнымъ Западомъ сильно отстала и далѣе падала все ниже; только тратила накопленный въ XV и XVI ст. большой капиталъ, не пополняя и не увеличивая его. Петръ обратился помимо поляковъ и малоруссовъ непосредственно къ тому Западу, который обеспечивалъ ему выполненіе его желаній; тому, кто интересовался исключительно навигаціей и фортификаціей,—а это и было съ Петромъ,—ни Варшава, ни Кіевъ не могли предложить ничего: тотъ отправлялся въ Амстердамъ къ Вобану или въ арсеналы Венеціи. Этимъ опредѣлялось то обстоятельство, что Петръ пошелъ въ школу жизненной культуры нѣмцевъ, голландцевъ, англичанъ, французовъ, а не остановился на односторонней

латинско-католической культурѣ Польши, какъ его ближайшіе предшественники (Федоръ и Софія), что онъ устранивъ совершенно старыхъ русскихъ учителей обезпечилъ своему народу непосредственное духовное присоединеніе къ западной Европѣ, и вѣшне, по крайней мѣрѣ, скоро оставилъ Польшу далеко за собой.

Современникамъ Петра Русь казалась «вновь преобразованною»; дальнѣйшіе потомки и вовсе не могли подозрѣвать, какъ часто это «преобразование» оставалось чисто внѣшнимъ. Яснѣ всего это видно въ той области, гдѣ скорѣ всего можно было ожидать полнаго переворота: въ литературной; литература Петра В., первой четверти новаго столѣтія, такъ же незрѣла, несостоятельна, нищенски бѣдна, какъ и въ предшествующую четверть. Впрочемъ, варваръ и не питалъ никакого интереса къ литературѣ и искусству; онъ содѣйствовалъ имъ только поскольку онъ прямо отвѣчали его цѣлямъ, т. е. поскольку одобряли и освѣщали мѣропріятія новаго правительства. Ему импонировало только то искусство, которое прославляло его «дѣянія» передъ зѣвующей толпой, которое дешево и скверно ставило триумфальныя арки, аллегорическія картины, символы всякаго рода; для иного у него не доставало пониманія. Съ литературой дѣло обстояло такъ же; она должна была служить только чисто практической цѣли, возможно скорѣ освободить русскихъ отъ ихъ отсталости, и такъ какъ некультурность народа чувствительнѣе всего затрагивала царя въ технической области, то онъ немало заботился о переводахъ книгъ, объ учрежденіи школъ для навигаціи, фортификаціи и т. п. Переводы изготовлялись массами; уже въ XVII стол., только они существовали въ многихъ спискахъ. Это не отвѣчало планамъ Петра; онъ напередъ назначилъ свои переводы къ напечатанію; тѣ старые были недостаточны для него еще и по другой причинѣ. Они были безпомощны благодаря своему языку: имъ приходилось бороться съ невозможностью выразить церковно-славянскимъ стилемъ понятія совершенно иного, высшаго рода. Петръ, который самъ зналъ иностранныя языки, столкнулся съ этою непонятностью и запутанностью въ русскихъ книгахъ и рѣшительно подчеркивалъ своимъ переводчикамъ, что они должны сообразоваться больше со смысломъ, а не со словами, и вмѣсто отвердѣвшаго церковно-славянскаго, приспособляться къ живому обиходному языку. Такъ создавалъ Петръ противоположность между старымъ и новымъ языками, противоположность, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія занимала литературу.

Это различіе онъ отмѣтилъ даже внѣшнимъ образомъ. Для собственной области церковно-славянскаго, для богословія въ широкомъ смыслѣ слова, онъ оставилъ старую «кириллицу»; для свѣтской, «гражданской» литературы избралъ онъ новыя формы, въ основаніе которыхъ легли опыты голландскихъ типографій. Теперешній русскій шрифтъ, немного видоизмѣненный, приспособленный къ случайному латинскому характеру, «гражданка»; восходитъ къ Петру, который въ своей неутомимой дѣятельности находилъ время исправлять фигуру «р» или какой другой буквы и обращать вниманіе типографіи на ошибки при сверстываніи.

Въ томъ значительномъ количествѣ переводовъ, которые Петръ приказалъ готовить, на быстромъ выполненіи которыхъ онъ настаивалъ и ошибки или пропуски, въ которыхъ онъ безъ снисхожденія наказывалъ, изящная литература почти совсѣмъ не была представлена, зато много книгъ было по исторіи, географіи, правовѣднью, національной экономіи; не говоря о болѣе специальныхъ отрасляхъ знанія: Гуго Гроцій и Самуилъ Пуффендорфъ, Линскій, Вобанъ и Штратеманнъ—нѣкоторые изъ этихъ официальныхъ переводовъ позднѣе, какъ опасные для государства и нравственности, были изъяты изъ свободнаго обращенія! Изъ античной лите-

ратуры къ величайшему соблазну православныхъ были опубликованы дьявольскія исторіи изъ Метаморфозъ Овидія, изъ Энеиды, даже съ изображеніями «чорта»; кое—что еще возвращалось къ старому, напр., алофтегмы, анекдоты, басни Эзопа. Петръ приказалъ между прочимъ напечатать съ нѣмецкаго «Примѣры, какъ писать комплименты», и «Юношества честное зеркало», руководство къ придворному тону. Если до сихъ поръ о достопримѣчательныхъ событіяхъ извѣщали переведенные, большею частью съ польскаго и латинскаго, пустые, часто только рукописные, «реляціи» или «куранты», то въ 1703 г. Петръ положилъ начало русской публицистикѣ, приказавъ печатать «Русскія Вѣдомости»; такъ же позаботился онъ и о календаряхъ, ничего не имѣя противъ, если они еще предлагали народу и устарѣвшіе календарные фокусы. Беллетристики не возникало; довольствовались списками старой повѣствовательной литературы, народными книгами и шуточными исторіями, медленно увеличивая ее произведеніями равнаго достоинства; лирика, эротическая и религіозная, впервые нашла себѣ доступъ; польскія любовныя пѣсни, благочестивые рождественскіе, страстные и другіе «канты», гимны, сдѣлались извѣстными непосредственно или чрезъ малорусское посредничество; они цѣлое столѣтіе пользовались популярностью и попали, наконецъ, въ первыя печатныя пѣсенныя книги.

Начало всему положило уже прошлое столѣтіе, и петровское время и здѣсь шло по протореннымъ дорожкамъ: такъ же дѣло было и съ театральными представленіями, которыя послѣ продолжительнаго перерыва снова были возобновлены, но результаты были достигнуты не большіе, чѣмъ во времена царя Алексѣя. Правда, что въ 1672 г. не удалось полковнику Штадену, того достигъ въ 1702 г. лейтенантъ Славскій въ Данцигѣ, т. е. онъ завербовалъ для Москвы труппу Юганна Кунста изъ десяти лицъ; Кунстъ умеръ уже въ 1702 г. въ Москвѣ, послѣ чего директоромъ былъ Фюрстъ; они должны были служить такъ же и учителями для русскихъ. Въ послѣднее мгновеніе Кунстъ еще колебался, требовалъ поруки въ томъ, «что онъ со своими людьми по желанію можетъ уѣхать свободно, безопасно и безпрепятственно»,—но старая Русь не выпускала никого, кто попалъ въ ея сѣти.

Для изящной литературы и театра не было мѣста въ строго практическомъ, разсчитывающемъ на немедленный результатъ, неблагоприятномъ ко всему созерцательно—праздному, умъ царя; Петръ, напр., не любилъ вовсе охоты, какъ бесполезнаго времяпрепровожденія; его привлекали пародіи на священодѣйствіе и религіозные обряды. Литературу и театръ Петръ оцѣнивалъ исключительно, поскольку она могла способствовать европеизированію Россіи, какъ нѣмецкій покрой платья или стриженіе бороды. Въ нѣмецкомъ театрѣ онъ встрѣчалъ вѣчное однообразіе любовныхъ исторій, безъ которыхъ драма была невысказима, равно, какъ пустыя шутки арлекина; онъ однажды общалъ, понятно напрасно, своимъ комедіантамъ особое вознагражденіе, если они выдумаютъ трогательную пьесу безъ обязательной любви и веселую безъ паясничества. Аллегоріи, которыя прославляли и разъясняли народу его триумфы, были ему несравненно ближе. Зато женскія лица царской фамиліи интересовались гораздо больше представленіями пьесъ; любили театръ царица—вдова Прасковья, супруга Юанна, особенно же любимая сестра царя, Наталія, въ обществѣ которой онъ охотно проводилъ время—она дерзнула даже посѣтить съ нимъ нѣмецкую Слободу—и въ угоду которой онъ смотрѣлъ ея комедіи: Наталія вѣдь составила сама нѣсколько «комедій», изъ которыхъ отдѣльныя сцены и роли дошли еще до насъ. Одинъ нѣмецъ рассказываетъ о представленіи: «10 актеровъ и актрисъ были природнымъ русскими и никогда нигдѣ не бывали: поэтому ихъ ловкость легко себѣ представить. Княжна пригото-

ляла трагедіи и комедіи на рускомъ языкѣ и содержаніе брала иногда изъ Библии, иногда изъ свѣтскихъ событій»... Она преимущественно драматизировала легенды о мученикахъ и народныя книги, напр., объ императорѣ Оттонѣ и др., просто нанизывая отдѣльныя сцены, часто дословно повторяя иныя мѣста своихъ источниковъ. «Арлекинъ, оберъ—офицеръ, вставлялъ временами свои шутки, и, наконецъ, вставлялъ одинъ ораторъ, который рассказывалъ исторію дѣйствія и описывалъ гнусность бунтовъ и ихъ подлый, жалкій конецъ». Пьеса, на которую намекаетъ рассказъ Вебера, неизвѣстна. Съ раннею смертью княжны, 1716, пересталъ существовать и ея театр; остались иностранныя труппы, арлекинады въ Москвѣ и мистеріи въ духовныхъ семинаріяхъ, напр., въ Ростовѣ; отъ послѣднихъ многое еще сохранилось, напр., представленный въ 1704 г., «учениками грамматиками великомученигу Димитрію сплетенный вѣнокъ». Извѣстнѣе и интереснѣе рождественская драма, поставленная на сцену въ 1702 г.; пастухи въ ней—типы крестьянъ великороссовъ, все остальное—подражаніе польскимъ образцамъ; и «церковный регламентъ» предписывалъ такого рода представленія, дабы ученики, выступая передъ собраніемъ, достигали «резолуціи, т. е. благоразумной смѣлости», совершенно по образцу іезуитскихъ школъ.

На долю литературы, какъ таковой, въ «новопреобразованной» Руси, не приходилось, такимъ образомъ, ничего; какъ исключительно Петръ преслѣдовалъ только практическія задачи, явствуетъ, напр., изъ его сужденія о нѣмецкомъ сочиненіи по поводу имъ самимъ исправленной, т. е. сокращенной сельскохозяйственной книги (1724 г.): «Такъ какъ нѣмцы обыкновенно наполняютъ свои книги многими бесполезными разсказами только затѣмъ, чтобы казаться большими, всего этого не должно переводить, кромѣ самаго дѣла и короткаго предварительнаго замѣчанія, которое должно служить не праздною красотъ, но поученію читателя—потому, исправилъ я отрывокъ о земледѣліи, вычеркивая излишнее, и по этому примѣру должна быть переведена вся книга, безъ ненужныхъ распространеній, только убивающихъ время и отнимающихъ у читателя всякую охоту».

Такъ первая четверть столѣтія была періодомъ переводовъ, которые положили лишь основаніе духовному освобожденію Россіи. Въ этомъ дѣлѣ эманципации принимали въ выдающейся мѣрѣ участіе сами духовные, и хотя духовная литература и ея малорусскіе представители совѣмъ не входять въ рамки этого труда, все-таки здѣсь слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть объ ихъ дѣятельности, какъ о знаменіи времени. Какъ разъ благодаря Петру наплывъ южнороссовъ, который былъ задержанъ въ послѣдніе годы XVII столѣтія, опять возобновился; уже въ 1701 г., Московская греко-латино-славянская школа была преобразована совершенно по образцу Кіевской.

«Вновь преобразованная» Россія менѣе всего могла разчитывать на поддержку московскаго духовенства. Такъ, напр., послѣдній патріархъ Адріанъ высказывался о бритвѣ бороды: «Съ одними усами Богъ творилъ не людей, но кошекъ и собакъ — смотрите только почаще на картину страшнаго суда, и вы увидите, по правую сторону Спасителя стоятъ всѣ бородатые, а налѣво басурманы, еретики, лютеране, поляки и другіе имъ побобные брадобрѣи»; патріархъ торжественно проклиналъ брадобритіе и этимъ угадывалъ мысли москвичей.

Петръ обратился къ кіевлянамъ, хотя и здѣсь не преминулъ разочароваться; сначала онъ возлагалъ надежды на Стефана Яворскаго, ученика іезуитскихъ и кіевскихъ школъ, ихъ poeta laureatus и знающаго латиниста, съ которымъ онъ познакомился случайно по одной его надгробной проповѣди. «Предыки господина Яворскаго» такъ исключительно понравились

Петру, что онъ назначилъ его епископомъ и замѣстителемъ патріарха, думая найти въ немъ поборника и защитника всѣхъ своихъ мѣропріятій. Но, когда Петръ не сдѣлалъ его патріархомъ, когда Яворскій увидѣлъ, какъ церковь все отъсѣняется на задній планъ, какое тяжелое бремя возлагалось на нее, онъ сейчасъ же сталъ къ царю въ оппозицію, возроставшую изъ года въ годъ; защитникъ Петра, отбросивъ свой страхъ, сдѣлался его обвинителемъ, игралъ съ нимъ опасные шутки, напр., возбужденіемъ процесса противъ московскаго врача Тверитинова, который касательно православія въ точности раздѣлялъ взгляды Петра; если и не Тверитинова, то все—таки одного изъ обвиненныхъ съ нимъ Яворскій взвелъ на костеръ, чѣмъ онъ окончательно охладилъ къ себѣ Петра. Литературная дѣятельность Яворскаго была, главнымъ образомъ, полемическаго характера, такъ онъ написалъ обширнѣйшее опроверженіе протестантизма («Камень Вѣры», запрещенный Бирономъ), но свои аргументы заимствовалъ онъ у католиковъ; старовѣрческое убѣжденіе, что Петръ благодаря своей одеждѣ, куренью и т. д. былъ воплощеннымъ антихристомъ, за распространеніе какового, напр., Талицкій поплатился смертью на кострѣ, опровергалось Яворскимъ тоже при помощи католическихъ аргументовъ объ истинномъ появленіи антихриста.

Въ то время, какъ этотъ кievлянинъ въ заключеніе сошелся со старыми москвичами на почвѣ угрожаемыхъ церковныхъ интересовъ, Петръ нашелъ въ другомъ тѣмъ болѣе дѣятельное орудіе. Теофанъ Прокоповичъ былъ безконечно образованнѣе, умнѣе, зато гораздо болѣе мстителенъ и жестокъ; верховный представитель церкви, онъ не боялся невинныхъ предавать застѣнку, лишь бы только сохранить свое личное положеніе; къ своему сану и вѣрѣ онъ проявлялъ полнѣйшее равнодушіе; безусловный поклонникъ свѣтскаго, царскаго самодержавія, виновникъ казней и низкій льстецъ, онъ остается крайне несимпатичнымъ явленіемъ, жаль только видѣть, что дѣло просвѣщенія, освобожденія науки и общества, новаго міровоззрѣнія велось при пособничествѣ такихъ рукъ. Въ іезуитской коллегіи въ Римѣ онъ питалъ ненависть къ православію и католицизму, протестантскій сервиллизмъ по отношенію ко всякой свѣтской власти; удивительно острая память, самыя разностороннія познанія, широкіе интересы высоко ставили его въ современной церкви. Когда онъ по своему возвращенію на родину и обращенію къ православію, отъ котораго онъ на время ученія долженъ былъ отречься, сдѣлался преподавателемъ въ кievской академіи, Петръ сумѣлъ оцѣнить ловкаго панегириста и пригласилъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ въ качествѣ официального представителя на кафедрѣ находилъ случай разоблачать притязанія духовенства къ образованію государства въ государствѣ и прославлять всѣ мѣропріятія Петра, напр., его отношеніе къ сыну. Онъ былъ протестантомъ съ головы до ногъ и, какъ таковой, несмотря на всѣ махинаціи противниковъ, которые рано признали волка въ овечьей шкурѣ, удерживался епископомъ новгородскимъ, что весьма характерно для «новопреобразованной» Россіи. Онъ ненавидѣлъ и боролся противъ мрака невѣжества въ народѣ и въ средѣ его пастырей и противъ папистическаго, т.-е. независимаго духа въ духовенствѣ; Петръ не могъ найти ни одного болѣе искренне преданнаго почитателя, болѣе способнаго орудія. Прокоповичъ составилъ «Духовный Регламентъ», который устанавливалъ основы новаго церковнаго порядка, уничтоженіе патріаршества, учрежденіе синода, секуляризацию монастырскихъ имѣній, требованіе образованія для духовенства. Литературная дѣятельность Теофана была весьма многостороння, начиная съ его кievскихъ школьныхъ тетрадей о поэтикѣ и риторикѣ и его школьной драмы «Владимиръ», представленной въ 1705 г.,—гдѣ уже Владимиръ жалуется на русскую нетерпимость къ наукамъ, а его языческіе

жрецы срисованы съ собственныхъ коллегъ автора,—вплоть до богословской полемики съ Яворскимъ и др., историческихъ опытовъ, сочиненій для юношества: инія изъ его произведеній были изданы, другія уже рано переводились на иностранные языки: такъ, «Регламентъ» на нѣмецкій еще въ 1725 г.; онъ писалъ по-русски латинскіе (хвала Галилею) и польскіе стихи; хотя Теофанъ и не зналъ нѣмецкаго, однако, онъ ставилъ Германію по своему образованію выше всѣхъ другихъ странъ. Однако, подробнѣе говорить о немъ и его многочисленныхъ сотрудникахъ здѣсь не мѣсто.

Мы стоимъ у поворотнаго пункта. Яворскій и Прокоповичъ—два послѣднихъ духовныхъ, о которыхъ приходится упоминать историку литературы. Въ то время, какъ до сихъ поръ вся литература находилась исключительно въ рукахъ духовныхъ и не было почти ни одного свѣтскаго писателя, реформы Петра имѣли своимъ результатомъ созданіе чисто-свѣтской литературы, хотя самъ Петръ по недостатку годныхъ силъ все еще долженъ былъ при переводахъ обращаться къ помощи духовныхъ. Если до этого времени помимо церквей, монастырей и ихъ школъ не существовало никакого знанія, отсюда это знаніе было совершенно подчинено духовному авторитету, лишено самостоятельной жизни, то Петръ сдѣлалъ науку независимой: онъ создаетъ первыя техническія школы и учреждаетъ низшія («цифирныя»); легче всего было, конечно, основать въ Петербургѣ высшую школу, академію наукъ, съ одними нѣмецкими учеными; эта монополія нѣмцевъ сохранялась въ твореніи Петра, вступившемъ въ жизнь, впрочемъ, послѣ его смерти и до послѣднихъ дней. Со времени Петра и благодаря ему развѣдываются, до сихъ поръ всегда шедшія вмѣстѣ, духовенство и литература; то остается въ своей ограниченной области со своими отдѣльными школами, московской и кievской академіями и др., со своимъ схоластическимъ образованіемъ, особеннымъ письмомъ и языкомъ; это идетъ впередъ, освобождаясь отъ односторонне-аскетическаго міровоззрѣнія, вступая на путь науки, истины и жизни, сбрасывая съ себя старыя формы и стряхивая иго религіозной исключительности. Оба направленія никогда потомъ не встрѣтятся; въ своемъ изложеніи мы покончили теперь съ первымъ.

Такъ подходило къ концу правленіе Петра, не обогативъ существенно литературы; она не была еще въ состояніи удовлетворить требованіямъ Петра дать соответствующую исторію Россіи; Синописисъ Гизеля съ его сказками о временахъ Ноя, перечисленіемъ кievскихъ воеводъ и умалчиваніемъ о новѣйшей московской исторіи могъ удовлетворять его всего менѣе; несравненно легче было переводить всемірную исторію («Театронъ» лютеранина Штратемана, при дочери Петра снова конфискованный), которая должна была вытѣснить старыя византійскіе «хронографы». Историческая литература, кромѣ «Зерна» Маннѣва, знала только рассказы и случайныя сочиненія полемическаго характера, напр., направленные противъ Карла XII, и первые опыты мемуаровъ. Тутъ были болѣе или менѣе обширныя описанія путешествій, записанныя пионерами культуры, Толстымъ, Шереметевымъ, Куракинымъ и др. для своихъ семей на память о своемъ пребываніи за границей. Изъ семейныхъ архивовъ эти записки стали переходить во владѣніе общества только въ наши дни. Эти дневники и журналы путешествій, не представляя литературной или исторической цѣнности, интересны для характеристики самихъ путешественниковъ, тѣхъ чувствъ, съ какими тогдашніе русскіе дивились на европейскія чудеса; пониманіе природы и искусства у нихъ совершенно отсутствовало. Кромѣ того, они чаще были связаны обязательными дѣлами; имъ приходилось учиться употребленію компаса и плановъ, умѣнью править кораблемъ, гдѣ возможно и кораблестроенію, а потомъ со страхомъ готовиться ко дню страшнаго суда, къ экзамену предъ самимъ Петромъ; ничего удивительнаго, если мучимые

преклонностью дѣтъ и морскою болѣзною, они были иногда весьма лаконичны въ своихъ извѣстіяхъ. Самое обширное изъ этихъ путешествій, это Толстого (1697—1699), предпринятое съ научной цѣлью; самое дорогое—Шереметевское посольство (1697 г.); наиболѣе свѣтское по своему составу посольство, которое велъ Матвѣевъ (въ 1705 г.) въ Парижъ. Наивность, непосредственность этихъ взрослыхъ дѣтей часто дѣйствительно забавны; такъ какъ они писали не для гласности, то сужденія ихъ чаще совершенно искренни; князь Куракинъ, напр., высказывался о Парижѣ: «кромѣ этихъ обстоятельствъ, трехъ ярмарокъ, городъ предназначенъ для кавалеровъ, страшно скученъ и т. д.»; лучшею «Академіей» въ Германіи онъ объявилъ пражскую иезуитскую школу съ ея обширною правильною постановкою образованія; умный Толстой («не была бы эта голова такъ умна, давно бы я ее отрубилъ», говорилъ ему Петръ)—предокъ Льва Толстого.

Какъ эти путешествія устраивалъ Петръ и этимъ вызывалъ ихъ описанія, такъ и его правленіе своими переворотами и измѣненіями дало поводъ къ созданію всякаго рода проектовъ и плановъ реформъ; общественное мнѣніе тутъ впервые отваживалось выйти изъ своей прежней молчаливости и безмолвности. Среди составителей этихъ проектовъ находится характернѣйшая личность добраго стараго времени, крестьянинъ И. Посошковъ, который за свое благонамѣреннѣйшее рвеніе долженъ былъ поплатиться Петропавловскою крѣпостью: такъ освятилъ онъ этотъ мавзолей для живыхъ русскихъ писателей. Изъ его сочиненій—важнѣйшее «Книга о бѣдности и богатствѣ», стоившая ему, какъ онъ и самъ предчувствовалъ, свободы и жизни. Человѣкъ онъ былъ по модной терминологіи «ненадежный», безпокойный, т.-е. имѣлъ дерзость держать глаза открытыми и говорить, что онъ видѣлъ; то обстоятельство, что онъ это дѣлалъ изъ горячаго патриотизма, ибо его мучило, что «мы служимъ позоромъ и посмѣшищемъ для своихъ сосѣдей, которые смотрятъ на насъ почти какъ на мордвиновъ», что онъ требовалъ по меньшей мѣрѣ турецкой справедливости и порядка, естественно увеличивало его вину. Онъ былъ старовѣромъ, потомъ сдѣлался православнымъ, ненавидѣлъ иностранцевъ, однако, охотно учился у нихъ; огненное рвеніе царя заразило и его, но онъ сейчасъ же увидѣлъ, что дѣло реформы идетъ не совсѣмъ ладно, что дѣйствіе на массу новыхъ законовъ остается незначительнымъ, ибо можетъ быть царь тянетъ на верхъ самъ—десять, а внизъ миллионы. Старая русская «неправда» побуждаетъ царскую «правду», и потому освѣщаетъ онъ эту неправду во всѣхъ ея закоулкахъ, въ судѣ и въ управленіи; но простой крестьянинъ, онъ не знаетъ, какъ подступитъ къ корню зла, онъ не обѣщаетъ самъ себѣ слишкомъ многого отъ своихъ палліативовъ и всѣ надежды возлагаетъ на собраніе выборныхъ всѣхъ сословій, которое должно найти необходимыхъ новыхъ мѣръ, ибо какъ бы могъ устроить это отдѣльный человѣкъ?—Такъ живетъ въ немъ память о земскомъ соборѣ; за это, понятно, его сажаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умираетъ. О необходимости и пользѣ ученія у образованныхъ народовъ этотъ простой, суевѣрный крестьянинъ имѣлъ болѣе ясныя представленія, чѣмъ многіе образованные русскіе 19-го столѣтія. И во многомъ другомъ виденъ его ясный взглядъ: онъ заявляетъ, что богатство страны зависитъ отъ благосостоянія народа, а не отъ казны; что слишкомъ мало обращаютъ вниманіе на купечество; говоритъ, какъ высокобородные направляются на путь беззаконія и т. д. Всѣ эти сочиненія изданы только позднѣе, частью въ наши дни, современники едва ли знали что-либо о нихъ и ихъ составителѣ. Если Посошковъ даже среди мордвиновъ могъ найти разумныхъ людей, его собственный примѣръ показываетъ, къ чему способенъ русскій крестьянинъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, если его умъ не занятъ исключительно вопросами о значеніи пятницы

или о числѣ частицъ для обѣдни. Правда, между 1700—1725 гг. крестьянинъ не былъ еще такъ обезличенъ и униженъ игомъ крѣпостной зависимости, какъ столѣтіемъ позже; кромѣ того, вызванное расколомъ движеніе будило его умъ, заставляло стряхнуть славянскую апатію и равнодушіе. Но и этотъ фанатикъ правды и справедливости и мученикъ своего убѣжденія оказался въ этомъ движеніи умственно незрѣлымъ. Онъ нѣсколько походилъ на своего великаго повелителя тѣмъ, что его занимали исключительно практическіе вопросы,—но исходный пунктъ былъ различенъ въ корнѣ; Посошковъ хотѣлъ видѣть справедливость, воплощенной на землѣ, его царь стремился только къ могуществу; крестьянинъ былъ христіанинъ, господинъ—язычникъ.

Сочиненія другихъ реформаторовъ того времени не могутъ претендовать на общій интересъ; они доказываютъ только, что прозябаніе на прежнихъ путяхъ являлось невозможнымъ; должно было считаться съ тѣми могучими требованіями, которыя предъявляло время; отказываться отъ уже достигнутаго было менѣе всего возможно для самодержавія. Поэтому жестокость, съ которою Петръ, опасаясь за цѣлость своего дѣла, свирѣпствовалъ противъ собственной плоти и крови, была излишнею и ненужною; хуже, чѣмъ при его наслѣдникахъ, не хозяйничали бы и при Алексѣѣ; ибо и самые ортодоксальные охранители древности не отступили бы ни на дюймъ отъ Балтійскаго берега.

Скорѣе возможенъ былъ обратный шагъ въ культурѣ, которая, впрочемъ, и безъ Алексѣя дошла до полнаго застоя, но не въ другихъ областяхъ. Такъ, напр., при Петрѣ рукописная беллетристика не испытала никакого существеннаго движенія впередъ, какъ будто въ возбужденныя времена съ ихъ потоками плановъ, реформъ, перемѣнъ исчезла муза беллетристики и самый смыслъ къ ней. Зато во второй четверти столѣтія поразительно увеличилось число новыхъ переводовъ. Въ печать изъ нихъ попало самое незначительное количество; изъ рукописей многія появляются на свѣтъ только теперь, такъ, напр., въ 1905 г. почтенный изслѣдователь этой литературы, Сиповскій, издалъ большой сборникъ ихъ. Значительное число списковъ даже объемистыхъ произведеній доказываетъ, однако, интересъ, который имѣли къ нимъ. Не было недостатка и въ новыхъ переводахъ съ польскаго, какъ въ прежнее время; увеличивались попытки собственнаго творчества, подражанія; главная масса примыкала прямо къ нѣмецкимъ и французскимъ подлинникамъ; выступали такія произведенія, какъ Телемакъ, и, если прежніе рассказы будили только чувство для чудеснаго, то въ новѣйшихъ сантиментальность утверждала уже свои права въ длинныхъ разговорахъ и письмахъ любящихъ другъ друга существъ. Отдѣльные изъ этихъ фантастическихъ романовъ или юмористическихъ фавль, напр., любовники вѣрной жены въ трехъ сундукахъ, носили русскія названія или содержали черты русской жизни. Тяготѣніе къ сантиментальности обнаруживаетъ также и усвоеніе эротической лирики, которая, однако, смогла только немного возвыситься подъ общими мѣстами и простыми подражаніями; даже царица, дочь Петра, выступаетъ среди этихъ «миннезенгеровъ».

Не только эта литература по доброму старому обычаю была представлена рукописямъ, анонимному возникновенію и распространенію, даже настояще литераторы ограничивались предварительно триумфами въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ или по различнымъ основаніямъ совѣмъ удерживали свои работы отъ гласности. Два направленія даютъ знать о себѣ уже теперь; одно, въ духѣ Петра, опирается на нѣмецкую научную дѣятельность и создаетъ эпоху въ русской наукѣ,—представитель его Татищевъ, продолжателемъ котораго потомъ является Ломоносовъ; другое подражаетъ

изящной литературѣ французовъ и этимъ для нашей непосредственной цѣли становится важнѣе; къ этому принадлежалъ Кантемиръ, за которымъ слѣдовали Тредьяковскій и Сумароковъ, сверхпоэты времени. Кантемиръ и Татищевъ работали внѣ всякой публичности, какъ во времена Ивана и Курбскаго. Князь Кантемиръ былъ по происхожденію иностранецъ, валахъ, какъ Могила и Херасковъ,—русская литература и само общество богато иностранными именами. Къ нѣмцамъ принадлежать, чтобы только назвать извѣстнѣйшихъ, Фонвизинъ, Хемницеръ, Кюхельбекеръ, Гречъ; валахскія и татарскія фамиліи упомянуты были раньше; грекъ—Каченовскій; часты поляки, начиная съ Госвинскаго въ 17 ст. до печальной памяти Булгарина и Сенковского, до Баранцевича и Ясинскаго въ наши дни; Княжнинскими назывались поэты постоянно; Салтыкъ, Аксакъ, Корсакъ въ Польшѣ являются въ Россіи какъ Салтыковъ, Аксаковъ и Корсаковъ. Малоруссы также составляютъ почтенный контингентъ, Нарѣжный, Гоголь, имена на—енко и т. д., не говоря уже о прежнихъ кievскихъ людяхъ. Смѣшенію племенъ въ государствѣ могло по всеѣмъ правамъ соответствовать подобное же и въ литературѣ, но въ большинствѣ случаевъ этотъ чужой корень, какъ и у Лермонтова не имѣлъ значенія, что должно быть рѣшительно подчеркнуто, ибо иногда отсюда проистекаютъ ошибки: какъ однажды относительно Кантемира, валахское происхожденіе котораго дѣлается отвѣтственнымъ за его силлабическіе стихи, будто въ то время знали какіе—нибудь другіе.

Домашнее воспитаніе Кантемира было дополнено обученіемъ въ гимназіи при Петербургской Академіи, ибо согласно строго практическому смыслу Петра нѣмецкіе ученые должны были не только дѣлать изобрѣтенія, изслѣдовать историческое прошлое Россіи и геологическія отношенія, но и завѣдывать школами; и вотъ такимъ образомъ, такъ какъ до университета дѣло еще было далеко, влачила свое перемѣнчивое существованіе эта академическая гимназія; здѣсь онъ изучилъ классиковъ, особенно своего любимаго писателя, Горация. Передъ обществомъ онъ выступилъ въ 1727 г. съ хорошей по мысли, но плохо выполненной симфоніей на псалмы, совершенно по образцу кievскаго «Стихотворца»; отъ заслуженнаго этимъ опытомъ забвенія его спасло только то, чего онъ не печаталъ: сатиры. Вопреки своимъ аскетическимъ стихамъ, Кантемиръ стоялъ совершенно на сторонѣ такихъ просвѣтителей, какъ Прокоповичъ, и былъ привязанъ къ Петру съ воодушевленіемъ, о которомъ свидѣтельствуетъ, къ сожалѣнію неоконченная, Петриада. 1729 годъ стоялъ подъ знакомъ реакціи; все чаще слышалось, что знаніе вредно, вызывая еретичества,—мнѣніе, которое должно казаться всего менѣе основательнымъ именно для Россіи, гдѣ расколъ и его ереси были дѣтьми самаго слѣпотаго невѣжества. Прокоповичъ уже въ «Регламентѣ» занялъ позицію по отношенію къ этому невѣжеству; Кантемиръ боролся съ нимъ въ сатирѣ: «На хулящихъ ученіе». За этой слѣдовали другія, чаще въ формѣ посланій; авторъ пытался издать ихъ въ 40-хъ гг., будучи посломъ въ Парижъ, но смерть преждевременно поразила его; сначала онѣ появились во французскомъ прозаическомъ переводѣ, съ котораго сдѣланъ былъ первый нѣмецкій римованный—по этому испытанному рецепту работаютъ еще и нынѣ нѣкоторые нѣмецкіе «переводчики съ русскаго»; въ русскомъ оригиналѣ онѣ были напечатаны только въ 1762 г., когда ихъ силлабическіе стихи давно уже сдѣлались курьезомъ.

Сатиры въ 1729 и слѣдующихъ годахъ являлись чѣмъ-то совершенно новымъ, ибо прежней строго церковной письменности этотъ родъ литературы былъ совершенно чуждъ, новое заключалось и въ томъ, что онѣ впервые примыкали къ французскимъ образцамъ (Буало); въ противоположность латино-польскому направленію въ поэзіи онѣ пролагали дорогу французскому классицизму. Въ томъ же духѣ, какъ и Кантемиръ, дѣйство-

вали и его послѣдователи; они приспособляли французское содержаніе къ русскимъ отношеніямъ и считали себя національными, замѣняя французскія имена русскими; Кантемиръ, правда, шель дальше, затрагивалъ и отдѣльныхъ личностей, напр., обскуранта епископа Дашкова, злѣйшаго врага Прокоповича. А то сатиры ограничивались лишь общими мѣстами; ихъ отличительная черта—выходецъ противъ духовенства и уваженіе къ Прокоповичу; слогъ неуклюжій, расплывчатый, скорѣе грубый, остается безконечно далеко отъ образцовъ, стихъ однообразенъ и неровенъ. Кантемиръ въ своихъ одахъ, эпистолахъ, эпиграммахъ, басняхъ, переводахъ—прежде всего дидактикъ; одинъ изъ этихъ переводовъ Фонтенеловскаго произведенія «О множественности міровъ», благодаря положенной въ его основу коперниковской системѣ, много крови перепортилъ въ Россіи: царицѣ было доложено о книгѣ, какъ о богохульной, ибо она подчеркиваетъ самостоятельность природы; это сдѣлалъ Абрамовъ, раньше директоръ типографіи Петра, на склонѣ своихъ дней ставшій страшнымъ реакціонеромъ и доносчикомъ; впрочемъ, доносы больше всего вредили ему самому—въ Россіи прежде фактъ совершенно неслыханный.

Кантемиръ облакалъ новыя просвѣтительныя идеи въ старыя, неуклюжія формы, но писателемъ по призванію—пусть онъ занимался себѣ даже теоретическими вопросами о русскомъ стихосложеніи—онъ былъ такъ же мало, какъ и любой изъ предшественниковъ; писаніе стиховъ считалось забавою, недостойною положенія и возраста, какъ будто эти юношескія занятія отнимали время, предназначенное для болѣе важныхъ, необходимыхъ дѣлъ; онъ былъ и оставался диллетантомъ, въ которомъ замѣчательнѣйшимъ остается рѣшительное тяготѣніе къ французскому; онъ предвѣстникъ характернаго для русскаго общества направленія, которое выступало при дочери Петра уже изъ чисто политическихъ основаній, изъ ненависти и въ противовѣсъ Бирону и его Аннѣ, Остерману и Миниху.

Многостороннѣе и воспримчивѣе былъ неутомимо дѣятельный, ревностный къ ученію и чтенію губернаторъ Астрахани, Татищевъ; питомецъ школы Петра, онъ ревниво боролся противъ всякаго умаленія самодержавія, будь это въ пользу магнатовъ или духовенства, зато тѣмъ настойчивѣе выступалъ за необходимость и пользу образованія; такъ, въ особомъ «Разговорѣ о пользѣ наукъ», составленномъ въ 1733 г. и впервые опубликованномъ—въ 1887 г. Его работы оставались современникамъ совершенно неизвѣстными; обширнѣйшія касались русской исторіи; это собраніе мѣстныхъ хроникъ и иностранныхъ извѣстій, построенное на почвѣ весьма широкой начитанности, съ попытками критическаго отношенія, рѣзко выступающее противъ духовенства, въ интересахъ котораго было удерживать народъ въ его темнотѣ: отсюда авторъ и трудъ попали въ дурную славу, и послѣдній могъ быть напечатанъ только при Екатеринѣ. Духовный союзникъ и единомышленникъ Прокоповича, котораго онъ необыкновенно почиталъ, полнѣе всего выразилъ свои идеалы въ своемъ «Завѣщаніи къ сыну» (1734, напечатано въ 1773; безъ прибавленій тогдашняго издателя въ 1885), гдѣ онъ говоритъ вообще о воспитаніи, выборѣ должности, бракѣ и т. д.; онъ держится строго утилитарной морали, здоровье и деньги остаются предметами наиболѣе достойными стремленія; недовѣрчивая осторожность особенно рекомендуется, но рядомъ съ этимъ выступаетъ и требованіе неутомимой работы. Въ отношеніи къ крестьянамъ онъ разумный хозяинъ, который изъ хорошо понятыхъ собственныхъ интересовъ щадитъ рабочія силы своихъ людей; его заступничество за религіозные интересы, кажется, исходитъ изъ одинаковаго же расчета—религія для него, какъ для новгородскаго архіепископа, полицейское орудіе. Несмотря на эту узость, ясный, уже наполовину философски вышколенный умъ говорить въ его

сочиненіяхъ; какъ у Петра, беретъ перевѣсъ цѣлесобразное, напр., при распредѣленіи наукъ и искусствъ—«музыка» онъ переводитъ еще какъ «скоморошество» и ставитъ ее на одну ступень съ вольтижированіемъ и танцами; онъ знаетъ уже Бэйля и раздѣляетъ его скептицизмъ, черпаетъ изъ Хр. Вольфа и Вальха и хорошо освоены съ Бэкономъ, Декартомъ, Пуффендорфомъ. Мы узнаемъ черезъ него, что произведенія Маккиавели, Гоббеса, Локка, Боккаліани и др., правда въ рукописяхъ, существовали уже въ русскихъ переводахъ; онъ считаетъ ихъ «безполезными», они явно далеко заходятъ для рационалиста. Пониманіе изящной литературы у него, какъ и у Петра, совершенно отсутствовало.

Первымъ писателемъ и теоретикомъ по склонности и призванію, къ сожалѣнію безъ таланта и вкуса, былъ Тредьяковскій. Жажда знанія привела бѣднаго сына священника изъ далекой Астрахани въ Москву, и отсюда такъ могущественно притягивалъ его блескъ Парижа, что онъ среди величайшихъ лишеній, часто пѣшкомъ, выполнилъ путешествіе туда. Французы очаровали его, и онъ всю свою многотрудную жизнь работалъ надъ распространеніемъ, т.-е. пересаживаніемъ въ Россію французской литературы и ея кодекса, Буало, «очищалъ» языкъ, освобождалъ стихъ отъ пытокъ силлабизма и устраивалъ его сообразно звуковымъ требованіямъ языка, взявъ въ примѣръ народныя пѣсни; наконецъ, онъ занимался переводами и подражаніями, стремясь этимъ выразить по — русски всѣ категоріи изящной литературы, оды, трагедіи и т. д. Въ постоянной борьбѣ съ собственной нуждою и неизмѣримою грубостью времени осуществлялъ онъ эту программу. Счастье и музы упорно избѣгали его, но чего можно достигнуть простымъ, полнымъ самопожертвованія рвеніемъ, непрерывною систематическою работою, онъ показалъ своимъ, какъ разъ къ такой работѣ насколько не расположеннымъ, соотечественникамъ, какъ ни часто ему приходилось быть въ затрудненіи относительно выбора матеріала и формы, какъ ни мало былъ благодаренъ его трудъ.

Уже Кантемиръ пытался занять опредѣленное положеніе по вопросу объ языкѣ. Онъ различалъ народный языкъ, изъ котораго ему приходилось ради рѣшмы взять одно, другое слово отъ русскаго, словенскіе «формы» казались ему уже невозможными въ то время, какъ самъ незначительный его лексиконъ обращался къ этому источнику. Только Тредьяковскій поставилъ себя въ извѣстную противоположность къ «словенскому», церк.-славянскому, хотя онъ нѣкогда писалъ имъ, даже говорилъ, за что послѣ просилъ извиненія у всѣхъ, передъ которыми онъ когда-либо въ своей словенской глупости хотѣлъ показаться особеннымъ знатокомъ языка. Теперь уже рѣзко звучалъ для его слуха этотъ «словенскій», онъ находилъ его темнымъ и прежде всего неподходящимъ для трактованія о свѣтскихъ матеріяхъ; такъ, онъ намѣренно выбралъ «Voyage à l'île d'amour ou la clef de secrets» и перевелъ его въ 1730, — это сдѣлало его извѣстнымъ и доставило ему мѣсто переводчика, наконецъ профессора латинской и славянской элоквенціи при Академіи; онъ пользовался при этомъ самымъ обыкновеннымъ языкомъ, «какъ мы говоримъ между собою». Основная мысль какъ и всегда у Тредьяковскаго была правильная, недостатки являлись только при выполненіи: правильное теченіе рѣчи искажалось самыми неуклюжими сочетаніями; требованіемъ тоническаго стиха имъ впервые былъ открытъ свободный путь для болѣе одаренныхъ натуръ. Нѣкоторые изъ возбужденныхъ имъ вопросовъ, напр., относительно большого соответствія орфографіи фонетикѣ, не нашли заслуженной оцѣнки; конечно, самъ онъ былъ часто не въ состояніи извлечь отсюда необходимыя слѣдствія. Что онъ въ вѣкъ, когда на все народное смотрѣли презрительно свысока, осмѣлился за ритмомъ обратиться прямо къ народной поэзіи и съ нимъ

пойти противъ невыносимаго кievскаго шаблона, это должно быть поставлено ему въ весьма большую заслугу.

Съ равною преднамѣренностью и сознательностью выступилъ онъ какъ первый популяризаторъ эстетическихъ понятій. Своимъ собственнымъ попыткамъ «пиндарическихъ» одъ, «античныхъ» трагедій, псевдоклассическихъ эпопей онъ предпосылалъ необходимыя теоретическія разъясненія объ одахъ, трагедіяхъ, комедіяхъ, эпосѣ и впервые знакомилъ съ этимъ русскаго читателя, почерпая свою мудрость отъ французовъ; конечно, сами образцы, которые онъ творилъ, были совсѣмъ плохи, проклятье всего была его скучнѣйшая «Телемахидя», обработка въ гекзаметрахъ дидактическаго романа. Въ сущности, Тредьяковскій остается только переводчикомъ, который чаще не рѣшался вводить собственныхъ опытовъ, напр., для комедіи онъ удовольствовался переводомъ «Евнуховъ» въ стихахъ, понятно, съ выпускомъ всѣхъ непристойностей, ибо комедія вдвойнѣ требуетъ остроумія, нежели трагедія—передъ послѣдней онъ провинился «Дейдаміей»; признавая недостаточность своихъ силъ для оригинальнаго творчества, онъ возвышалъ до небесъ искусство переводчика. Интересно, что при своихъ нерѣшительныхъ попыткахъ оправдать, напр., выборъ хорея вмѣсто ямба, онъ могъ ссылаться даже на примѣръ южно-славянскаго литературы; при позднѣйшихъ—только чужіе переводы или предѣлки сопровождались такими свѣдѣніями. Къ упрекамъ въ несостоятельности и неспособности—даже въ прозѣ, которая полна была галлицизмами, полонизмами и славизмами, несмотря на то, что онъ былъ поставленъ «очищать русскій языкъ, сочиняя стихами и не въ стихахъ»,—присоединялись, къ сожалѣнію, не безосновательные упреки въ отсутствіи смысла; хвалебныя оды, которыя Тредьяковскій поставлялъ въ качествѣ официального панегириста, дѣлали его предметомъ злыхъ насмѣшекъ—пародіи писали на несчастнаго еще до конца столѣтія, напр. Николаевъ; такъ неправильно унизили его дѣйствительныя заслуги.

Къ его злѣйшимъ врагамъ принадлежалъ Сумароковъ, который отважился на то, о чемъ Тредьяковскій и думать не могъ, создать для каждаго поэтическаго жанра оригинальныя русскіе образцы, и, такимъ образомъ, однимъ разомъ поставить литературу на высоту, которую занимала французская,—другія не стоили вниманія. Комичнѣе всего въ этомъ предпріятіи было то, что самъ Сумароковъ былъ убѣжденъ, что эта цѣль достигнута имъ на всѣ времена. Только за романъ онъ не брался, ибо служащій руководствомъ эстетическіе кодексы Аристотеля, Горація, Буало не знали этихъ выродковъ искусства, и въ эпопеѣ тоже онъ не дѣлалъ опытовъ, зато представилъ въ собственной персонѣ русскаго Расина, Мольера, Буало, Лафонтена; если по справедливости придаютъ значеніе Тредьяковскому только какъ переводчику, то Сумароковъ первый беллетристъ; однако, мы можемъ пренебречь его баснями, сатирами и эпиграммами, его эклогами и эпистолами, элегіями и одами, ибо въ концѣ концовъ его наибольшую заслугой было, что онъ собственную жизнь посвятилъ русской сценѣ.

Эта сцена по смерти сестры Петра находилась въ полномъ небреженіи, хотя и Петръ во время своего втораго заграничнаго путешествія немного болѣе заинтересовался театромъ, выписалъ новую нѣмецкую труппу и въ духовныхъ школахъ (Москва) ставились мистеріи и драмы, дѣло казалось угасшимъ навсегда. Иначе пошло дѣло, когда для скучной и вѣчно скучающей Анны, потомъ для любительницы развлеченій Елизаветы были составлены придворныя труппы, понятны, иностранныя: нѣмецкія и итальянскія для Анны, итальянскія и французскія для Елизаветы; простая публика довольствовалась нѣмецкими маріонетками, которыя представляли грѣхопаденіе или Донъ-Жуана. Одинъ купеческій сынъ изъ Ярославля, Волковъ, видѣлъ подобныя представленія; живой интересъ къ искусству побудилъ его

къ подражаніямъ; со своимъ братомъ и другими, исполнявшими женскія роли, онъ началъ ставить въ Ярославлѣ нѣкоторыя старыя пьесы; онъ поправился. Однако, болѣе обширнаго репертуара не было; созданіе такого и составляетъ заслугу Сумарокова.

Понятіе въ литературныхъ занятіяхъ, знаніе французской литературы онъ вынесъ изъ только что (1732) основаннаго по берлинскому образцу, понятнаго дворянскаго, кадетскаго корпуса, который былъ снабженъ многостороннимъ, новымъ учебнымъ планомъ; питомцы декламировали оды передъ царицей и разыгрывали пьесы. Честолюбивый адъютантъ, подъ конецъ бригадиръ, бросился на драмы, началъ своимъ Гамлетомъ, про котораго онъ гордо утверждалъ, что въ немъ только конецъ третьяго акта принадлежалъ Шекспиру, и скоро сталъ выпускать трагедіи изъ русской исторіи и комедіи изъ русской жизни, двигая въ теченіе 20 лѣтъ не только какъ авторъ, но какъ директоръ и режиссеръ колесницу Феида. Когда ярославская любительская труппа представила предъ царицей его «Хорева», въ Петербургѣ рѣшили наконецъ (1756) построить русскій театръ, за которымъ скоро былъ учрежденъ второй въ Москвѣ. Этимъ для Сумарокова началась страдная пора, ибо для «партикулярныхъ» русскихъ сценъ отказывали въ средствахъ, которыя богато текли для иностранныхъ. Неприятности закончились увольненіемъ директора, который затѣмъ (1761) отправился въ Москву, гдѣ его не пощадили новыя разочарованія, даже со стороны публики; благоволеніе Екатерины временно смягчало его моральныя страданія и матеріальный недостатокъ, однако, конецъ его жизни остался горькимъ и печальнымъ. Когда онъ умеръ, лишенный средствъ, благодарные артисты взяли на себя расходы по его погребенію.

Они платили этимъ дѣйствительно долгъ, ибо онъ провелъ русскій театръ черезъ самыя трудныя начальныя пути. Рядомъ съ нимъ заслуживаетъ признанія талантливый трагикъ Дмитріевскій, сотрудникъ Волкова, котораго для дальнѣйшаго образованія отправляли къ Гаррику и въ Парижъ. Въ трагедіяхъ Сумарокова, отъ «Хорева» и «Трувора» до «Семиры» и «Дмитрія Самозванца» (1748—1771), даже имена лицъ не были русскими, ихъ историческая цѣна въ точности соответствовала исторической цѣнности «Колояндера и Леонильды» или «Дионей, принцессы Негропонта», извѣстныхъ романовъ того времени; но 18 столѣтіе не имѣло никакого пониманія исторіи и въ театрѣ менѣе всего заботилось о подлинности фактовъ. Искали возбужденія чувствъ и за это отвѣчали длинныя и страстныя тирады поэта.

Ихъ значенія нельзя ставить слишкомъ низко. Пусть тѣ романы и были нелѣпы, они все-таки своею сентиментальностью или учтивостью помогали взрыхлять жесткую кору традиціонной безнравственности «Домостроя»; тирады Сумарокова о чувствѣ чести, о любви къ родинѣ, о чувствѣ справедливости, преданной вѣрности, мужественности несравненно энергичнѣе потрясали оковы апатіи и равнодушія. Сказанныя съ огнемъ, онѣ обманывали зрителя, до слуха котораго впервые съ русской сцены доходило выраженіе человѣческихъ, даже героическихъ чувствъ и мыслей,—обманывали относительно пустоты односторонне представленныхъ характеровъ, условно-

О. Г. Волковъ.

сти и полной шаблонности дѣйствія, рѣшительнаго противорѣчія всякой исторической дѣйствительности. Театръ выполнять моральную задачу, очищать и возвышалъ; невыносимо звучащая фраза плѣнила наивнаго слушателя; для русскихъ Сумароковъ былъ дѣйствительно Корнелемъ, Расиномъ и Вольтеромъ.

Несравненно слабѣе было вліяніе его комедій, во-первыхъ, онъ довольствовался слишкомъ грубыми средствами, плоскими шутками, затѣмъ, здѣсь чувствительнѣе игнорировалась дѣйствительность, слишкомъ ясно видно было скрытое значеніе дѣйствій и положеній; наконецъ, ужь очень незначительны были объекты его драматическихъ, равно какъ и дидактическихъ сатиръ: мелкіе чиновники, писцы, «крапивное сѣмя» съ ихъ мошенничествомъ и подкупностью; модные дураки съ ихъ смѣсю французскаго съ нижегородскимъ; педантизмъ Триссотинія, т. е. Тредьяковского и пр. Здѣсь не было возвышенныхъ тирадъ, которыя заставляли бы не замѣчать бросающихся въ глаза недостатковъ. Лучшимъ достоинствомъ обладали его болѣе мелкія вещи, басни и т. п.; но напыщенная риторика его драмъ, ихъ фальшивый пафосъ, который ближайшему поколѣнію казался смѣшнымъ, возбуждающимъ къ пародіи, изысканность и неестественность слога, который вмѣсто того, чтобы потрясать, сталъ дѣйствовать комически, точное слѣдованіе псевдо-классическимъ оригиналамъ, тремъ единствамъ и пр., отсюда борьба противъ *comédie larmoyante*: всѣ эти болѣзни дѣтства не могли пощадить литературу, а ближайшіе преемники Сумарокова развѣ превзошли его въ чемъ-нибудь? Позднѣйшее уничиженіе было во всякомъ случаѣ менѣе справедливо, чѣмъ хвалебныя преувеличенія современниковъ. Сумароковъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первымъ поэтомъ, который имѣлъ чувство только для своего «риемованія», ставилъ его выше всего въ свѣтѣ, за что упрекалъ его Ломоносовъ. Противникъ и соперникъ Сумарокова, онъ былъ всѣмъ, чѣмъ угодно, только не поэтомъ, этотъ видный Малербъ и Пиндаръ русскихъ,—наклеиваніе подобныхъ ярлыковъ держалось еще долго въ модѣ.

Рядомъ съ Петромъ и Теофаномъ Прокоповичемъ третьимъ безспорно

Ломоносовъ.

героемъ ума въ этомъ столѣтіи долженъ быть названъ Михаилъ Ломоносовъ; четвертымъ былъ Радищевъ; конечно, всѣ ихъ подвиги лежали не въ области изящной литературы. Ломоносовъ впервые явилъ силу ума и науки передъ варварскимъ, рабскимъ и материалистическимъ обществомъ; не свободный отъ ошибокъ этого послѣдняго, бѣдный крестьянскій сынъ сумѣлъ, однако, доказать ему законность правъ знанія; онъ создавалъ науку съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Тредьяковский и Сумароковъ belle-тристику. Онъ былъ своего рода универсальнымъ гениемъ; металлургъ, геологъ, химикъ, электрикъ, астрономъ, экономистъ, статистикъ, географъ, историкъ, филологъ, эстетикъ, поэтъ; время специализаціи

для Руси еще не наступило; онъ представлялъ академію и университетъ, техническіе институты, химическія лабораторіи. Только пылающій патріотизмъ могъ

замутить его обычно острый взоръ, такъ что онъ могъ сдѣлаться несправедливымъ и узкимъ, что впрочемъ могло объясняться и извиняться тогдашними отношеніями. Ибо Ломоносовъ сознательно боролся противъ монополіи и привилегіи иностранцевъ, онъ опасался съ ихъ стороны умысленной, послѣдовательной порчи и ослабленія русскихъ и ихъ собственнаго ученаго поколѣнія; только то, что онъ хорошія цѣли преслѣдовалъ средствами не свободными отъ упрека, что онъ при своемъ необузданномъ темпераментѣ не зналъ удержа, что онъ предлагалъ своимъ противникамъ удобнѣйшее оружіе противъ самого себя,—это было его ошибкою. Пройдя курсъ ученія, какой только былъ возможенъ въ лишенной всякаго образованія Руси, среди лишеній, преодолѣть которыя была способна лишь первобытная сила русскаго крестьянина, вступилъ онъ въ школу нѣмецкой учености; ученикъ нѣмцевъ, вполнѣ усвоившій ихъ педантизмъ, могъ сдѣлаться ихъ ожесточеннѣйшимъ врагомъ; несмотря на это, весьма неуживчивый малый дѣлалъ величайшую честь своимъ учителямъ, Христіану Вольфу въ Марбургѣ, Гензелю въ Фрейбергѣ и др. Адъюнкта, потомъ профессора не оставили, однако, при его естественныхъ наукахъ; онъ долженъ былъ во время празднествъ выступать въ качествѣ официального оратора. Эти рѣчи, подобныя нашимъ рѣчамъ ректора, и статьи суть его самыя блестящія произведенія, не только стилистически, но и по мысли, напр., о положеніи знанія и вѣры въ странѣ, гдѣ коперниковская система могла быть введена только окольными путями; о явленіяхъ воздуха, гдѣ онъ выступалъ за право научнаго изслѣдованія; о пользѣ химіи, гдѣ онъ заставлялъ науку возвести роскошный дворецъ человѣческаго благополучія; о происхожденіи свѣта, гдѣ онъ изслѣдованіе природы представлялъ священнымъ долгомъ каждаго и т. д. Официальный ораторъ обязанъ былъ сдѣлаться панегиристомъ и принужденъ былъ составлять оды къ празднествамъ троннымъ и другимъ; онъ уже сразу сумѣлъ сдѣлать себѣ имя какъ одописецъ, переводчикъ и подражатель. Мы, впрочемъ, охотно пропускаемъ эти оды, ибо и лучшія изъ нихъ, т. е. тѣ, въ которыхъ прославляется не Елизавета, Петръ III и Екатерина II, но всемогущество Бога и чудеса природы, сѣверное сіяніе и др., даютъ намъ впечатлѣніе выдержки изъ тѣхъ рѣчей и статей. Правда, и здѣсь мѣстами проявляется большой талантъ; превосходныя мысли, величественныя картины далеко возвышаются надъ риторическимъ Тредьяковскаго, Сумарокова—послѣдній не даромъ предоставлялъ предусмотрительно своему сопернику пиндаризированіе, а самъ писалъ только «шутовскія оды», т. е. пародіи. Особенно поражало словесное выраженіе.

Изъ писателей 18 ст. ни одинъ не думалъ столько надъ языкомъ и ни одинъ не оказывалъ такого значительнаго, не всегда цѣлительнаго, вліянія на него, какъ Ломоносовъ. Большой вопросъ о языкѣ долженъ былъ тянуться до XIX в.; его разрѣшилъ только Карамзинъ, однако, не предписаніями, грамматиками, стилистическими указаніями, но блестящимъ, живымъ примѣромъ; этого не зналъ Ломоносовъ; онъ оставался того убѣжденія, что доктринизмомъ и писаніемъ рецептовъ можно безъ дальнихъ хлопотъ устранить болѣзнь. А она вступила въ острую стадію. «Славянскій» церковный языкъ съ его греческою разстановкою словъ и конструкціей, съ греческими членами; языкъ общества и канцелярій съ пропастью иностранныхъ терминовъ, которые Петръ совершенно произвольно пускалъ въ общественное обращеніе; ихъ слѣды остались еще и теперь, напр., на вывѣскѣ парикмахера и др., и появляются все новые, отъ вокзала до бутерброда; наконецъ, языкъ народа, который одинъ и былъ настоящимъ русскимъ,—формально исключали другъ-друга. Тредьяковскій и Сумароковъ были на лучшей дорогѣ, впрочемъ, и они изъ-за ритмы или ритма постоянно уклонялись къ противнымъ «славянизмамъ», употребляя, напр., мя вмѣсто

меня, изъ простаго удобства. Ломоносовъ напротивъ отвелъ русскій письменный языкъ въ сторону; онъ смѣшалъ почтеніе передъ Свящ. Писаніемъ съ уваженіемъ къ вовсе не священному церковному языку, славяно-греческому ублюдку; вмѣсто того, чтобы настойчиво отсовѣтывать начинающему писателю читать церковную литературу изъ-за ея языка, который по собственному признанію Ломоносова былъ часто непонятенъ, онъ побуждалъ его и портилъ только «штиль». Онъ ввелъ старинный педантизмъ тройного «штиля», высокаго для эпоса, оды, торжественной рѣчи; средняго для драмы, эпистолы, эклоги, элегии, описанія достопримѣчательныхъ вещей; низкаго для комедіи, пѣсни, эпитаграммы и простыхъ описаній: различная примѣсь славянизмовъ и руссизмовъ, какъ кофейные бобы или табачные листья различныхъ сортовъ, обусловливала степень «штиля». И были люди, которые вѣрили этому и подражали. Къ счастью языкъ Ломоносова несравненно лучше, чѣмъ его теорія; несмотря на множество славянизмовъ, онъ остается изысканнымъ и все-таки сильнымъ, патетическимъ, мѣстами весьма выразительнымъ, чистымъ и гладкимъ, не впадая въ банальность и тривіальность. Какъ онъ освоенъ былъ съ сущностью и жизнью языка доказывала его «грамматика Русская» (1755), которая пользовалась въ теченіе полустолѣтія безусловнымъ авторитетомъ; правда, и здѣсь при составленіи нѣкоторыхъ правилъ дѣло не обходилось безъ педантизма, таковымъ страдаетъ еще и понынѣ русская орфографія, но въ цѣломъ эта грамматика могла быть поставлена на ряду съ лучшими современными европейскими.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, его заслуга состоитъ въ пробужденіи независимаго научнаго духа (его правиломъ, котораго онъ не формулировалъ, было: знаніе—сила), въ выступленіи за право изслѣдованія, въ неутомимой борьбѣ противъ «враговъ русскаго просвѣщенія», въ заботахъ о школахъ; впрочемъ, ему не удастся основать въ Петербургѣ независимо отъ Академіи и университета, но онъ содѣйствовалъ основанію перваго и до сихъ поръ значительнѣйшаго русскаго университета въ Москвѣ, который долженъ былъ привлечь иностранныхъ ученыхъ, но скоро онъ привлекъ и дѣльныхъ русскихъ, пусть среди нихъ не было «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ», которыхъ Ломоносовъ предсказывалъ съ величайшею опредѣленностью. Такъ двигалъ онъ впередъ дѣло Петра Великаго, и какъ его послѣдній горячій защитникъ, онъ не уставалъ всюду вставлять хвалу въ честь того, кто «варварствомъ уничиженную Россію съ собой возвысилъ до небесъ».

Съ несравненно большимъ правомъ, чѣмъ много воображавшій о себѣ Сумароковъ, которому нѣсколько льстивыхъ фразъ иностранцевъ окончательно вскружили голову, могъ утверждать про себя Ломоносовъ, что онъ «своими одами, рѣчами, химіей, физикой и исторіей сдѣлалъ отечеству честь»; эта гордость съ выгодной стороны рисуетъ его; онъ не позволилъ бы и Богу считать себя дуракомъ, не говоря ужъ о влѣстителяхъ сего міра,—рѣшительно заявилъ Ломоносовъ своему меценату. Эта гордость человѣка, невысказанная въ Россіи, основывалась не на рожденіи и рангѣ, но на убѣжденіи въ собственномъ достоинствѣ, и покидала его только въ его одахъ. За это, однако, должно считать отвѣтственнымъ время, которое вообще не могло серьезно поднять поэзіи, для котораго она была только украшеніемъ и средствомъ времяпрепровожденія, «фруктами и десертомъ при вкусномъ обѣдѣ»; поэзія, заказанная по командѣ сегодня для Петра III и завтра этимъ же перомъ написанная для узурпаторши его трона. Эти холодныя, пиленныя, напряженно-высокопарныя оды, которыя собою вызывали пародіи, какъ напр. на его оду изъ Іова: «О ты, что въ горести напрасно на службу рощешь офицеръ» и т. д., — свирѣствовали въ

литературѣ въ теченіе полустолѣтія. Было, конечно, легче перенять слабости человѣка, чѣмъ его мысли и знаніе. Остальныя поэтическія произведенія Ломоносова, трагедіи, эпопея о великомъ царѣ и т. п. не внушали уваженія даже современникамъ; для своихъ лучшихъ вещей, пасквилей и эпиграммъ онъ долженъ былъ, не всегда съ успѣхомъ, прибѣгать къ анонимности.

Такъ всходилъ лишь медленно посѣвъ, для котораго Петръ подготовилъ почву. Онъ могъ вышколить по-европейски войско и создать изъ ничего флотъ, съ ними выигрывать битвы при Полтавѣ и Аландскихъ островахъ; лѣтописи духа и литературы вплоть до глубины столѣтія не могли указать ничего даже приблизительно подобнаго. Но и здѣсь косное проклятіе азіатской неподвижности было сломлено; изъ темноты духовной ночи Русь все быстрѣе подвигалась къ свѣту дня.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Екатерина II и ея время.

*Личность царственной дилетантки, ея комедіи. Два направленія въ литературѣ, французское съ ея *raison* (Визинъ, сатира и басня); нѣмецкое «мистическое» и сентиментальное—массоны; Новиковъ; Радищевъ; Карамзинъ. Рязкій поворотъ; преследованіе всякой либеральной мысли.*

Вступленіе Россіи въ жизнь Европы, ея политическіе и военные успѣхи возбудили новый патріотизмъ; стали гордиться именемъ русскаго, хотя еще далеко были отъ позднѣйшихъ притязаній на всемірное господство. Теперь національное честолюбіе побуждало сравниваться съ этой Европой и въ духовной, литературной области, обладать русскими Расиномъ, Мольеромъ, Пиндаромъ и т. д.; завидовали Западу, его Памелѣ, Элоизѣ и т. д., и создавали «русскую Памелу, или исторію добродѣтельной крестьянки Маріи», романъ 1789 г., и мотивировали этотъ и подобные опыты желаніемъ «показать чужимъ государствомъ, что и мы обладаемъ добродѣтельными героями, достойными чести и удивленія, и если таковы въ Англіи, Франціи и т. д. столь превозносятся, то это потому, что тамъ они гораздо рѣже, чѣмъ въ неиспорченной Руси». Изъ того же патріотизма описалъ (1775) Комаровъ даже жизнь перваго шута и московскаго разбойника, Ваньки Каина, имѣя въ виду представить доказательство, что русскій могъ бы заткнуть за поясъ и французскихъ Картушей. Можно находить этотъ патріотизмъ очень наивнымъ, можно смѣяться, что люди вмѣсто дѣла могли довольствоваться простымъ видомъ, именемъ; важно было, что вообще ставили себѣ столь высокія цѣли. Чтобы достигнуть ихъ,—въ Россіи каждая, стало быть, и литературная революція идетъ сверху, по приказу,—покровительство русской музы было довѣрено трону и сама литература была включена въ программу правительства.

Любимая дочь великаго царя, на которую все въ Россіи, вплоть до иностранцевъ, понятно, возлагали самыя широкія надежды, совершенно не оправдала ихъ; превзойти все ожиданія досталось на долю нѣмецкой принцессы, которая по своему воспитанію, какъ Фридрихъ II, была настоящею француженкою. Желаніе Платона было выполнено; просвѣщенный философъ вступилъ на сѣверный тронъ, да не только философъ, а и литераторъ прежде всего, который не могъ видѣть ни одного чистаго листка бумаги, чтобы не написать на немъ чего-нибудь, которому литературное творчество доставляло помимо умственнаго удовлетворенія и физическое облегченіе. Изъ своей служебной роль литератора должна была теперь впервые быть освобожденной навсегда, призванная содѣйствовать дѣлу моральнаго и духовнаго возрожденія. И все-таки, какъ ни многообѣщающе складывались сначала обстоя-

тельства, за этимъ хмелемъ послѣдовало скорое отрезвленіе, наконецъ, парвильное похмелье; у колыбели правленія стояли Вольтеръ, «Учитель», и Монтескье, Дидро и Беккария, но пріятный и невинный философскій флиртъ вылился въ кровавую собаку, Шешковского, который свои допросы «политическихъ» виновниковъ, какого бы званія они ни были, регулярно открывалъ ударомъ по подбородку, такъ чтобы зубы трещали. Идеи, которыя въ 1768 г. защищала сама императрица, въ 1792 г. стояли головы безумцу, который еще осмѣливался бы выступать за нихъ.

Екатерина II и Ломоносовъ. (Съ картины П. Федорова).

Тщеславная и упрямая, какъ женщина, недоувѣрчивая и подозрительная, какъ человекъ, путемъ мятежа добившійся власти и не чувствующій подъ собою твердой почвы, ревнивая къ собственной власти, какъ настоящая самодержица, Екатерина должна была колебаться и быть неуувѣренною въ своихъ освободительныхъ планахъ, предпочитать добиваться вышнихъ успѣховъ на счетъ внутреннихъ, предпринимать неопасную, зато тѣмъ болѣе громкую борьбу съ «наслѣдственными врагами», турками и шведами; таврическія декорации, которыя Потемкинъ приказалъ возвести для крымскаго путешествія, были характерными для всего ея правленія. У ней все

комедія: ея религія, національность, философія, гуманность; подлиннымъ были только неограниченная страсть къ власти, тщеславіе и диллетантизмъ. Она—полная противоположность Петру; этому важно было дѣло, ей одна видимость. Отсюда блестящая виѣшняя политика, дѣйствительныя государственныя пріобрѣтенія, которыми она, какъ ловкій дипломатъ, отлично умѣла пользоваться; отсюда послѣдовательная энергія, съ которою она преслѣдовала цѣли, лежавшія впрочемъ въ традиціонномъ направленіи русской расширительной политики. Зато дома крушеніе финансовъ, бѣдствія народа, гибнущаго отъ голода и язвы, рабство милліоновъ, которые до сихъ поръ не испытывали еще благодѣяній кабалы.

Ловкая, остроумная, часто язвительная переписка съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II, съ Гриммомъ и философами; блестящія предложенія и расточительная щедрость по отношенію къ Дидро и другимъ французамъ; забота о томъ, чтобы ни одно неблагопріятное сужденіе о Россіи за границей не оставалось безъ опроверженія; ослѣпительный виѣшний блескъ—такъ, позолота дворцовыхъ башенъ стоила милліоны... Петръ собственноручно отколотилъ бы дубиной того, кто преподнесъ бы только ему подобный проектъ, Екатерина выполняла его безъ всякихъ колебаній; громкозвучныя фразы, вдвойнѣ дѣйствительныя, ибо исходятъ изъ устъ неограниченнаго повелителя, который имѣетъ силу осуществить ихъ, и при малѣйшемъ препятствіи спокойно отказывается отъ нихъ: все свидѣтельствуетъ о дѣятельности гениально одаренной и опьяненной властью, въ сущности холодной, трезвой, осторожно-смѣлой правительницы и несравненной искусницы въ жизни. Для приданія блеска своему правленію она нуждалась и въ собственной литературѣ; дорого оплаченныя хвалы энциклопедистовъ, грубая лесть на смѣшника изъ Сансуси, пышные титулы отечественнаго низкопоклонничества не могли удовлетворить её; величіе и меценатство соединялись въ одномъ лицѣ. Отсюда необыкновенное, тепличное взращиваніе литературы, даже науки вообще, рядомъ съ которыми вовсе не шло почтеніе передъ истиной, уваженіе къ свободному мнѣнію, забота о невзрачномъ, но необходимомъ, именно объ элементарномъ образованіи. Лежащее такъ низко, т. е. попросту отсутствующее народное образованіе (другое, впрочемъ, крѣпостнымъ и не было бы доступно!), при Екатеринѣ не было поставлено на новыя основанія; конечно, дѣлались опыты учрежденія высшихъ спеціальныхъ заведеній, напр., Смольнаго института благородныхъ дѣвицъ и др., но въ остальномъ все осталось попрежнему: напр., единственный въ обширномъ государствѣ московскій университетъ; полное отсутствіе среднихъ школъ; нужда въ домашнемъ обученіи при силахъ совѣсьмъ неудовлетворительныхъ: финнъ преподаетъ финскій языкъ вмѣсто французскаго; прогнанный кучеръ и др. дѣлаются «гувернерами» благороднаго юношества. И все же, несмотря на всѣ недостатки, какая колоссальная противоположность предшественницѣ, жаждущей только модъ и удовольствій, одалискѣ-идіоткѣ на тронѣ! Какая жизнь духа, которая была присуща этой надѣленной удивительной силой энергіи, неутомимо дѣятельной, по виѣшности крайне умѣренной, жизнерадостно-веселой императрицѣ-мыслительницѣ, филантропикѣ и писательницѣ! Ибо, несмотря на печальный конецъ ея правленія, несмотря на выдвиганіе виѣшней, пышной стороны за счетъ необходимыхъ задачъ, несмотря на всѣ разочарованія и дурные опыты, все же правленіе Екатерины создало много прочнаго, блестящаго.

«Сѣверная Семирамида»—дѣйствительно, она поступила съ Петромъ III, какъ по сказанію Семирамида съ Ниномъ—была высокообразованный умъ, ясная голова, многосторонне образованная, сильный характеръ, непреклонная воля, далеко возвышающаяся надъ всѣми окружающими. Какъ Петръ В., какъ его Прокоповичъ была и она единственною не только въ Россіи

и въ 18 столѣтіи! Отъ Петра отличалась «мать отечества» тѣмъ, что государственные акты она не только совершала, но и писала. Эта совершенно особенная дѣятельность императрицы составляетъ самое привлекательное приобрѣтеніе русской литературной исторіи 18 в., не въ томъ смыслѣ, будто императрица была такимъ же гениальнымъ писателемъ, какъ дипломатомъ, хотя въ дарованіи у ней не было недостатка, но по той роли, которую «просвѣщенный деспотъ» выказывалъ по отношенію къ литературѣ, по тѣмъ задачамъ, которыя онъ на нее возлагалъ, по значенію этой литературы для жизни. Литература имѣетъ, вообще, только небольшое вліяніе на жизнь; всѣ соціальныя романы 18 столѣтія, напр., сказаны на вѣтеръ. Напротивъ, когда Екатерина въ своихъ комедіяхъ предостерегаетъ, грозитъ или дѣлаетъ намѣки, то знай, что она говорила не попусту, что эти слова сейчасъ же переходили въ весьма чувствительныя мѣропріятія; ея комедіи противъ масоновъ не просто комическія нападки просвѣтителя à la Nicolai въ Берлинѣ, но онѣ глухой шумъ грозы, которая потомъ разразится надъ головою несчастнаго, онѣ предвѣщаютъ грядущихъ слѣдovателей; за простыми словами стоитъ реальная, неограниченная сила. Сочиненія Екатерины, постоянно занимающіяся Русью, уже этимъ самымъ претендуютъ на большій интересъ, чѣмъ, напр., произведенія Фридриха II, которыя выдвигаютъ чужестранныя и космополитическія мотивы. Само собою понятно, эта литература исходитъ изъ убѣжденія 18 в., какъ могуче вліяніе отдѣльныхъ временъ и народовъ и какъ можно въ кратчайшій срокъ, при извѣстной энергіи, провести рѣшительныя измѣненія. И все-таки Императрица, для которой всякій педантизмъ былъ ужасомъ, относилась даже къ своей литературѣ не особенно серьезно.

Преходящимъ былъ только первый, почти юношескій энтузіазмъ, который говоритъ намъ изъ перевода Мармонтелевской «Белизакры» и собственноручнаго сочиненія «Инструкціи» или «Наказа» для комиссіи, созданной къ обсужденію новой законодательной книги, Уложенія, по старому термину царя Алексея. Это было божественнымъ зрѣлищемъ: «сѣверные медвѣди» воодушевляются книгой, которая говоритъ о терпимости, объ обязанностяхъ правителя, о презрѣніи къ абсолютизму, о хозяйничаніи кляки, о свободѣ совѣсти и мысли; они раздѣляютъ между собою главы «романа», императрицѣ досталось 9-я, о правителяхъ, и посвящаютъ просвѣщенному епископу Твери, Гавриилу, книгу, которую осудила Сорбонна и противъ которой архіепископъ парижскій направилъ пастырское посланіе! И инструкція, большею частью написанная по-французски, была заимствованіемъ, ибо почти двѣ трети ея 526-ти параграфовъ принадлежатъ Монтескье и Беккариа; это не была официальная программа, которой слѣдовало руководствоваться, она давала разъясненія только касательно основныхъ пунктовъ, и эти основныя положенія оказались настолько либеральными, что императрица стала опасаться, какъ бы они не впутали ея въ борьбу, которая узурпаторшѣ трона могла быть опасной. Что можно было подѣлать съ гуманными воззрѣніями тамъ, гдѣ сословія въ своемъ эгоизмѣ говорили не о какомъ-либо, напр., уничтоженіи, но о расширеніи крѣпостнаго права. Все дѣло потонуло въ песокъ, осталась только инструкція, столь гуманная и либеральная, что императрица приказала конфисковать собственное произведеніе,—оно было изъято изъ свободнаго обращенія, дабы не причинило несчастія, не смущало умовъ.

Отъ этихъ высоколетающихъ плановъ императрица спустилась теперь на несравненно болѣе низкую ступень. Послѣ того, какъ только что нація чрезъ призванныхъ представителей всѣхъ сословій была приглашена къ рѣшенію соціально-политической, юридической и административной реформы, теперь всѣ эти вопросы навсегда изымаются изъ области общественнаго

обсужденія; просвѣщенный деспотъ сохраняетъ за собой исключительное право собственнаго усмотрѣнія, освобождаетъ общество отъ труда мыслить и переходить къ моральнымъ проповѣдямъ; Екатерина дѣлается сотрудницею морально-сатирическихъ еженедѣльныхъ изданій и выступаетъ среди писателей комедій.

Она не первая создала эту литературу; уже историкъ Мюллеръ по порученію Академіи и Сумароковъ по собственному почину, затѣмъ другіе издавали съ 1755—1763 ежемѣсячные и еженедѣльные журналы по образцу англійскихъ и нѣмецкихъ, Аддисона и др. Послѣ опытовъ съ «Наказомъ» и «лопаньемъ мыльнаго пузыря» началась моральная проповѣдь: секретарь императрицы, Козицкій, сталъ издавать съ 1769 г. еженедѣльную «Всякую всячину», гдѣ принимала участіе и императрица, и вызвала рядъ подобныхъ, зачастую совсѣмъ кратковременныхъ еженедѣльныхъ изданій, которыя тянулись до 1774 г.; самыми лучшими были Новиковскіе «Трутень» и «Живописецъ». Темы этихъ сатириковъ были общечеловѣчскія, только локализованныя на русской почвѣ; борьба съ невѣжествомъ, расточительностью, бездѣльемъ, тщеславіемъ и т. д., все-само собою понятныя вещи, общія мѣста, часто только просто переведенныя съ англійскаго. Было немного спеціально-русскихъ произведеній, напр., «Десять наказовъ русскому чиновнику» во «Всячинѣ», среди нихъ встрѣчались также со-вѣты: Ты долженъ ежедневно причесываться, или рассказы о русскомъ поросенкѣ, который изъ заграничнаго путешествія вернулся настоящей свиньей, или о прибытіи корабля въ Кронштадтъ изъ Бордо съ 24 кавалерами съ выжженными лиліями, которые бѣжали изъ Бастиліи и теперь были приглашены въ воспитатели дѣтей и т. п. Скоро, однако, выяснилось, что просвѣщенному деспотизму не помогали даже эти «моральныя гардинныя проповѣди», ибо въ противность беззубымъ сатирамъ «Всячины», «бабушки» этой литературной фамилии, внуки позволяли себѣ несравненно болѣе свободы, скоро начали затрагивать даже «основныя столпы» общества; «Живописецъ», напр., сообщалъ отрывки одного описанія путешествія, въ которомъ сердцераздирающія жалобы говорили о недостойномъ чело-вѣка положеніи крестьянъ, о злодѣянιάхъ ихъ тиранновъ. Но и помимо того Екатерина находила, что краски слишкомъ сгушались; гдѣ она во «Всячинѣ» напоминала только о слабостяхъ людей и приглашала къ снисхожденію, другіе говорили о преступленіяхъ и порокахъ, которые должны быть вырваны съ корнемъ, и обвиняли «Всячину», что она на старость лишилась разума. Такъ рушились и эти иллюзіи, еженедѣльные изданія окончательно прекратились въ 1774 г.; позднѣйшія попытки возрожденія не привели ни къ чему дѣйствительному. Эти разочарованія миновали комедіи царственной писательницы. «Театръ» Екатерины принималъ порядочное число русскихъ комедій въ прозѣ, французскихъ «пословицъ», русскихъ драматическихъ хроникъ и оперъ; новѣйшее изданіе Пыпина, въ 5 томахъ, 1901—1903 г., содержитъ также 11 прежде неизвѣстныхъ пьесъ, но недостааетъ еще нѣсколькихъ, заглавія которыхъ сохранились. Пьесы составляютъ не въ равной степени ея собственность: для нея было невозможно писать стихи; отсюда либретто оперъ и т. д. относятся къ слѣдующему за Козицкимъ секретарю, Храповицкому; кромѣ того, чистовые экземпляры, которые она приказывала готовить Елагину, Храповицкому и др., разнятся весьма значительно отъ ихъ автографовъ. Екатерина какъ въ выговорѣ, который всегда изобличалъ иностранку, такъ и въ владѣніи русскимъ письмомъ ушла не слишкомъ далеко; ей постоянно приходилось бороться съ орфографіей, формами, съ «дѣйствіями» глагола, а также и съ синтаксисомъ, и въ этомъ она винила свое безсистемное начальное воспитаніе; эти переписчики не только исправляли ея ошибки, но и, вообще, из-

мѣняли стиль по собственному усмотрѣнію. Екатерина, однако, не особенно серьезно относилась къ этимъ своимъ занятіямъ; она всегда сознавала, что она не выйдетъ изъ предѣловъ посредственности, но справедливо придавала себѣ значеніе въ томъ смыслѣ, что пока не было лучшихъ вещей, ея работа не была излишнею. Ее самое развлекало это писательство; пьесы часто набрасывались въ нѣсколько дней, всегда почти совершенно отсутствовала интрига; къ такому же творчеству привлекала она и княгиню Дашкову, Мамонову и др.; анекдоты, событія въ придворномъ обществѣ, его типы возбуждали ея творческую силу, и публика тотчасъ же терялась въ догадкахъ, кто собственно могъ бы разумѣться тутъ. Пьесы разыгрывались въ придворномъ театрѣ, именно въ театрѣ «Эрмитажъ», и потомъ находили дорогу къ публичнымъ сценамъ Петербурга и Москвы. 1772 годъ былъ наиболѣе плодотворнымъ; послѣ короткихъ перерывовъ императрица снова возвращалась къ этой охотѣ; въ 1787 году, напр., она составила комическую оперу «Горе-богатырь Косоветовичъ», «Несчастный герой, сынъ кораблестроителя», направленную противъ Густава III, Шведскаго, рѣзко насмѣхающуюся надъ его хвастливымъ выступленіемъ и позорнымъ возвращеніемъ; пьесы, написанныя на княгиню Дашкову, до сихъ поръ еще не найдены. Въ обществѣ пьесы пользовались переменнымъ успѣхомъ; что, напр., въ 1772 г. очень нравилось, въ 1792 г. къ тому относились уже совершенно холодно. Самымъ продолжительнымъ успѣхомъ пользовались направленные противъ Каліостро, «Калифальжерстонъ», и противъ масоновъ, «Мартышки», «Обманщикъ» 1785 г. въ 1786 г. переведенный на нѣмецкій, встрѣтившій въ Гамбургѣ всеобщее одобреніе; «Обольщенный» 1785 г. (1786 переведенный «Der Uerblendete»); «Сибирскій шаманъ» 1786, переведенный въ сборникъ «Три комедіи противъ мечтательности и суевѣрія»; съ предисловіемъ Николаи (1788).

Полемика императрицы и противъ Каліостро, и противъ 140 ступеней масоновъ касается только внѣшняго; сами комедіи сдѣланы по старому французскому шаблону: влюбленные, которые должны быть разлучены, хитрая горничная и т. п.; никакихъ характеровъ, простые типы, ханжи и т. п., при чемъ уже имена служатъ этикетами, такъ что нечего бываетъ отгадывать; эти каррикатуры веселятъ, острофы нравятся, комичное въ положеніяхъ еще ново—стоитъ только сравнить непосредственно предшествовавшія, неуклюжія вещи Сумаракова, чтобы оцѣнить прогрессъ, преимуществъ этого театра. Императрица старается соблюсти мѣстный колоритъ, и это удается ей лучше, нежели проведеніе самого дѣйствія; слабѣе всего положительные характеры, добродѣтельные и правдивые люди всякаго рода, резонеры пьесъ. Императрица въ своихъ подраженіяхъ переходитъ отъ французовъ къ Шекспиру—«Тимонъ», «Виндзорскія проказницы»,—къ Шеридану и Кальдерону, при чемъ, понятно, соблюдаются тогдашнія правила о заимствованіяхъ: Фальстафъ дѣлается Чолкадовымъ, Виндзоръ—Петербургомъ и т. д.; такъ творились «русскія» комедіи.

Кто приступаетъ къ этимъ пьесамъ съ ожиданіями, возбужденными блестящимъ, остроумнымъ стилемъ въ письмахъ, напр., къ Вольтеру, тотъ будетъ разочарованъ: для своихъ русскихъ императрицъ были достаточны домашнія средства. Вообще, съ границей обращались иначе: она много говорила о своихъ пьесахъ Вольтеру, Гримму и др., въ Россіи никто—кромѣ придворныхъ круговъ—не зналъ хорошенько автора; по крайней мѣрѣ въ обществѣ объ этомъ никогда не говорили. Направленіе пьесъ было совершенно въ духѣ того времени, главнымъ образомъ, поучительное: *ridendo castigat mores!* красовалось на занавѣсѣ театра Эрмитажа.

Интереснѣйшія изъ этихъ комедій тѣ, которыя направлены противъ масонства. Въ первыхъ еще дѣйствуютъ чужеземный мошенникъ, русское

легковѣріе; другія занимаются отечественнымъ; онѣ осмѣиваютъ большую частью внѣшнее, шарлатанство пріемовъ, непонятный языкъ, забаву взрослыхъ дѣтей, но указываютъ также и на моральную опасность, которая грозитъ отвратить людей отъ общества и возмѣщаютъ: удаленіе въ деревню для однихъ, мѣропріятія противъ другихъ; ибо Екатерина видитъ только обманутыхъ и обманщиковъ, даже филантропія масоновъ ей подозрительна, разъ они не преслѣдовали никакихъ побочныхъ дѣлей, напр., обогащенія на счетъ легковѣрныхъ простаковъ, зачѣмъ же ведутъ дѣла такъ таинственно? Она представляетъ среди маговъ хитрыхъ плутовъ, воровъ; намѣренно не признаетъ нравственныхъ основъ, обновленія людей. Она объявляетъ простое любопытство, моду единственными побудительными причинами для вступленія въ масонство, если это не разсчитано на выгоду и обранъ.

Послѣ 1780 г. императрица получила первый толчокъ къ литературной дѣятельности: забота о воспитаніи ея любимаго внука заставила ее изучать не только философію и педагогикъ, Базедова, Локка и др., но и сочинять инструкціи для воспитанія, учебники, поучительныя сказки и т. п. Съ другой стороны Академіи по образцу французской должно было позаботиться и въ Петербургѣ о русскомъ языкѣ. Екатерина обратилась къ научному занятію языкомъ и исторіей; ея поощренію обязаны мы многоязычнымъ словаремъ «Митридатомъ» Аделунга, русскимъ академическимъ словаремъ. Свои собственныя занятія по древней русской исторіи, доходящія до монгольскаго нашествія, она изложила въ особомъ шеститомномъ сборникѣ. Сотрудничество съ президентшей Академіи, княгиней Дашковой, по-

Юноша Фонвизинъ встрѣчается съ Ломоносовымъ у П. И. Шувалова.

будило ее въ 1783 г. выпускать новый журналъ, въ которомъ она сама принимала несравненно большее участіе, чѣмъ во «Всячинѣ» 1769 г.; здѣсь она печатала свои историческіе мемуары и собраніе забавныхъ повѣстей, случайныхъ мыслей, изображеній характеровъ, моральныхъ разъясненій и т. п. («Были и небылицы»). Рвеніе императрицы скоро, однако, охладилось; она сдѣлалась старѣе и раздражительнѣе и теперь на многое обижалась. Тагъ, относительно дѣйствительно нѣсколько колкихъ вопросовъ, которые Фонвизинъ

направилъ въ редакцію съ заявленіемъ, что онъ будетъ присылать ихъ и дальше въ случаѣ пріема, императрица отвѣтила сама на эти вопросы, но о продолженіи Фонвизинъ никоимъ образомъ не могъ уже думать. Онъ спрашивалъ, напр.: «Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?» Императрица отвѣчала: «Предки наши не все грамотѣ умѣли; сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы и имѣли, то начали бы на нынѣшняго одного (дурака) десять прежде бывшихъ». Вопросъ: почему мы не стыдимся ничего не дѣлать? казался императрицѣ неяснымъ; почему въ періодъ законодательства никто не думаетъ о томъ, чтобы самому отличиться въ работѣ?—такъ какъ это было дѣломъ не каждаго; въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?—въ быстромъ и остромъ соображеніи, въ образцовомъ повиненіи, корнѣ всехъ добродѣтелей, которыя Богъ далъ (?) людямъ.

Результатомъ занятій императрицы русской исторіей были драматическія хроники о Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ (неокончена), написанныя «безъ соблюденія драматическихъ правилъ» по шекспировскому образцу; это вовсе

Д. Н. Фонвизинъ.

не историческія драмы, но просто сцены со славянскими и греческими пѣснями и танцами, съ массовыми выступленіями и—политическими намеками: такъ, въ «Олегѣ»: русскіе въ Константинополь, какъ побѣдители, прямой коментарій къ турецкимъ войнамъ и гордымъ греческимъ планамъ императрицы, съ патріотическими шарадами. Другія, для историковъ болѣе интересныя сочиненія императрицы, ея «Мемуары» на французскомъ языкѣ, частью опубликованныя Герценомъ; апологетическія статьи противъ «Сибирскаго путешествія» Шаппэ, «Anti-dote ou examen» и др.; памфлеты противъ масоновъ «Тайна общества противунелѣпаго» и пр., не входятъ въ

предметъ нашего разсмотрѣнія.

Сатирическое вмѣсто героическаго, котораго императрица, быть можетъ, ожидала, какъ достойнаго торжественія ея успѣховъ, оставалось наиболее характерною чертою времени. Величайшею литературною цѣнностью обладаютъ двѣ комедіи Визина (Фонвизина): «Бригадиръ» и «Недоросль». Сатирики имѣютъ обыкновеніе—и это относится какъ разъ и къ русскимъ сатирамъ Новикова и др.,—намѣренно пренебрегая дѣйствительными отношеніями, переносить золотой вѣкъ въ прошлое, говорить о превосходныхъ нравахъ и преимуществахъ отцовъ; все это въ бессмысленномъ подражаніи античной сатиры, которой приходилось говорить уже о вырожденіи нравовъ. Визинъ прямѣе: у него отцы годятся столь же мало, какъ и сыновья. Въ обѣихъ комедіяхъ выведены люди стараго закала, бригадиръ, грубый, вспыльчивый, невѣжественный, его жена невѣроятна ограниченная госпожа, ихъ сынъ, пустая голова какъ и родители, но съ французской шлифовкой, совѣтникъ съ извѣстной «моралью» чиновника, къ тому же Тартюфъ, совѣтница, влюбленная во французика; сцены между отцомъ и сыномъ, между бригадиршей и совѣтникомъ, который цитатами изъ псалмовъ дѣлаетъ ей любовное объясненіе,—производятъ непреодолимое впечатлѣніе. Еще богаче яркимъ комизмомъ «Недоросль»: Митрофанушка и его учитель, Митрофа-

нушка и экзамень, его мать и ея слѣпая любовь, ея братъ со своимъ пониманіемъ толка въ свиняхъ—граничатъ съ карриатурами, но остались непревзойденными въ театрѣ не только Екатерининскаго времени. Въ сравненіи съ этими типами ужасающей сердечной и умственной заурядности резонеры блѣдны и расплывчаты; ихъ сентенціи къ тому же часто непонятны. Къ сожалѣнію, Визинъ удовольствовался триумфами, которые ему доставило чтеніе этихъ комедій передъ императрицей, и послѣдовалъ только слишкомъ точно совѣту Потемкина послѣ выслушанія «Недоросля»: умри или больше не пиши! Стремленіе къ желчной сатиры замѣчается и въ другихъ сочиненіяхъ еще яснѣе, чѣмъ въ обихихъ комедіяхъ; «Вопросы» 1783 г. уже упоминались, еще рѣзче была «придворная грамматика»; критикуя все въ Россіи, онъ постукалъ, какъ мизантропъ, не снисходительнѣе и съ заграницей; его «писма изъ Франціи» часто переходятъ прямо въ клевету, которую онъ заимствуетъ къ тому же отъ французскихъ моральныхъ проповѣдниковъ. И здѣсь попадаются нѣкоторыя глубокія замѣчанія: можно подумать, что читаешь буквально Герцена, напр., при словахъ: «Если здѣсь (во Франціи) начали жить раньше насъ, мы можемъ по крайней мѣрѣ, начиная нашу жизнь, придавать ей форму, какую хотимъ, и избѣгать вкоренившихся здѣсь неудобствъ и золь, nous commençons et ils finissent»,—и на основаніи этого хотѣли заклеить Визина славянофиломъ, въ то время какъ онъ оспариваетъ всякую русскую жизнь въ прошломъ! Наоборотъ, не могли подняться никакія ипохондрическія толкованія о французскомъ рабствѣ и русской свободѣ и т. п. Конечно, Визинъ совершенно зависитъ отъ французовъ, это видно уже по его языку; и въ этомъ онъ согласуется съ современниками. Интересно только, что впервые вмѣсто безусловнаго почитанія заграничныхъ учителей стало выступать критическое отношеніе къ этимъ наставникамъ.

Другіе шли еще дальше, князь Щербатовъ, княгиня Дашкова, единственная русская женщина, которая почти равнялась съ императрицей по уму, образованію и энергіи; отсюда зачастую натянутыя отношенія обихихъ, положительная немилость къ княгинѣ-президентшѣ, несмотря на то, что Екатерина еще съ дворцовой революціи была весьма обязана ей; недозволенные настоящимъ, съ его ослабленіемъ нравственности, его расточительностью, жадностью, безчестностью, они противопоставляли реформѣ Простакова и Скотинина, т. е. честную мораль допетровскаго времени реформѣ, жаловались на страшную испорченность нравовъ настоящаго. Такъ какъ дѣйствительность говорила слишкомъ ясно, такъ какъ возвращеніе къ допетровскому времени, къ животнымъ идеаламъ Скотинина, было невозможно, то они сожалѣли о слишкомъ успѣшномъ темпѣ, которымъ удалились отъ дикости, о слишкомъ рѣзкомъ порывѣ съ традиціей, т. е. съ тѣмъ же варварствомъ. Яснѣе всего высказалъ это Щербатовъ, оказавшій неоспоримыя заслуги въ области древней русской исторіи опубликованіемъ отдѣльныхъ текстовъ въ видѣ семитомной исторіи Руси, до Романова, легкой въ основу позднѣйшаго изложенія Карамзина. Его рѣзкая критика оставалась для современниковъ совершенно недоступною. Уже одна эта невозможность высказывать даже свои мысли должна была бы убѣдить князя, что основа

Кн. А. Д. Кантемиръ.

«нравственной испорченности» лежала не въ реформѣ, а въ слишкомъ большой односторонности, несовершенствѣ ея, что старый азіатскій духъ продолжалъ жить въ новыхъ формахъ и людяхъ. Дѣйствительно, играло тутъ роль и вліяніе Руссо, представленіе о райскомъ состояніи, прежде чѣмъ человѣчество отвѣдало отъ древа познанія. Ибо щербатовская критика новыхъ отношеній и силъ, апологія старыхъ честныхъ мужей, при чемъ оскорбленные сословные интересы играли существенную роль—Щербатовъ глубоко сожалѣлъ о пренебреженіи старыми «родами»,—объединялись новѣйшимъ деизмомъ и другими пріобрѣтеніями просвѣщенія. Свои идеалы князь выразилъ въ неоконченномъ, только столѣтіе спустя напечатанномъ «Путешествіи въ страну Офирь», т.-е. въ Россію; отъ выдумокъ Мора, Свифта и другихъ социальныхъ романовъ «Офирь» выдѣлялся тѣмъ, что носилъ опредѣленные черты Россіи, петровской реформы, противоположности обихъ столицъ и т. д. и открывалъ схему будущаго государства: перенесеніе резиденціи, вмѣстѣ съ тѣмъ пуританская строгость нравовъ, религія безъ догматовъ, алтарей и священниковъ, публичный и скорый судъ и, что характерно для русскихъ, регламентація, проникающая и частную жизнь, необыкновенныя привилегіи высшаго дворянства.

Эти произведенія, современникамъ совершенно неизвѣстныя,—мемуары Дашковой выступили на свѣтъ тоже спустя полстолѣтія—приводятъ критику и сатиру къ книгѣ, исторія которой бросаетъ самый яркій свѣтъ на новое развитіе вещей въ Россіи, на перемѣну, которая произошла съ императрицей. Игру съ идеями Наказа 1768 года она оставила уже давно, какъ шутки съ огнемъ; но гораздо осторожнѣе, недовѣрчивѣе сдѣлалась она, когда философское возбужденіе умовъ въ Парижѣ перешло въ политическое. Она сейчасъ-же стала рѣзко противъ; не находила достаточно словъ, чтобы заклеймить слабость короля и его министровъ, «преступленіе» палаты депутатовъ; она была слишкомъ умна, чтобы подобно Донъ-Кихоту реакціи думать о вмѣшательствѣ съ оружіемъ, зато тѣмъ болѣе энергичныя мѣры приняла она для Россіи, чтобы сохранить ее отъ этой заразы, по правилу, которое послѣ сдѣлалось основнымъ, напр., въ 1848 г.: такъ какъ въ Парижѣ идетъ дождь, то на Невѣ раскрываютъ зонты. Штурмъ «революціей» Бастиліи, въ которомъ принимали участіе русскіе аристократы, императрица почувствовала, какъ штурмъ самого самодержавія и сообразно съ этимъ приняла свои мѣры: а то вѣдь ея кадеты уже переводили марсельезу.

Перемѣна послѣдовала не сразу; свѣдующіе люди давно могли указать ея признаки. Когда наивный поэтъ, Капнистъ, по прочтеніи Наказа вдохновился къ одѣ противъ рабства, княгиня Дашкова хотѣла ее напечатать и передать императрицѣ (1786), но Державинъ отговорилъ ее отъ этого поступка, какъ «несообразнаго съ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ». Тогда совершенно неожиданно, съ дозволенія петербургскаго оберъ-полицеймейстера, появилась цѣлая книга противъ рабства, съ одой свободѣ и Франклинъ (1790).

Заглавіе было, конечно, совсѣмъ незамысловатое: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», въ 25 главахъ, которыя были названы по почтовымъ станціямъ: Чудово, Новгородъ, Зайково и т. д. Образцомъ служило «Чувствительное путешествіе» Стерна; только чувствительность русскаго возбуждалась не птицею въ клѣткѣ или избитымъ осломъ, но видомъ страшныхъ страданій крѣпостныхъ людей, и краснорѣчивымъ призывомъ обращалась книга къ сердцу и совѣсти людей. Составитель, Радищевъ, весьма почтенный, безкорытный чиновникъ, былъ въ юности отправленъ правительствомъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ его привлекали еще болѣе, чѣмъ Геллертъ и Платнеръ, французы, особенно Гельвецій; Рейналева исторія обихъ Индій съ ея горячимъ заступничествомъ за чело-
вѣ-

ческія права негровъ побудила его подумать о бѣлыхъ рабахъ, и такъ возникла его собственная книга. Большинство путевыхъ впечатлѣній касается благотѣльныхъ послѣдствій крѣпостничества такъ же, какъ спустя десятилѣтія и Тургеневскія «Записки охотника»; только у Радищева спадаеть осторожное покрывало, онъ шель цѣликомъ; администрація и юстиція тоже не были забыты; онъ представляетъ картины рекрутскаго набора, т. е. гражданской смерти людей, продажи крестьянскихъ семей, упоминаеть о господинѣ, который изнасиловать 60 крестьянскихъ дѣвушекъ и пр. Во снѣ явилась передъ лавровѣнчаннымъ, окруженнымъ лестью властителемъ незнакомка, странница-истина, и сняла бѣльмо съ его глазъ; онъ сознаеть свое ослѣпленіе и обманъ. Дѣло дошло до поэтическихъ проклятій: Берегитесь вы принимать хлѣбъ изъ рукъ помѣщика, слезами отчаянія пропитанъ онъ. Проклятіе Бога сдѣлаеть для васъ этотъ хлѣбъ ядомъ! Смягчитесь вы, жестокосердые, разбейте оковы своихъ собратьевъ, откройте темницу рабства. Земледѣлецъ, который даетъ намъ здоровье и жизнь, не имѣеть права на поле, которое онъ обрабатываетъ, ни на то, что оно производитъ! Но авторъ не мечталъ ни о какомъ насильственномъ переворотѣ, и не подстрекаль онъ кого—либо; его книга была предназначена совсѣмъ даже не для крестьянъ, которые ея и не поняли бы; она обращалась къ совѣсти господъ и ожидала улучшенія отъ ихъ усмотрѣнія: «Я взглянулъ окрестъ меня», говорилось въ посвященіи: «душа моя страданіями человѣческими уязвлена—стала; обратилъ взоръ во внутренность мою и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто оттого толико, что онъ взираеть не прямо на окружающіе его предметы... отыми завѣсу отъ очей природнаго чувствованія, и блаженъ будешь... я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Это было все; рядъ сантиментальныхъ и патетическихъ словъ, правдивыхъ картинъ, безъ преувеличенія или искаженія, открытое указаніе на язву Россіи, на проклятіе, которое тяготѣло надъ милліонами и признаніе всякой цензуры излишнею и вредною. Будь книга написана въ 1768 г., императрица сейчасъ бы присоединила еѣ къ своему собственному Наказу. Единственное преступленіе несчастнаго состояло въ томъ, что онъ выпустилъ еѣ на 20 лѣтъ позже; гдѣ наказываютъ, подобно сумасшедшимъ, за слишкомъ раннее появленіе, въ Россіи за слишкомъ позднее!

Полицейскій цензоръ не приостановилъ «Путешествія», зато это сдѣлала императрица. Радищевъ показался ей «бунтовщикомъ, свирѣпымъ, какъ Пугачевъ»; онъ, наконецъ, «мартинистъ или что-либо подобное»; въ ея замѣткахъ значилось: «Авторъ зараженъ французами, онъ отыскиваетъ все возможное, лишь бы поколебать уваженіе къ правительству и поднять возстаніе народа противъ начальниковъ». Въ рукахъ страшнаго Шешковскаго составитель отказался отъ своей книги; онъ былъ приговоренъ къ смерти и сенатъ утвердилъ приговоръ, на основаніи параграфовъ о взятіи приступомъ укрѣпленій и окоповъ, о сборѣ вооруженнаго народа противъ царя! Приговоръ былъ смягченъ ссылкой въ восточную Сибирь въ кандалахъ. Павелъ помиловалъ его; Александръ I приказалъ опять опредѣлить его на службу, но уваженіе предъ самодержавіемъ такъ впиталось Радищеву въ кровь, что, когда его начальникъ въ шутку сталъ грозить ему новой Сибирью, онъ сейчасъ же отравился. И эта замѣчательнѣйшая, совершенно невинная книга еще такъ недавно была недоступна въ Россіи; уже допущенныя изданія были снова уничтожены и въ заключеніе, въ 1890 г., было дозволено отпечатать 100 экземпляровъ. Имя несчастнаго долгое время, вообще, не могло быть упоминаемо, даже въ порицательномъ смыслѣ.

Чтобы по достоинству оцѣнить Радищева, пусть обратятъ вниманіе на то, что его «Путешествіе» было не минутнымъ внушеніемъ омерзѣнія предъ русской дѣйствительностью, которая иныхъ доводила до самоубійства, несмотря на всѣ вышніе триумфы и веселую личную жизнь о томъ же онъ проповѣдывалъ всегда, даже съ одобренія императрицы и безъ всякаго колебанія. Такъ, въ 1773 г. онъ на счетъ императрицы издалъ «Observations sur l'histoire de la Grèce» Мабли, разъясняя выраженіе «деспотизмъ» чрезъ «самодержавіе», называлъ его «противнымъ человѣческой натурѣ состояніемъ» И, между прочимъ, высказывалъ: Несправедливость правителя даетъ народу, какъ его судѣ, то же самое или еще большее право надъ нимъ, какое законъ предоставляетъ ему надъ преступникомъ. Въ 1789 г. издалъ онъ біографію своего Лейпцигскаго друга, Ушакова, первая біографія русскаго частнаго человѣка, и здѣсь выступаютъ самыя рѣзкія обвиненія противъ притѣняющихъ народъ чиновниковъ, хвалебныя возвеличенія гордыхъ англичанъ за ихъ сопротивленіе правителямъ, радость, что насильники, пораженные слѣпотой, бродятъ на краю пропасти, не предчувствуя своего паденія; признаніе, наконецъ, съ какимъ воодушевленіемъ юноши при своемъ возвращеніи привѣтствуютъ русскую почву и какъ скоро то, на что они здѣсь наталкивались, умѣряетъ ихъ пыль. «Путешествіе» формулировало только рѣзче и систематичнѣ старыя мысли и ставило на первый планъ крѣпостное рабство. Радищевъ требовалъ абсолютной свободы въ религіозныхъ вещахъ и для сектъ: чѣмъ извѣстнѣе ихъ стремленія, тѣмъ быстрѣе распадаются онѣ, но дѣйствомъ онъ былъ всегда; онъ требовалъ любви, а не насилия въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми; законности правительственной власти; эта не могла нарушать «контракты», иначе пусть остерегаются и избѣгаютъ ея, даже чрезъ самоубійство, которое является послѣднимъ средствомъ (не даромъ прибѣгъ онъ въ 1802 г. къ яду и бритвѣ). Въ своемъ сновидѣніи заставляетъ онъ правду вѣщать правителю: «Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ глазомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блудись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его (Шешковскимъ!), яко странника. Ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ... Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва одинъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ». То, что онъ сказалъ о цензурѣ и правдѣ, для Россіи всегда оставалось вѣрнымъ: Если кто свирѣпствуетъ противъ печатныхъ строкъ, то онъ заставляетъ насъ думать, что напечатанное вѣрно и таково, какъ оно представлено... Правда—наше высшее Божество и, если бы Всемогущій измѣнилъ свой образъ, наше лице отвернулось бы отъ него.—Цензура и придворная ложъ дѣлаютъ невозможнымъ познаніе правды.—«Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего нерѣдко бываютъ кривыя ноги». Жалобы на крѣпостное рабство: ненасытные, кровожадные звѣри, что оставили вы крестьянину? То, чего вы отнять у него не можете, воздухъ. — На одной сторонѣ неограниченное всемогущество, на другой беззащитная безпомощность, ибо по отношенію къ крестьянину господинъ — законодатель, судья, обвинитель, палачъ... Это жребій закованнаго въ узы, жребій брошеннаго въ душную тюрьму, жребій вола подъ ярмомъ.

Впервые мѣткіе Новикова о русскою литературѣ было опровергнуто. Въ своемъ «Живописцѣ» онъ заставилъ отставнаго чиновника смѣяться надъ сатириками: «Къ чему переливаешь ты изъ пустого въ порожнее?

Ты похожъ на комнатную собачонку моей жены, которая лаятъ на каждого, никого ни кусая, и это называется лаять на вѣтеръ; я думаю, если лаять, такъ и кусать, но такъ, чтобы было больно, а для этого существуютъ другія собаки; пусть брешетъ комнатная собачонка, се никто не боится, — такъ и ты пишешь совершенно даромъ». Новиковъ былъ правъ, только относительно сатиры XVIII в., но «Путешествіе» Радицева единственное, которое «не лаяло на вѣтеръ» и, подобно Галилею, долженъ онъ былъ уступить инквизиціи, но убѣдить себя не позволилъ. Онъ остался при своихъ положеніяхъ; стоитъ только одному возвыситься надъ толпой, мужественно исповѣдывать правду, онъ сейчасъ же будетъ притягивать, какъ магнитъ опилки, но должна существовать соответствующая обстановка, «иначе задохнется Гуссъ въ пламени, Галилей будетъ заточенъ въ темницу и его другъ сосланъ въ Ильмскъ». Но изъ Ильмека онъ возвратился неисправленнымъ и подалъ проектъ, требованія котораго частью не исполнены еще и теперь: равенство всѣхъ передъ закономъ, публичный судъ и присяжные, отмѣна тѣлеснаго наказанія, уничтоженіе табели о рангахъ, свобода совѣсти и т. д., — ничего удивительнаго, что графъ Завадовскій, его министр, говорилъ ему о Сибири, неудивительно, что онъ, «врагъ рабства», рѣшился на самоубійство. Имя Радицева останется безсмертнымъ, въ XIX ст. о героѣ свободы напоминаетъ другой, Чернышевскій, но ожесточенный ненавистью къ преслѣдователямъ.

Терпѣли только «лай на вѣтеръ», безвредную въ «шутливомъ» тонѣ сатиру Фонвизина, его «Недоросля»; она топтала давно уже поверженныхъ на землю и робко преклонялась передъ правительствомъ, предъ золотымъ дядюшкой изъ Америки, воодушевлялась мудрымъ повелителемъ, который помогаетъ людямъ найти ихъ истинное счастье, разсыпалась въ комплиментахъ по точнымъ адресамъ императрицы, вложивъ ихъ въ уста «Старо— вмѣсто Новодумца». Сильный отбѣнокъ моральныхъ проповѣдей, который характеризуетъ «Недоросль» сравнительно съ «Бригадиромъ», гдѣ добродѣтельные герои совсѣмъ исчезаютъ, обезпечивало ему тогда благоволеніе толпы, и которую скоро онъ заставилъ звать.

То же самое было и съ трагедіей; здѣсь также не могли не появиться конфликты съ недовѣрчивымъ самодержавіемъ. Хотя «Сорену» Николаева съ ея тирадами противъ тиранцовъ, которую московскій генералъ-губернаторъ снялъ со сцены, императрица и дозволила представлять дальше, однако, трагедія Княжнина «Вадимъ», когда княгиня Дашкова отпечатала ее (въ 1793 г., по смерти автора), возбудила величайшее неудовольствіе, была конфискована, княгиня попала въ немилость. И все-таки Княжнинъ почти въ теченіе двухъ десятилѣтій господствуетъ на сценѣ съ подобными вещами. Онъ совершенно вступилъ въ наслѣдіе Сумарокова (въ безталанности тожъ); его трагедіи были или переводами Корнеля или подражаніями и передѣлками; его слова изъ «Тита»: «Да будетъ храмъ мой— Римъ, алтарь— сердца гражданъ» имѣютъ въ виду прямо императрицу. Трагедія должна дѣйствовать морально, нравственность важнѣе, чѣмъ знаніе. Исходя изъ этого, Княжнинъ надѣлялъ своихъ героевъ прекраснѣйшими добродѣтелями и заставлялъ ихъ держать чудеснѣйшія рѣчи о любви къ людямъ, о долгѣ гражданина, объ истинной чести, истинной заслугѣ и т. п., — живой комментарий къ основамъ Наказа, доколѣ не оказалось, что дѣло стало болѣе не своевременнымъ. «Вадимъ», возстаніе Новгорода противъ «самодержавія», свободныя рѣчи его приверженцевъ, зато прославленіе побѣды монархіи надъ республикой, былъ столь же благомыслящимъ, какъ и «Рославъ», превознесеніе любви къ отечеству, оставшейся непоколебленною и въ тюрьмѣ, какъ и другія трагедіи, и все-таки считался пропитаннымъ французскимъ, т. е. революціоннымъ духомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, драма удерживаетъ свой моральный и французскій псевдоклассическій характеръ; «оригинальныя» пьесы походятъ, несмотря на имена, на дословно переведенныя, только были гораздо хуже; онѣ держались, главнымъ образомъ, благодаря декламаціи иныхъ выдающихся актеровъ, какъ Дмитріевскій. Нѣкоторую смѣну, демократизацію матеріала внесла гражданская комедія, которая наконецъ освободила репертуаръ отъ разрушителей и тиранновъ. Но и эта «комедія» не принесла никакой націонализаціи сцены, которая и дальше оставалась во власти переводовъ; оригинальныя попытки Веревкина или Хераскова съ ихъ трогательными эффектами ничего не измѣняли. Все громче раздавался зовъ къ вытѣсненію иностранщины изъ театра; но кто громче всѣхъ развивалъ свою теорію, Лукинъ, на дѣлѣ давалъ только весьма посредственныя вещи. Публика, конечно, была благодарна и за малѣйшія стремленія пойти навстрѣчу ея національному чувству.

М. М. Херасковъ.

Въ комедіи больше всего чувствовался этотъ недостатокъ въ правдивости; Фонвизинъ взялъ изъ жизни только свои отрицательные типы, положительные—изъ Наказа; другіе довольствовались еще меньшимъ, какъ Княжнинъ, чьи комедіи, несмотря на русскія названія, совершенно французскія по духу и приписываютъ русскому невозможное; лучше всего удалось «Несчастье отъ кареты», гдѣ крестьянская влюбленная пара, которой грозитъ разлука, предотвращаетъ катастрофу, обратившись къ своимъ господамъ съ просьбой на французскомъ языкѣ. Наибольшимъ успѣхомъ послѣ «Недоросля» пользовалась «Ябеда» Капниста, но послѣ нѣсколькихъ представленій (1798) она была строжайше запрещена; авторъ при драматизированіи своего собственнаго процесса показалъ русскую юстицію *in naturalibus*; характеристика его лицъ, причастныхъ суду, въ такомъ родѣ: «Сущій истины Іуда и предатель», или «существеннѣйшій воръ», или «будь ты голъ, какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватить»; славилась пѣсня прокурора:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожь привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?»

Къ этой сатирико-поучительной литературѣ присоединялась и басня, именно въ томъ видѣ, какъ ее сочинялъ Хемницеръ. Она вовсе не была чѣмъ-либо новымъ; Сумароковъ написалъ сотни басенъ, впрочемъ, скорѣе сатиры, и это составляло самую дѣнную часть его наслѣдія, по крайней мѣрѣ, такъ казалось современникамъ. У Хемницера только четверть того, и многое восходитъ къ Лафонтену, а особенно къ Геллерту. Въ самомъ человѣкѣ не было никакой злобы, и такимъ же онъ выказываетъ себя въ своихъ басняхъ, симпатичною, честною и здравомыслящею личностью, напр., требованіе въ знаменитой «Лѣстницѣ» начинать выметать сверху, а не снизу; онъ умѣетъ обрабатывать матеріаль просто, ясно, живо и возможно приспособлять языкъ къ народной рѣчи, отсюда заслуженная любовь, бо-

торую пользовались басни (1779), выдержавшія до 40 изданій и оттѣсенныя только Крыловымъ, несмотря на ихъ извѣстную сухость—«голость», называлъ это Вяземскій.

Исходнымъ пунктомъ всей литературы, о которой до сихъ поръ была рѣчь, служить Петербургъ, императрица, ея Наказъ; ея типъ былъ исключительно французскій, и переводы и подражанія Шекспиру ничего не могли тутъ измѣнить; направленіе, исключительно просвѣтительное, поучающее и исправляющее, преподавало ли оно новыя катехизическія мудрости или дѣйствительнѣе боролось противъ старыхъ пороковъ: лѣности, невѣжества, суевѣрія, лицемѣрія, и противъ новыхъ недостатковъ: жеманства, вѣтренности, галломаніи, страсти къ игрѣ, прожектерства, критиканства—послѣднимъ занимались специально комедіи императрицы, которая выводила эти результаты извращенности на сцену или бичевала ихъ въ сатирическихъ журналахъ. Но русская умственная работа не пошла въ этомъ одномъ направленіи, которое было исключительно французскимъ, несмотря на близость къ Стерну и Галлерту, и которое лучше всего воплотилось въ совершенно французскомъ *esprit* императрицы; рядомъ съ просвѣщеніемъ сентиментальность и мистика; вмѣстѣ съ французскимъ вліяніемъ и нѣмецко-англійское предъявляло свои права, и были даже писатели, которые совершенно покинули область сатиры и сдѣлались мистиками. Безусловное почитаніе Вольтера и энциклопедистовъ, Гольбаха и Гельвеція, которыми наслаждалась княгиня Дашкова; быстрое размноженіе «вольтеріанства» съ его скептицизмомъ въ дѣлахъ вѣры, съ его проповѣдью неглубокаго гуманизма, безъ какого-либо смысла для политико-революціонной стороны;—со всѣмъ этимъ «вольнодумствомъ» стали бороться не впервые въ 1789 г., когда императрица почти запретила своихъ любимыхъ писателей; ибо сочиненія Вольтера не могли теперь печататься въ русскомъ переводѣ безъ одобренія духовенства, въ то время какъ еще въ 1783 г. Рахманиновъ воспользовался свободою, чтобы въ собственной типографіи издать Вольтера. Оплотъ противъ вольнодумства, противъ всякой фривольности и безбожія, въ форму которыхъ вырождалось въ незрѣлыхъ головахъ французское движеніе, создало нѣмецко-англійское вліяніе.

Проводниками этого вліянія уже съ давнихъ поръ были: пребываніе въ Германіи, напр., во время Семилѣтней войны, когда Кенигсбергъ былъ русскимъ; нѣмцы въ Россіи, именно въ Москвѣ, начиная отъ профессоровъ университета, какъ Шварцъ и Шаденъ—пусть они оба смертельно ненавидѣли другъ друга,—до Штюрмера и Дренгерленца; нѣмецкая литература, Галлеръ, Гесснеръ, Геллертъ, Клейстъ и т. д.; въ не малой степени и масонство. Оно было переезжено въ Россію изъ Англии при Елизаветѣ, приобрѣло въ высшихъ кругахъ отдѣльныхъ адептовъ и тогда же натолкнулось на сопротивленіе духовенства; особенное распространеніе нашло оно при злѣйшемъ своемъ врагѣ, Екатеринѣ. Можно было бы подумать, что гуманитарныя тенденціи чистаго масонства, возвышеніе надъ конфессіональными, національными и сословными рамками, исканіе правды, идеализмъ объединились бы немедленно съ просвѣтительными тенденціями императрицы. Вышло иначе. Сначала Екатерина оставила масоновъ въ покоѣ. Дальше просвѣщенный деспотизмъ, ревнивый къ своему безграничному авторитету, долженъ былъ относиться съ возрастающимъ недоувѣріемъ къ тайному обществу, которое совершенно ускользало изъ-подъ его контроля. Недоувѣріе стало расти, когда русское масонство стали проникать пѣтистическія направленія, которыя Екатеринѣ всегда казались «затхлыми», ученія о таинственномъ магіи, исканіе жизненнаго эликсира, камня мудрости, что она считала простымъ обманомъ; когда русскіе масоны сдѣлались прямо розенкрейцерами; когда даже стали подозрѣвать политико-соціальныя тенденціи, и Екатерина

полагала, что открыла сношенія масоновъ съ ненавистнѣйшими ей людьми, сыномъ Павломъ и заграницей (только по дѣламъ ордена). Русское масонство не было проникнуто единствомъ; московскіе и петербургскіе масоны различались не только во вѣишностяхъ, но и преслѣдовали различныя цѣли. И понятно, могло случиться, что гнѣвъ императрицы разразился въ заключеніе надъ отдѣльными невинными, такъ что даже «старѣйшая пушка ея арсенала», которую она вывела противъ несчастныхъ, удивлялась, почему же участники въ «преступленіи» Новикова вышли почти безнаказанными, въ то время, какъ самого постигъ смертный приговоръ, смягченный 15-лѣтнимъ Шлиссельбургомъ.

Новиковъ, рекомендованный императрицѣ въ качествѣ секретаря законодательной комиссіи 1768 года, какъ солдатъ того самаго полка, который ради нея предпринялъ дворцовую революцію, своею литературною дѣятельностью могъ быть для нея только тѣмъ желательнѣе. Онъ былъ издателемъ весьма почтенныхъ сатирическихъ журналовъ, имѣвшихъ въ виду исправленіе нравовъ. Это были «Трутень»—слишкомъ лѣнивый къ какой-либо собственной работѣ, мнимо хотѣлъ давать только иностранное—и «Живописецъ»—нравовъ; Новиковъ пошелъ нѣсколько дальше, чѣмъ это было угодно императрицѣ. Уже въ «Трутнѣ» (1769) одинъ корреспондентъ далъ ему совѣтъ свое зеркало держать только передъ маленькими людьми и оставлять въ покоѣ большихъ—должно ограничиваться только русскою солью въ сатирѣ. Въ «Живописцѣ» (1773) онъ помѣстилъ описаніе путешествія, которое предупредило прямо книгу Радищева: тутъ были обращеніе къ гуманности, «здѣсь, въ русскихъ деревняхъ, совершенно неизвѣстной», громкія указанія на барство, «тиранящее людей, подобныхъ себѣ»; слыдуется картина изъ деревенскаго быта, по ужасу своего содержанія не оставляющая желать ничего большаго; въ этомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: О жестокосердый Тираннъ, ты, который отнимаешь у своихъ рабовъ ихъ ежедневный хлѣбъ и послѣдній покой... кричить и жалуется бѣдное созданіе (рѣчь идетъ о покинутахъ дѣтяхъ), взрослымъ даже не будетъ дано и этого облегченія! «Издатель» заключалъ увѣреніемъ, что онъ не осмѣлился бы предложить читателю столь пересоленное блюдо, пока мы «были заражены французскою націей», но теперь возсѣдающая на нашемъ тронѣ мудрость блюдетъ всякую правду. Последняя, впрочемъ, не помѣшала этой мудрости устроить всевозможныя препятствія къ дальнѣйшему выходу «Живописца».

Новиковъ совершенно не подходилъ къ тѣмъ французскимъ романамъ, въ которые императрица втиснула литературу и жизнь Петербурга; онъ хранилъ свою независимость и искалъ ея также для своего народа. Это онъ поднималъ химеры о «добродѣтеляхъ нашихъ предковъ», которыя мы съ презрѣніемъ оставили;—вѣроятно, эта мысль приводитъ его къ усиленнымъ; нашедшимъ содѣйствіе самой императрицы занятіямъ по изслѣдованію русской старины; появляются его «Историческая Вивлюэнка» и другія изданія и сборники, вплоть до перваго, цѣликомъ панегирическаго, словаря писателей. Новиковъ промѣнялъ эти историческіе интересы на социальную-публицистическую пропаганду, первую въ своемъ родѣ въ Петербургѣ; онъ боролся противъ порчи нравовъ, дѣлалъ отвѣтственными за нее французовъ; рѣзко нападаль на обезьянье подражаніе всему иностранному и приходилъ къ пессимистическому заключенію: наша погибшая нравственность могла бы возвратиться, если бы прѣжніе русскіе правители предчувствовали, что съ введеніемъ искусствъ и наукъ самое дорогое сокровище русскихъ, ихъ мораль, должна была пропасть безвозвратно. Выхода изъ этой дилеммы между просвѣщеніемъ и моралью Новиковъ искалъ въ стремленіи къ самопознанію и нашелъ исходъ, применивъ къ масонству, именно войдя членомъ Рейхелевскихъ ложъ, которыя все относили къ нравственности и самопознанію.